

Г. Г. Филиппова

ПСИХОЛОГИЯ МАТЕРИНСТВА

Учебное пособие

Издательство Института Психотерапии
Москва
2002

Филиппова Г. Г.

Психология материнства: Учебное пособие. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. — 240 с.

В учебных пособиях к курсу «Психическое развитие ребенка раннего возраста», как правило, подробно не излагаются два очень важных тематических раздела — развитие психики в пренатальном периоде и психология материнства.

Книга Г. Г. Филипповой восполняет этот пробел. В ней отражены взгляды современной отечественной и зарубежной науки на психическое развитие ребенка, структуру и содержание взаимодействия матери и ребенка в пренатальном, неонатальном периодах, младенчестве и раннем возрасте, а также дано представление о материнстве как самостоятельной психической реальности.

Пособие предназначено для студентов психологических, психолого-педагогических и психолого-медицинских специальностей.

ISBN 5-89939-064-6

© Г. Г. Филиппова, 2002

© Изд-во Института Психотерапии, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава 1. Проблема материнства и его изучение в психологии

1.1. Проблема материнства

1.2. Изучение материнства в психологии

1.3. Мать и ребенок: пути исследования

Вопросы для обсуждения

Глава 2. Психическое развитие ребенка и функции матери

2.1. Особенности развития ребенка и функции матери

2.2. Основные направления психологии детского развития

2.3. Эмоциональное благополучие

2.4. Развитие ребенка в раннем онтогенезе и функции матери

2.5. Проблема развития материнских функций

Вопросы для обсуждения

Глава 3. Материнство: структура, содержание, онтогенез

3.1. Материнство как потребностно-мотивационная сфера

3.2. Содержание и структура материнской потребностно-мотивационной сферы

3.3. Онтогенез материнской потребностно-мотивационной сферы

3.4. Особенности развития материнской сферы в современных условиях

Вопросы для обсуждения

Глава 4. Психологическая помощь матери и ребенку

4.1. Проблема психологической помощи в материнстве и существующие формы психологической помощи

4.2. Структура и содержание психологического консультирования

4.3. Диагностика и проектирование коррекции

Вопросы для обсуждения

Литература

ВВЕДЕНИЕ

Материнство изучается в психологии в различных аспектах, психологических школах и направлениях. Есть немало научных и научно-популярных изданий, посвященных этой проблеме. Разные аспекты материнского поведения затрагиваются в психологии личности, в детской психологии, педагогической психологии и т.д. Важность материнского поведения для развития ребенка, его сложная структура и путь развития, множественность культурных и индивидуальных вариантов, а также огромное количество современных исследований в этой области позволяют говорить о материнстве как самостоятельной реальности, требующей разработки целостного научного подхода для его исследования.

Настоящее учебное пособие представляет собой попытку представить материнство как часть личностной сферы женщины, имеющую фило- и онтогенетическую историю и ориентированную на задачи рождения и воспитания ребенка. При подготовке пособия использованы материалы многих научных исследований материнства и развития ребенка в раннем онтогенезе, в том числе и собственные данные автора, полученные в ходе многолетней научной и консультационной работы с беременными женщинами, матерями с младенцами и детьми дошкольного возраста, а также при изучении материнского поведения высших млекопитающих, в том числе и антропоидов.

В первой главе использованы материалы многих литературных источников, в которых анализируются культурные и исторические особенности материнства, а также современные научные исследования в этой области. При анализе развития ребенка (глава 2) не ставилась цель дублировать имеющиеся в учебной литературе сведения. Особенности раннего онтогенеза рассматриваются с точки зрения содержания материнских функций, их видотипичных и конкретно-культурных особенностей. Третья глава основана на авторской теоретической модели материнства и его развития в онтогенезе. В четвертой главе обобщается представленный в литературе и собственный опыт автора по организации психологической помощи по проблемам материнства.

Глава 1

ПРОБЛЕМА МАТЕРИНСТВА И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ В ПСИХОЛОГИИ

1.1. Проблема материнства

Психология материнства — одна из наиболее сложных и мало разработанных областей современной науки. Актуальность ее изучения продиктована противоречием между остротой

демографических проблем, связанных с падением рождаемости, огромным числом распадающихся семей, лавинообразным увеличением числа сиротеющих детей при живых родителях, с ростом числа случаев жестокого обращения с ребенком и не разработанностью программ социальной и психологической помощи семье, и в первую очередь женщине.

Материнство изучается в русле различных наук: истории, культурологии, медицины, физиологии, биологии поведения, социологии, психологии. Зарубежные исследования в области психологии материнства и смежных проблем, в противовес отечественным, отличаются чрезвычайной обширностью, разно направленностью концепций и подходов. В последние годы появился интерес к комплексному, междисциплинарному изучению материнства, что нашло отражение в ряде коллективных монографий: «The Different Faces of Motherhood» под ред. В. Birns и D.F. Hay, «The Development of Attachment and Affiliative systems» под ред. R.N. Emde и R.J. Harmon, «Psychological Aspects of a First Pregnancy and Early Postnatal Adaptation» под ред. P.M. Shereshevsky и L.J. Yarrow и др. В последней из названных книг авторы выделили более 700 факторов, представленных в 46 шкалах, характеризующих адаптацию женщины к беременности и раннему периоду материнства, включающих историю жизни женщины, ее семейное, социальное положение, личностные качества, связь с особенностями развития ребенка.

Основным выводом, сделанным авторами этих и других исследований, является, во-первых, констатация необходимости продолжения психологических исследований материнства как целостного явления и, во-вторых, отсутствие адекватного подхода и теоретической концепции для осуществления такого исследования. Актуальность целостного психологического подхода к изучению материнства подкрепляется тем, что, несмотря на современные достижения в области медицины, физиологии, гинекологии и акушерства, повышении научного и технического уровня родовспоможения и неонатальных практик, психологические проблемы материнства и раннего детства не уменьшаются.

Необходимость изучения психологии материнства и подготовки специалистов в этой области обусловлена также бурным развитием такой отрасли психологической практики, как психологическая помощь матери и ребенку (коррекция развития ребенка и материнско-детского взаимодействия), включая младенчество и пренатальный период. Вторжение процессов осознания в область интимных отношений матери с ребенком, изначально регулируемых филогенетически ранними неосознаваемыми механизмами, требует тщательной научной рефлексии как самих этих взаимоотношений, так и способов вмешательства в них в целях диагностики, психологической коррекции и профилактики. Особенно это касается нашей страны, где активно развивающийся социальный запрос на такого рода психологические услуги сталкивается с полным отсутствием теоретического, методического и организационного обеспечения.

Важность материнского поведения для развития ребенка, его сложная структура и путь развития, множественность культурных и индивидуальных вариантов, а также огромное количество современных исследований в этой области позволяют говорить о материнстве как самостоятельной реальности, требующей разработки целостного научного подхода для его исследования. В психологической литературе (преимущественно зарубежной) много внимания уделяется биологическим основам материнства, а также условиям и факторам индивидуального развития его у человека. В отечественной психологии в последнее время также появился ряд работ, связанных с феноменологией, психофизиологией, психологией материнства, психотерапевтическими и психолого-педагогическими аспектами беременности и ранних этапов материнства, девиантным материнством.

Если обобщать все основные направления исследований, то можно обнаружить, что материнство как психосоциальный феномен рассматривается с двух основных позиций: материнство как обеспечение условий для развития ребенка и материнство как часть личностной сферы женщины. Рассмотрим эти исследования подробнее.

1.2. Изучение материнства в психологии

Материнство как обеспечение условий для развития ребенка

В этих исследованиях материнство рассматривается в контексте материнско-детского взаимодействия. Основной ход рассуждений в постановке целей работ и интерпретации получаемых данных — от задач воспитания ребенка к особенностям матери. Выделяются материнские качества и характеристики материнского поведения, а также их культурные, социальные, эволюционные, физиологические и психологические основы. Все это часто рассматривается в аспекте определенного возраста ребенка, в результате чего сами материнские качества и функции, анализируемые в разных

работах, не всегда легко сопоставить между собой. В исследованиях, проводимых с этих позиций, можно выделить несколько направлений.

1. Культурно-исторические аспекты материнства

В современных исследованиях институт материнства рассматривается как исторически обусловленный, изменяющий свое содержание от эпохи к эпохе [И. Кон, М. Мид, E. Badinter, R. Gelles, D. Jil, В. Kornel и др.]. Однако имеется значительное разнообразие во взглядах по ключевым аспектам этой проблемы. Культурные и исторические аспекты материнства проанализированы в диссертационном исследовании М.С. Радионовой.

Работы М. Мид показали, что материнская забота и привязанность к ребенку настолько глубоко заложены в реальных биологических условиях зачатия и вынашивания, родов и кормления грудью, что только сложные социальные установки могут полностью подавить их. Женщины по самой своей природе являются матерями, разве, что их специально будут учить отрицанию своих детородных качеств: «Общество должно исказить их самосознание, извратить врожденные закономерности их развития, совершить целый ряд надругательств над ними при их воспитании, чтобы они перестали желать заботиться о своем ребенке, по крайней мере в течение нескольких лет, ибо они уже кормили его в течение девяти месяцев в надежном убежище своих тел» (М. Мид, 1989, с. 3). Там, где беременность наказывается социальным неодобрением и наносит оскорбление супружеским чувствам, женщины могут идти на все, чтобы не рожать детей. Если женское чувство адекватности своей половой роли грубо искажено, если роды скрыты наркозом, мешающим женщине осознать, что она родила ребенка, а кормление грудью заменено искусственным кормлением по педиатрическим рецептам, то в этих условиях обнаруживается значительное нарушение материнских чувств. Кросскультурные исследования [И. Кон, М. Мид, М.Е. Lamb, К. McCartney, D. Phillips и др.] свидетельствуют, что там, где люди превыше всего ценят социальный ранг, женщина может задушить своего ребенка собственными руками. Это делали некоторые женщины Таити, а также некоторые индианки из племени натчез, когда детоубийство могло повысить их социальное положение. М. Мид проводит параллели между «примитивными» и «развитыми» цивилизациями в том, как происходит подавление естественных материнских чувств. Ее наблюдения показывают, что там, где общество чрезвычайно высоко ставит принцип законнорожденности, мать незаконнорожденного ребенка может бросить его или убить.

Другую крайнюю социоцентристскую позицию занимает Элизабет Бадинтер [цит. по М.С. Радионовой, 1997]. Проследив историю материнских установок на протяжении четырех столетий (с XVII до XX века), она пришла к выводу, что «материнский инстинкт — это миф». Она не обнаружила никакого всеобщего и необходимого поведения матери, а напротив — чрезвычайную изменчивость ее чувств в зависимости от ее культуры, амбиций или фрустраций. Материнская любовь — это понятие, которое не просто эволюционирует, но наполняется в различные периоды истории различным содержанием. Исследовательница рассматривает во взаимосвязи три главные социальные женские роли: матери, жены и свободно реализующейся женщины. Она полагает, что в различные эпохи та или иная из этих ролей становилась главенствующей. Э. Бадинтер указала на связь между общественными потребностями и мерой материнской ответственности за рождение ребенка: «Женщина становится лучшей или худшей матерью в зависимости от того, ценится или же обесценивается в обществе материнство». Она проанализировала динамику материнских установок на протяжении нескольких веков во Франции и пришла к выводу, что до конца XVIII века материнская любовь была делом индивидуального усмотрения, случайным явлением. В те времена репродуктивная функция женщины воспринималась лишь как рядовая, ничем не выделяющаяся, часть ее обязанностей в семье, ничуть не более важная, чем участие женщины в семейном производстве. С другой стороны, при отсутствии или малой эффективности контроля рождаемости репродукция оставалась неотъемлемой стороной жизни почти всякой женщины. Ценность ребенка определялась его сословным положением, порядком рождения и полом (ценился прежде всего законнорожденный мальчик и первенец), а отнюдь не личными качествами.

Расхожим являлось спокойное отношение к гибели ребенка: «Бог дал, Бог и взял», «в мире ином ему будет лучше». При появлении нежеланных и внебрачных младенцев был распространен так называемый «закамуфлированный инфантицид» — практика несчастных случаев или же подбрасывания новорожденных в чужие дома.

Инфантицид предпочитался искусственным родам из-за большой токсичности abortивных веществ. В целом общество было безразлично к фактам исчезновения, внезапной болезни и гибели детей. К. Боннэ, прослеживая историю социального сиротства, утверждает, что между проявлением инфантицидов и отказом от ребенка имеется глубокая связь. В зависимости от того, за какую форму

отказа от материнства общество могло законодательно меньше покарать, та и проявляется в большей степени.

Трансформации в общественном сознании подвергались не только материнские установки, но и образ ребенка. Л. Стоун выявил четыре альтернативных образа новорожденного ребенка в европейской культуре: 1) традиционно-христианский, предполагающий, что новорожденный несет на себе печать первородного греха и спасти его может только беспощадное подавление воли, подчинение родителям и духовным пастырям; 2) социально-педагогический детерминизм, согласно которому ребенок по природе своей не склонен ни к добру, ни ко злу, а представляет собой *tabula rasa*, на которой общество и воспитатель могут написать что угодно; 3) природный детерминизм, по которому характер и возможности ребенка предопределены до его рождения; 4) утопически-гуманистический взгляд, утверждающий, что ребенок рождается хорошим и добрым и портится только под влиянием общества.

Во второй половине XX века вновь отчетливо проявились тенденции, враждебные «детоцентризму». Социально-политическая эмансипация женщин и все более широкое вовлечение их в общественное производство делает их семейные роли, включая материнство, не столь всеобъемлющими и, возможно, менее значимыми для них. Самоуважение женщины имеет, кроме материнства, многие другие основания — профессиональные достижения, социальную независимость, самостоятельно достигнутое, а не приобретенное благодаря замужеству общественное положение. Некоторые традиционно-материнские функции в институте семьи принимают на себя общественные институты и профессионалы (врачи, воспитатели, специализированные общественные учреждения и пр.). Это не отменяет ценности материнской любви и потребности в ней, но существенно изменяет характер материнского поведения [E. Badinter]. Как пишет историк Ф. Ариес, в последние десятилетия изменился образ ребенка в общественном европейском сознании: он стал мыслиться как докучливое, ненужное создание, которое стараются «отодвинуть» даже чисто физически, уменьшая количество и качество телесного контакта, делая воспитание ребенка подобным технологическому процессу. Спад рождаемости связан с боязнью будущего, ростом мотивации личностного развития, желанием утвердить свое место в жизни, свою индивидуальность, иметь устойчивое социальное положение раньше, чем посвятить себя заботе о детях (Ph. Aries).

Исследования разных культурных вариантов материнства в современном обществе также свидетельствуют о влиянии имеющихся моделей семьи, детства и ценностей, принятых в данной культуре, на материнское поведение и переживания женщины (M.L. Grossman, G. F. D. Louis and E. Margolis, A. Phoenix at all). Большой интерес представляет приведенное в этих работах сравнение распределения материнских функций в разных культурах, материнского поведения и отношения к ребенку, которые обеспечивают формирование необходимых в данной культуре личностных качеств (например, особенности когнитивной и эмоциональной сферы, качества привязанности, особенностей переживания успеха и неудачи в достижении цели).

Таким образом, материнство — это одна из социальных женских ролей, поэтому даже если потребность быть матерью и заложена в женской природе, общественные нормы и ценности оказывают определяющее влияние на проявления материнского отношения. Понятие «нормы материнского отношения» не является постоянным, так как содержание материнских установок меняется от эпохи к эпохе. Той или иной социальной установке соответствует определенный образ ребенка. Отклоняющиеся проявления материнского отношения существовали всегда, но они могли носить более скрытые или открытые формы и сопровождаться большим или меньшим чувством вины в зависимости от общественного отношения к этим актам.

2. Биологические аспекты материнства

В это направление можно объединить исследования, в которых мать и обеспечиваемые ею условия рассматриваются как организация физиологической и стимульной среды для развития ребенка. Большое значение придается эволюционным аспектам формирования физиологических, мотивационных и поведенческих механизмов материнства. Некоторые направления этих исследований объединяют биологический и психологический подходы. Среди них наиболее интересными для настоящей работы являются следующие.

Этологические исследования. Материнство изучается с позиций оценки количества ресурсных затрат родительской особи (родительский вклад: Д. Дьюсбери, Е.Н. Панов и др.), выявления эволюционных основ формирования паттернов родительского поведения (К. Лоренц, Н. Тинберген, Р. Хайнд и др.), взаимного обеспечения родителями и детенышами ключевой стимуляции для реализации адаптивного поведения. В этом направлении большой интерес представляют исследования, посвященные индивидуальным особенностям материнского поведения у высших приматов в неволе и в

природе, влиянию отношений в сообществе, в частности, ранга матери на ее материнское поведение и развитие детеныша. Некоторые из этих исследований, например, изучение изолированно выращиваемых детенышей приматов [Г. Харлоу и М. Харлоу], эффектов социального облегчения и социального научения, импринтинга, реакции следования, родительских и младенческих стимулов [К. Лоренц, Н. Тинберген и др.], внесли существенный вклад в развитие популярных в настоящее время психологических концепций (теории привязанности, социального научения, этологии человека и др.).

Физиологические и психофизиологические аспекты материнства. Спектр этих исследований необычайно велик, в основном они направлены на изучение нейрогуморальных механизмов полового созревания и обеспечения беременности и лактации. Для данного направления традиционным является сопоставление данных, полученных на животных и человеке. Изучается связь гормонального фона и эмоциональных состояний, их роль в развитии материнства, обеспечении эмоциональных особенностей материнско-детских отношений. Считается, что гормональный фон создает условия для восприимчивости к ситуации взаимодействия с ребенком, однако конкретная интерпретация своих состояний в беременности и раннем материнстве зависит от личностных особенностей, смысла беременности, социальной и семейной ситуации [К. Остин и Р. Шорт, К. Флейк-Хобсон с соавт., R.N. Emde et al., I. Hopkins, P.M. Shereshefsky and L.J. Yarrow]. Много внимания уделяется сравнительным исследованиям гормонального фона и проявления материнского поведения, динамики эмоциональных состояний в беременности (тревожность, стрессоустойчивость, раздражительность, депрессивность, их обострением в первом и третьем триместрах, стабилизация эмоционального состояния во втором триместре, динамика сексуальности в беременности), физиологического состояния при сепарации у разных видов животных и у человека. Эти особенности, а также гормональное обеспечение и содержание переживаний женщины при послеродовой депрессии, изучаются в сравнительном аспекте в различных культурах и у животных, преимущественно у приматов, низших и человекообразных. Обсуждается адаптивная роль динамики эмоциональных состояний в беременности и послеродовом периоде (снижение половой активности и активности, направленной на среду, в первом триместре и перед родами; стабилизация эмоционального состояния во втором триместре; динамика тревожности; связь с рангом в группе и индивидуальными особенностями самки). Развитие материнства и динамика состояния в беременности рассматриваются с точки зрения формирования физиологической «доминанты материнства», нарушения в течении беременности, успешность родов и послеродового периода связываются с лево-правополушарным доминированием, психофизиологическими особенностями эмоциональной сферы женщины и ее личностными характеристиками [А.С. Батуев, И.В. Добряков, P.M. Shereshefsky and L.J. Yarrow].

Много внимания уделяется физиологии и психофизиологии различных фаз репродуктивного цикла (половое созревание, менструальный цикл, беременность, послеродовой период, материнско-детская сепарация, материнско-детская привязанность, лактация, менопауза). Считается, что эстрогены и прогестины способствуют развитию и активности женской репродуктивной системы и регулируют соответствующее поведение женщины. Пролактин участвует в регуляции репродуктивной системы, вызывая секрецию молока, влияя на секрецию прогестина, а также эндорфинов в процессе грудного вскармливания. Сравнительные исследования в этой области осложняются тем, что, по мнению авторов, эндокринная эволюция должна рассматриваться не как эволюция гормонов, которые практически не изменились, а как эволюция их использования для регуляции репродуктивной функции. Установлено, что эстрогены, а также прогестерон и тестостерон регулируют не только сенсорно-перцептивные механизмы (изменение сензитивности в эрогенных зонах и других системах, чувствительных к различной стимуляции в половой и родительской сферах поведения), но и нервные механизмы регуляции поведения. В регуляции материнского поведения гормоны играют решающую роль в своевременной индукции материнского поведения, но его возникновение и реализация зависят от внешней стимуляции. Исследования на крысах показали, что гормональный фон самки обеспечивает возникновение сензитивности к стимулам от детенышей адекватно возрастным особенностям последних, но реализуется поведение только в ответ на присутствие детенышей, и это поведение изменяется под воздействием стимуляции от детенышей. С другой стороны, проявление материнского поведения у нерожавших самок возможно только в присутствии детенышей. Наличие же гормонального фона без присутствия детенышей не вызывает у них проявления материнского поведения.

Исследования гормональной регуляции полового поведения [К. Остин и Р. Шорт, P.M. Shereshefsky and L.J. Yarrow и др.] и его связи с эмоциональным состоянием показали, что эмоциональное состояние женщины изменяется в некотором диапазоне от фаз менструального цикла. Влияние гормональных изменений на эмоциональное состояние зависит от индивидуальных и

культурных особенностей. Низкоэстрогенный и высокопрогестеронный предменструальный цикл характеризуется эмоциями страдания и гнева, описывается как состояние депрессии, раздражительности, враждебности. Повышенный эстрогенный фон фазы овуляции способствует повышению самооценки и снижению отрицательных эмоций, что способствует, в свою очередь, социогенности и гетеросексуальности женщины. Это интерпретируется как биологически адаптивное эмоциональное состояние для репродуктивной функции.

Физиологические изменения в менструальном цикле, пубертате и менопаузе, а также послеродовом периоде могут способствовать ощущениям страдания и депрессии. Исследования интерференции фаз репродуктивного цикла в основном касаются несвоевременной беременности, так как именно тогда гормональные изменения, характерные для регуляции беременности и послеродового взаимодействия с ребенком, могут быть соотнесены с характерными изменениями возрастной фазы. Это в первую очередь касается беременности подросткового возраста. Показано, что такая беременность является фактором риска в отношении вынашиваемое™, родов, формирования материнского поведения, привязанности матери к ребенку после родов, половой сферы, а также развития личности. Беременность периода инволюции рассматривается в основном с точки зрения усиления тревожности женщины и наличия общих жизненных проблем, а также в аспекте длительного бесплодия

Развитие привязанности матери к ребенку в послеродовом периоде и его связь с гормональным фоном рассматривается в трех аспектах:

1. Влияние гормонального фона на восприятие самкой детенышей, изменение гормонального фона самки и детенышей при сепарации. Исследования на животных (грызуны, приматы) показали, что уровень эстрогенов, прогестинов, тестостерона и пролактина способствует своевременному проявлению материнского поведения и его интенсификации. Однако само поведение реализуется как взаимосвязь биологических условий (гормональный фон), жизненного опыта, индивидуальных особенностей самки и условий ситуации взаимодействия с детенышами. При сепарации в основном исследуется изменение гормонального фона самки и детенышей, отражающий уровень стресса.

2. Влияние гормонального фона в послеродовом периоде на установление привязанности матери к ребенку. Исследования Klaus and Kennel и др. позволили предположить, что для возникновения и дальнейшего успешного развития привязанности матери к ребенку необходим эмоциональный и тактильный контакт матери с ребенком в течение 36 часов после родов. Последующие исследования показали, что влияние 36-часового периода различно при желанной и нежеланной беременности, причем эффект сохраняется лишь в течение первого месяца, после чего происходит компенсация за счет развития более поздних форм взаимодействия матери с ребенком. Кроме того, выявились различия влияния качества и продолжительности послеродового контакта от пола-ребенка.

К этой области примыкают исследования послеродовой депрессии. Считается, что состояние матери, обеспеченное ее гормональным фоном, интерпретируется ею в зависимости от личностных и ситуативных факторов (склонность к депрессивным переживаниям во время соответствующего гормонального фона в другие фазы репродуктивного цикла, принятие беременности и материнства, жизненная ситуация, личностные качества, психическая патология и др.)

3. Влияние пролактина на эмоциональное состояние то время грудного вскармливания, основанное на его свойстве повышать секрецию эндорфинов. Считается, что это обеспечивает физиологическую поддержку развития привязанности матери к ребенку. Однако это должно гармонизировать с принятием ребенка и своего материнства.

Сравнительно-психологические исследования. В данном случае имеются в виду сравнительные исследования материнства у животных и человека и основанные на них представления о сущности и механизмах «материнского инстинкта». Это одна из наиболее проблемных областей изучения материнства, поскольку само понятие инстинкта, а уж тем более материнского инстинкта, недостаточно определено не только в психологии, но и в биологии. В современной биологии термин «инстинкт» практически не встречается, уступив место таким определениям, как паттерны поведения, фиксированные последовательности действий, нервные модели стимулов, сензитивные периоды, эпигенетические закономерности развития и др. В психологии же до сих пор встречается использование термина «материнский инстинкт». Следует отметить, что в современной научной литературе практически не встречаются работы, посвященные специально сопоставлению использования категории «инстинкт» в психологии и биологии. В классической психологии инстинкт отождествлялся с влечением (психоанализ) или потребностями (например, У. Макдауголл). В сравнительно-психологическом плане материнский инстинкт рассматривал В.А. Вагнер, позднее Н. А. Тих (как борьбу видовых и индивидуальных тенденций в регуляции материнского поведения приматов и их

эволюции в антропогенезе).

В психологической литературе полемика вокруг проблемы «материнского инстинкта» (опять же без анализа самого понятия «инстинкт») разгорелась во второй половине XX столетия. Одни исследователи утверждали примат социальных факторов в формировании материнского отношения, другие придерживались убеждения, что материнская привязанность подчиняется во многом тем же врожденным механизмам, которые роднят человеческий вид с животными. Роль биологических факторов в формировании материнского отношения обсуждается в этологических исследованиях. Импринтинг и привязанность первоначально рассматривались как приспособительный механизм вида, увеличивающий шансы выживания. Действительно для ребенка установление и поддержание контакта с матерью является витальной задачей. Исследования показывают, что психосоматическое равновесие ребенка тесно связано с взаимодействием ребенка и матери. Хроническая нехватка привязанности приводит у ребенка к нервной анорексии, рвоте, бессоннице, частому срыгиванию, ослаблению иммунной системы. Напротив, тесный телесный контакт способствует чувству безопасности и приводит к уменьшению страха и тревоги. J. Bowlby считал привязанность первично специфической системой, смысл которой в поддержании взаимодействия между матерью и младенцем. При этом поведение матери является комплиментарным врожденному репертуару поведения младенца. Д. Штерн говорит в этом смысле о вызванном младенцем социальном поведении матери. С точки зрения этолога, любой акт социального поведения, имеющий принципиальное значение для выживания вида (в том числе и поведение привязанности), имеет специфические селективные и пусковые механизмы. Это могут быть морфологические черты, особые запахи, движения и позы. Специфически человеческим стимулом считается улыбка младенца. Более филогенетически древним, но не менее значимым для возникновения привязанности является обонятельная стимуляция, наряду с визуальными и акустическими сигналами, тактильной стимуляцией при сосании. Эксперименты о восприятии запахов говорят о том, что матери узнают телесные запахи ребенка уже на третий день после родов, а дети — с первого дня.

К. Лоренц считает, что животные, заботящиеся о потомстве, во время появления малышей, чтобы обеспечить им наилучшую защиту, должны быть особенно агрессивными ко всем прочим существам. Птица, выкармливающая детенышей, должна нападать на тех, кто подходит к гнезду. В отношении их собственных детей, особенно новорожденных, агрессивное поведение блокируется с помощью специальных механизмов торможения. К. Лоренц отрицает существование врожденной схемы узнавания собственных детей. То, что представляется со стороны как целесообразное поведение, является результатом множеств эволюционно возникших способов поведения, которые при нормальных внешних условиях действуют как целостная система. Подобные же механизмы действуют у человека. Если взаимодействие между матерью и ребенком отсутствует или мало развивается с рождения, можно предположить существование феноменов, которые в норме препятствуют безразличию и агрессивным проявлениям. Помимо прочих, уже названных, существует феномен «терпимости друг к другу», который подготавливает развитие привязанности при недостатке изначального взаимного влечения. Так бывает, когда женщина не хотела этого ребенка во время беременности, он отличается от того, что она себе представляла, или она не готова к совместной жизни с ребенком. В этих случаях мать не абсолютно безразлична к ребенку и привязанность может возникнуть, потому что у ребенка любопытная мимика, волнующий запах, забавная манера потягиваться. Это происходит так, как если бы после фазы безразличия и отсутствия привязанности устанавливается фаза терпимости и подготавливается материнское поведение, приводящее к взаимодействию и привязанности. Параллельно с материнским «безразличием» случается, что ребенок много плачет, отказывается от материнской груди, часто срыгивает и отворачивает голову при приближении материнского лица. Эти его отказы нередко смягчаются после того, как он засыпает, носом уткнувшись в материнскую шею, или его взгляд встречается и удерживается взглядом матери, которая отвечает улыбкой, контактом глаз, лаской, певучим произнесением слов. Ребенок отвечает проявлениями, которые питают взаимодействие и открывают путь к общению. В отношении ребенка также имеется фаза «терпимости», подготавливающая взаимодействие. Большое значение для формирования привязанности имеет поведение, которым обмениваются мать и младенец, в том числе слова и образы, которые каждый строит относительно другого. С. Тревартен показал, что взаимодействие между 2-месячным ребенком и его матерью может быть названо беседой, в том смысле, что каждый партнер дожидается, чтобы другой окончил действовать (или говорить), прежде чем возобновить действия. Было показано, что ритм (темп, паузы) и содержание «беседы» меняются от одной диады к другой. В одной преобладает вокализация, в другой — телесные движения и касания. Каждая диада имеет собственный ритм и модальность беседы.

3. Психологические аспекты материнства

В психологических исследованиях также существует много направлений, которые можно объединить следующим образом.

Феноменологическое. Выделяются и подробно описываются функции матери, особенности ее поведения, переживаний, установок, ожиданий и т.п. Популярным является выделение типов и стилей материнского поведения, отношения, позиции и т.п. Именно в этих исследованиях наиболее ярко проявляется ориентация на возрастные особенности ребенка (и периода материнства), в зависимости от чего выделяются (и объясняются) особенности матери. Поэтому целесообразно проанализировать такие работы по критерию периода материнства, соотносимого с возрастом ребенка.

Беременность. С позиций анализа беременности как условия развития ребенка исследуются особенности психического состояния женщины в беременности, влияющие на развитие ребенка. В первую очередь это наличие стрессов, депрессивных состояний, психопатологических особенностей, их возникновение и обострение в различные периоды беременности. Показано, что наиболее опасны для развития ребенка стрессы, депрессивные эпизоды и т.п. во втором и третьем триместрах беременности, усиление к концу беременности депрессивных состояний прогностично как для возникновения послеродовых депрессий у матери, так и психических нарушений у ребенка (в основном в сфере общения), а также связано с наличием психологических проблем в подростковом возрасте.

С целью прогноза стиля отношения матери к ребенку и особенностей материнско-детского взаимодействия в постнатальном периоде исследуются материнские (и шире — родительские) ожидания, установки, воспитательные стратегии, ожидание удовлетворенности материнской ролью, компетентность матери. В качестве методов применяются опросники, интервью беседа, самоотчеты, проективные методы. Выявляется наличие регулирующего или фасилитирующего стиля материнского отношения, способность к индивидуализации (субъективизации) ребенка, сензитивность и респонсивность к стимуляции от ребенка, личностное принятие, уровень материнской компетентности. Один из специально выделяемых факторов — качество привязанности матери, выявляемое при помощи специально созданных опросников. Качество привязанности влияет на материнское отношение и ее поведение во взаимодействии с ребенком, что обеспечивает развитие соответствующего качества привязанности у ребенка. Для выявления компетентности матери в эмоциональном взаимодействии с будущим ребенком и ее респонсивности к эмоциональному выражению лица младенца используется фото-тест IFEEL: мать (беременная) определяет изображенную на фотографии эмоциональную реакцию ребенка, которую он выражает в ситуации с определенным эмоциональным смыслом [R.M. Emde].

В комплексных исследованиях состояния женщины во время беременности, связанные с успешностью ее адаптации к материнству и обеспечением адекватных условий для развития ребенка, учитываются разнообразные факторы: личностные особенности, история жизни, адаптация к супружеству, особенности личностной адаптации как свойство личности, удовлетворенность эмоциональными взаимоотношениями со своей матерью, модель материнства своей матери, культурные, социальные и семейные особенности, физическое и психическое здоровье. В книге «Psychological aspects of first pregnancy and early postnatal adaptation» под редакцией P.M. Shereshefsky and L.J. Yarrow выделено более 700 факторов, объединенных в 46 шкал. В течение беременности на основе комплексного психологического, психиатрического, медицинского, социального исследования конструируется «матрица материнства», прогностичная для постнатального развития материнского поведения. Установлено, что успешная адаптация к беременности коррелирует с успешной адаптацией к материнству (как удовлетворенность своей материнской ролью, компетентность, отсутствие проблем во взаимодействии с ребенком, успешное развитие ребенка). Сходный подход используется в некоторых отечественных исследованиях, где также на основе комплексного подхода (психологического, психиатрического, медицинского) выявляются факторы риска, влияющие на качество материнско-детского взаимодействия и готовность к материнству [О.В. Баженова и Л.Л. Баз, Г. В. Скобло и О.Ю. Дубовик].

В медицински ориентированных исследованиях обсуждается связь психологического состояния женщины вовремя беременности с успешностью вынашивания ребенка и патологией беременности и родов, особенностями послеродового периода как для матери, так и для ребенка. Обосновывается использование различных психотерапевтических методов, в том числе гипноза, для снятия тревоги, обучение релаксации и т.п., коррекции эмоциональных нарушений. В психиатрически ориентированных исследованиях анализируется связь психических нарушений (психозы, депрессии, шизофрения) с течением беременности и риском нарушения материнско-детских отношений после родов, прогнозом возникновения послеродовых депрессий и психозов, а также РДА и других психических нарушений в развитии ребенка. В качестве основных выделяются следующие факторы: наличие соответствующих

состояний в анамнезе, в период беременности, их усиление в течение беременности; связь эпизодов психических нарушений в различные периоды беременности с нарушением развития ребенка; факторы, усугубляющие риск психических нарушений в беременности (особенности переживаний гормональных изменений, социальные условия, семейные, стрессогенные ситуации).

Самостоятельный интерес представляет исследование, описанное А. Бертин, о влиянии в период беременности звуков определенной высоты на формирование верхнего и нижнего пояса конечностей ребенка, связь с динамизацией нервной системы, энергетическими точками и т.п. Эти исследования подтверждают и обосновывают эффект хорового пения в беременности не только для стабилизации эмоционального состояния матери, но и для развития ребенка.

Младенчество. Интерес к особенностям материнства в этом периоде развития ребенка в психологии возник первоначально в русле двух направлений, при изучении роли матери в образовании ранних личностных структур, в первую очередь основ личностных конфликтов (психоанализ и другие направления психологии личности: З. Фрейд, К. Хорни, Э. Эриксон, Дж. Боулби и др.), и в практических исследованиях, связанных с нарушением психического развития ребенка (задержки и нарушения психического развития, детская психиатрия, нарушение социальной адаптации и психологические проблемы детей и подростков). В этих исследованиях разработано представление о «хорошей» и «плохой» матери («достаточно хорошая мать» у Д. Винникотта, понятия «хорошая грудь» и «плохая грудь» М. Кляйн, хорошие и плохие качества материнского объекта в теории «object relation» и т.п.), выделяются типы матерей по критериям сензитивности, респонсивности и использования средств контроля во взаимодействии с ребенком (Д. Рафаэль-Лефф). В исследованиях последних десятилетий, основанных на работах Э. Эриксона, Д. Винникотт, М. Mahler, D.N. Stern и др., мать и ребенок рассматриваются как составляющие единой диадической системы, только в рамках этой системы приобретающие статус «матери» и «ребенка» и взаимно развивающиеся как элементы этой системы. Мать рассматривается как «среда» для ребенка, а ребенок в свою очередь «объект» для матери — как ее проявления в качестве этой «среды» (и наоборот). Таким образом в качестве объекта исследования здесь выступает взаимодействие матери с ребенком. Увлечение диадическим подходом в исследовании материнско-детского взаимодействия, по мнению многих ученых, привело к исчезновению в научном анализе матери и ребенка как самостоятельных субъектов (Н. Rheingold). Абсолютизация диадического подхода наиболее ярко проявилась в двух направлениях исследований:

1. Теория социального научения (J.B. Rotter, D.N. Stern, T. Field и др.), в русле которого взаимодействие матери и ребенка рассматривается как взаимовызванное стимул-реактивное поведение, изменяющееся в процессе взаимного научения. Предполагается наличие биологически детерминированных исходных уровней развития способов взаимодействия как у матери, так и у ребенка. Происхождение, формирование и индивидуальные особенности этих исходных образований практически не рассматриваются. По сути, это очень подробное и точное феноменологическое описание особенностей взаимодействия матери и ребенка и его последовательного изменения, причем чаще всего в идеальном «нормальном» варианте. Но даже в рамках этого весьма механистического подхода оказалось невозможным обойтись без определения в качестве потребностей обоих партнеров взаимодействия — потребности в поддержании оптимального уровня возбуждения и потребности в достижении и переживании положительных эмоций (А. Fogel).

2. Представление о «диадическом симбиозе» ребенка с матерью, появление на ранней стадии развития их взаимодействия единого, совокупного субъекта, не разделение ребенком себя и матери как субъектов действия, потребностей, мотивов и даже субъективных переживаний. Такой подход основан на интерпретации идей Э. Эриксона о процессе разделения ребенком в своем субъективном мире «внутреннего и внешнего населения» и абсолютизирован в работах А. Валлона, D.N. Stern, M. Mahler, Д. Винникотта, М. Кляйн и др., в отечественной психологии ассимилирован в некоторых исследованиях по изучению раннего взаимодействия матери и ребенка (М.В. Колоскова, А.Я. Варга, К.В. Солоед и др.). В этих случаях акцент ставится на ребенке, и остается неясным, как в таком «совокупном субъекте» можно рассматривать мать, обладающую вполне сформированными представлениями и самосознанием. Исследования развития ребенка, материнского поведения и взаимодействия матери с ребенком в детской психологии (Е.О. Смирнова, С.Ю. Мещерякова, Н.Н. Авдеева и др.), в психологии личности и смежных областях (Н. Rheingold, В.И. Бругман и М.С. Радионова, Г.В. Скобло и О.Ю. Дубовик и др.), в когнитивной психологии (Е.А. Сергиенко и др.) показали ограниченность этой идеи и необходимость обращения к исследованию матери и ребенка как самостоятельных субъектов.

Другой аспект материнства представлен в русле изучения материнско-детского взаимодействия в отечественной психологии. Роль взрослого в развитии ребенка как представителя человеческого рода,

принятая в качестве основополагающей в культурно-историческом подходе (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Л.И. Божович, М.И. Лисина), в отечественной психологии легла в основу выделения взаимодействия ребенка со взрослым в качестве самостоятельного объекта исследования. Поведение матери рассматривается как источник развития ребенка — как субъекта познавательной активности, общения, самосознания. В исследованиях последних лет (Н.Н. Авдеева, С.Ю. Мещерякова и др.) анализируются качества матери, необходимые для создания оптимальных условий развития ребенка (отношение к ребенку как субъекту, поддержка его инициативы в общении и исследовательской активности и др.). В данном направлении исследователи активно обращаются к теории привязанности, используя ее понятийный аппарат и экспериментальные подходы (Н.Н. Авдеева, С.Ю. Мещерякова, Е.О. Смирнова и др.).

Ранний и дошкольный возраст и соответствующие ему особенности матери в основном затрагиваются в тех работах, которые связаны с изучением эмоционального благополучия ребенка и его связи с типом материнского отношения и стилем материнско-детского взаимодействия (А.Д. Кошелева, В.И. Перегуда, И.Ю. Ильина, Г.А. Свердлов и др.). Здесь разработаны типологии (материнского отношения и материнско-детского взаимодействия), основанные на эмоциональном отношении матери к ребенку и его проявлении в поведении матери в ситуации взаимодействия с ребенком, показана их связь с индивидуально-типологическими особенностями ребенка, его аффективными проявлениями, познавательной мотивацией, предложены диагностические и коррекционные методики. В рамках этих исследований было разработано представление о том, что критерием оценки успешности материнства является общее эмоциональное благополучие ребенка.

Школьники и подростки. В рамках этого направления изучается материнское отношение, материнская (родительская) позиция, родительские ожидания и установки, особенности детско-родительского взаимодействия (В.И. Гарбузов, А.С. Спиваковская, А.Я. Варга, Ю.В. Баскина и др.). В указанных работах подробно проанализированы имеющиеся подходы и типологии как в зарубежной, так и в отечественной психологии.

В качестве самостоятельного направления можно выделить проблему **материнско-дочерних отношений** с точки зрения их влияния на успешность материнства дочери. В работах, посвященных этой теме, подчеркивается влияние качества эмоциональной взаимосвязи со своей матерью (поддерживающее отношение матери в раннем онтогенезе, сохранение интереса матери к эмоциональным проблемам дочери в юности, участие в психологических проблемах беременности и материнства своей дочери, а также динамика бессознательных комплексов в материнско-дочерних взаимоотношениях) на становление половозрастной идентификации, супружеских отношений и материнства дочери.

Все указанные направления, связанные с изучением материнства в разном возрасте ребенка, явно нуждаются в сопоставлении и упорядочивании. Несомненно, необходимо и возможно выделение общих и особенных для каждого возраста ребенка качеств матери и выявление тенденций их преобразования. Однако эта работа еще ждет своего исследователя.

Психолого-педагогическое направление. Самостоятельным направлением можно считать перинатальную психологию, занимающуюся проблемами беременности, родов, послеродового периода в психолого-педагогическом и физиологическом аспектах. В этих исследованиях используется семейно-ориентированная психотерапия, включающая отца и других членов семьи в период ожидания ребенка, психологическая подготовка семейных пар к рождению и воспитанию ребенка, разрабатываются методы психологической коррекции и психологической подготовки беременной и семейных пар с точки зрения оптимизации условий для развития ребенка (ориентация на «сознательное родительство»), психологические тренинги, практика «мягких родов», домашних, родов с мужем, родов в воде и т.п. Выделяются качества матери, особенности ее переживаний, эмоциональных и физиологических состояний, которые считаются оптимальными и на которые исследователи и практики ориентируются в построении своих программ.

Психотерапевтическое направление, в рамках которого изучаются особенности матери (и шире — родителей), которые рассматриваются как источник нарушения психического развития ребенка. Это прежде всего практические исследования задержек и нарушения психического развития, детская психиатрия, нарушение социальной адаптации и психологические проблемы детей и подростков. Много внимания уделяется изучению влияния на развитие ребенка, в том числе младенческого возраста, разных форм отклоняющегося материнского отношения, особенностей матерей с шизоидными чертами, с явлениями послеродовой депрессии, сопоставлению качеств матери и ухаживающего взрослого у детей, воспитывающихся без матери.

Материнство как часть личностной сферы женщины

В современной психологии личности и психотерапевтически ориентированных направлениях материнство изучается в аспекте удовлетворенности женщины своей материнской ролью, как стадия личностной и половой идентификации (P.M. Shereshefsky and L.J. Yarrow, G. Bohein and B. Hegekull, M.J. Gerson at all, W.B. Miller и др.). Во всех этих случаях выделяются отдельные стороны материнства или отдельные его функции. В рамках этого направления можно выделить следующие аспекты.

Материнство как стадия половозрастной и личностной идентификации

В исследованиях этого направления материнство анализируется с точки зрения личностного развития женщины, психологических и физиологических особенностей разных периодов репродуктивного цикла (в отличие от других периодов жизни) и т.п. Такие исследования проводятся в рамках различных психологических подходов (психоанализ, гуманистическая психология, другие личностные подходы, психиатрия, психофизиология, этология, кросскультурные исследования, сравнительная психология и т.д.) с использованием различных методов (опросники, интервью, беседа, психофизиологические и проективные методы, наблюдение и т.д.). Одной из наиболее важных фаз считается беременность, которая рассматривается как критический период жизни женщины, стадия полоролевой идентификации, особая ситуация для адаптации. В этот период актуализируются неизжитые детские психологические проблемы, личностные конфликты, проблемы во взаимодействии со своей матерью, в переживаниях беременности играют роль особенности модели материнства своей матери, адаптация к супружеству и т.п. В динамике личностных изменений отмечается инфантилизация, обострение внутрличностных конфликтов, повышение зависимости, уровня тревожности. В работах, посвященных этой проблеме, беременность понимается как острый переходный период, который нередко сопровождается кризисными переживаниями. В ходе беременности существенно изменяются сознание женщины и ее взаимоотношения с миром. Необходимой является перемена образа жизни, вживание в роль «матери». Для многих женщин исход беременности и родов может быть громадным сдвигом к подлинной зрелости и возрастанию самоуважения, для других, наоборот, это может быть патологическим разрешением потенциально нагруженных чувством вины ранних материнско-детских отношений. Особенно стрессовой является первая беременность, так как она означает окончание независимого первично целостного существования и начало «безвозвратных» материнско-детских отношений, поскольку отныне психическое равновесие матери становится связанным с запросами беспомощного и зависимого существа. Ее можно считать критической точкой в развитии женской идентичности. Исследователи разных направлений в основном выделяют три этапа в развитии беременности. Первый относится к началу беременности, второй обычно совпадает с началом шевелений, третий является заключительной фазой подготовки к родам и захватывает ближайший послеродовой период. В рамках трансперсонального подхода рассматривается актуализация в беременности своего пренатального опыта эмоционального взаимодействия с матерью, в первую очередь — эмоциональной конфронтации, проблемы идентификации с ключевой личностью, перенос на ребенка функций объекта влечения, объекта привязанности и т.п., выделяется типология отношения к беременности по критерию сознательного – бессознательного принятия – отвержения.

В психотерапевтически ориентированных исследованиях принят подход к беременности как периоду жизни, сензитивному к обострению психологических проблем и требующему вмешательства и психологической поддержки, осуществляется разработка психотерапевтических методов коррекции психологических проблем в беременности. Другое направление исследования рассматривает беременность как подготовительную фазу в развитии взаимной привязанности матери и ребенка, которая связана с возникновением новых ощущений и физиологических изменений в организме женщины в этот период. В.И. Брутман считает центральным в формировании привязанности к ребенку возникновение первичного интрацептивного ощущения в ходе беременности, совпадающее обычно с началом шевеления, которое вызывает у будущей матери чувство «сродненности» с собственным ребенком. До тех пор, пока будущая мать не ощущает внутриутробного движения, образ ее будущего ребенка имеет лишь абстрактный, символический смысл, связанный с социально значимыми ценностями и мотивами, отражающий сформированную в детстве, в родительской семье матрицу материнского поведения, несущий отпечаток актуальной социальной ситуации (Ю.И. Шмурак). Наблюдения показывают, что с момента начала шевеления у большинства беременных происходит своеобразное вслушивание в свою телесность, фиксация на своих ощущениях. Женщины рассказывают, как они «прислушиваются», с нетерпением «ждут» этих сигналов, наделяют их важным смыслом, как бы «медитируют» на этих ощущениях. Как полагает В.И. Брутман, данный психологический механизм

(фиксация на ощущениях) позволяет осуществить подготовку самосознания беременной к принятию реального ребенка. В конечном итоге этим и определяется отношение матери к ребенку как к собственному, про которого она говорит: «Мой ребенок». Периодически возникающие шевеления оживляют поток фантазий, связанных с ребенком, трактовок его поведения. Женщины бывают настолько охвачены, погружены в эти переживания, что часто в их поведении также начинают проскакивать черты детскости. Они становятся более сензитивными и внушаемыми, беспомощными и размягченными. В этот период беременности также обычно возникает внутренний диалог матери с ребенком. Под воздействием этого особого состояния постепенно формируется образ ребенка, который включается в самосознание беременной. Исследования, проведенные Л.В. Копыл, О.Л. Баз, О.В. Баженовой показали, что образ ребенка, возникающий в воображении матери, в ходе беременности закономерно изменяется. Имеются две тенденции — движение к все большей реалистичности и обобщенности образа, наделение его младенческими чертами поведения, строения тела, психическими особенностями. При подходе к беременности как к критической переходной фазе уместно упоминание о внутренних и социальных задачах, которые женщине надо разрешить, чтобы она смогла достичь в результате зрелой личностной позиции. Одна из них — это построение новых сбалансированных и стабильных отношений с ее близкими. Другой задачей, которую женщина должна решить во время беременности и при воспитании детей, является интегрирование реальности и подсознательных фантазий, надежд и мечтаний, относящихся к ребенку. В исследовании G.Ph.D. Louis and E. Margohes анализируются высказывания матерей с точки зрения удовлетворенности материнской ролью, соответствия ожиданий до и после родов. Высказывания по поводу образа ребенка, представления о себе как матери и т.п. анализируются с точки зрения их эмоциональной насыщенности, когнитивной дифференцированности и связываются с готовностью к материнству. Беременность становится точкой испытания материнско-дочерних отношений, поскольку беременная женщина сначала бессознательно повторяет роль своей матери по отношению к своему ребенку, пока не сможет вести себя как самостоятельная мать.

Отдельно обсуждаются особенности беременности юных: беременность и проблемы личностного развития, связь с отношениями со своей матерью, качество привязанности юной матери, материнская компетентность и особенности когнитивного и эмоционального взаимодействия с ребенком после родов. Особенности беременности в зрелом возрасте также привлекают исследователей: проблемы поздней беременности как для первородящих женщин, так и для имеющих детей ранее, тревожность и компетентность проблемы психологического бесплодия и риск поздней беременности, компенсаторные мотивы при поздней беременности, психотерапия и психокоррекция.

Все исследования свидетельствуют, что беременность можно назвать критическим переходным периодом в жизни женщины, в ходе которого существенно перестраивается ее сознание и взаимоотношения с миром. Особенно стрессовой становится первая беременность, которая является испытанием полоролевой идентичности, материнско-дочерних отношений, способности устанавливать адекватный контакт с партнером — отцом ребенка. В результате успешного завершения этого перехода женщина достигает внутренней и внешней интегрированности и обретает новый социальный статус. Беременность — это важнейший этап в становлении материнской привязанности к ребенку.

Девиантное материнство

Девиантное материнство в настоящее время является одной из наиболее острых областей исследования в психологии как в практическом, так и в теоретическом аспекте. Сюда включаются проблемы, связанные не только с матерями, отказывающимися от своих детей и проявляющими по отношению к ним открытое пренебрежение и насилие, но и проблемы нарушения материнско-детских отношений, которые служат причинами снижения эмоционального благополучия ребенка и отклонений в его оптимальном психическом развитии в младенческом, раннем и дошкольном возрастах.

Неблагоприятное для будущего материнства течение беременности, а также особенности поведения женщин, предрасполагающее к последующему отказу от ребенка, анализируются в работах В.И. Брутмана, М.С. Радионовой, А.Я. Варги и др. Они описывают исследования D.Pines, K.Vonnet, и других исследователей, посвященных этой проблеме. D Pines предлагает объяснение, почему для некоторых женщин беременность завершается отказом от ребенка или другими формами отклоняющегося материнского поведения. Она объединяет в единый комплекс такие черты, как инфантилизм, повышенную потребность в любви, связанную с чувством обделенности вниманием и заботой в детстве, сексуальную неразборчивость, эгоцентризм. В фантазиях такие женщины сами — дети, поэтому у них нет желания беременеть. Если даже они этого и хотят, то им трудно окружить ребенка заботой и любовью, потому что им самим кажется, что они недостаточно получили эту любовь.

У них могут проявляться сильные садистские черты, направленные на их сексуальных партнеров, и если они станут матерями, это сказывается на их привыкании к ребенку и на их агрессивных проявлениях к нему, особенно к мальчику. Катрин Боннэ провела специальное психоаналитическое исследование матерей-отказниц во Франции и выявила некоторые общие черты развития беременности у таких женщин. Так, для них характерным оказалось позднее обнаружение беременности во 2-м, даже в 3-м триместре беременности. По ее данным, из 400 женщин, родивших и анонимно оставивших ребенка, только 7% обратились к врачу за первой консультацией по поводу беременности в 1-м триместре (против 9 % в общей популяции). Она полагает, что позднее обращение к врачу является симптомом риска отказа. Перцептивное запаздывание момента движения плода бывает связано, как считает Боннэ, с защитным отрицанием, скрывающим под собой инфантицидный комплекс. Такой феномен часто (в половине случаев) возникает у депрессивных беременных. Защитное отрицание проявляется в невосприимчивости к взаимодействию с плодом. Визуальная, кинестетическая, тактильная информация не воспринимается как знаки беременности. Это неузнавание относится также к увеличению веса, гормональным изменениям — прекращению месячных или их видоизменению. Все это рационализируется, объясняется каким-то другим образом, например, сменой климата, нагрузками, переездом в другую страну. Никто из таких женщин не отмечал тошноты, рвоты, усталости, плохого самочувствия, как будто никакой беременности нет. Момент узнавания беременности сопровождался эффектом неожиданности, оцепенения, иногда шока. Большинство предпринимают попытки сделать аборт, но время просрочено. Инфантицидные импульсы не выражаются спонтанно, чаще всего они проявляются в настойчивом стремлении сделать аборт любыми способами. У многих наблюдается инфантицидная паника — они боятся убить ребенка, если родят. Это сопровождается глубоким чувством вины. По существующей во Франции системе родовспоможения женщины, которые во время беременности уже знают, что не смогут или не захотят брать ребенка, имеют право на «секретные роды», они заранее поступают в специальную клинику, где с ними проводится анонимная беседа. Такие женщины, объясняя затягивание сроков беременности, отрицают свою потенциальную возможность иметь детей. Фантазматическая преграда, как считает Боннэ, разделила сознательную связь между сексуальными отношениями и прокреативными последствиями. Необходимость поддерживать эту преграду привела к образованию защитного инфантицидного комплекса. Во время встречи присутствие фантазмов убийства обнаруживается в измененной речи, доводящей до полного мутизма: сжатые губы, не пропускающие слова, беспокойный взгляд, как бы захваченный на ужасном или трагическом событии, характерная тревожно-горестная мимика. Эти знаки в целом напоминают депрессивную обездвиженность или человека, вспоминающего о потере близкого. Повышенная тревожность усложняет контакт, внутренняя аффективная охваченность грозит перейти в действие: они плачут, выкрикивают слова. Эти фантазмы остаются долго не выраженными, потому что женщины не в состоянии их озвучить, настолько они им кажутся ужасными и так велико чувство вины. Возможность быть услышанной и понятой перед родительской фигурой, которую и представляет для них терапевт, улучшает состояние. Причина инфантицидных мыслей в отрицании, запрещении сексуальных отношений (в сенсорных и прокреативных последствиях) как проявления удовольствия. Это вызывает травматический опыт их детства, связанный с сексуальностью.

Одним из направлений изучения девиантного материнства является анализ особенностей матерей, которые были лишены возможности адекватного взаимодействия с детьми на первых этапах становления материнско-детской взаимосвязи (сепарация в связи с нарушением процесса родов, неонатальной патологией, преждевременными родами). Эти исследования показывают, что становление материнского отношения связано не только с историей жизни женщины и ее личностными качествами, но и особенностями ребенка и организацией послеродового взаимодействия с ним.

Онтогенетические аспекты формирования материнства

Считается, что особенности материнского отношения определяются не только культурным и социальным статусом женщины, но и ее собственной психической историей до и после рождения. С. Trevarthen считает, что компетентное поведение матери в распознавании эмоционального состояния своего ребенка достигает зрелости лишь после пути развития, который она проделывает в детстве и подростковом возрасте. Разными авторами выделяются этапы развития материнства (как варианта родительства) от планирования до реализации в первом и втором поколении, этапы беременности, связь беременности с развитием личности, беременность как стадия развития материнства. В течении онтогенеза некоторые виды опыта (взаимоотношения с собственной матерью, контакты с младенцами и возникновение интереса к ним в детстве, интерпретация материнства в связи с супружеством и половой сферой, а также конкретный опыт взаимодействия с детьми, имеющими определенные особенности:

слабоумие, физические недостатки, уродства, последствия несчастных случаев и травм) влияют на содержание отношения матери к ребенку, своей материнской роли и интерпретацию своих переживаний по поводу материнства (И.А. Захаров, С. Ю. Мещерякова, Г.В. Скобло и Л.Л. Баз, Г.Г. Филиппова, G. Levy, W.B. Miller и др.).

Индивидуальный онтогенез материнства проходит несколько этапов, в процессе которых осуществляется естественная психологическая адаптация женщины к материнской роли. Одним из важнейших считается период беременности; содержание которого определяется изменениями самосознания женщины, направленными на принятие новой социальной роли и формирование чувства привязанности к ребенку. По характеру преобладающего переживания он делится в свою очередь на этап, связанный с необходимостью принятия женщиной решения о сохранении или искусственном прерывании беременности, этап, связанный с началом движения плода, и этап, определяемый подготовкой к родам и появлению ребенка в доме. Не менее важным считается период после рождения, в котором происходит психологическое принятие ребенка как независимой личности и адаптация к нему. Изучая формирование чувства привязанности матери к ребенку, В.И. Брушан дает следующую трактовку основным этапам беременности:

1. Фаза преднастройки. До беременности — формирование матрицы материнского отношения в онтогенезе, на которое влияют опыт взаимодействия с матерью, семейные традиции, культурные ценности, существующие в обществе. В начале беременности (с момента узнавания и до момента шевеления) начинается формирование Я – концепции матери и концепции ребенка, до конца еще не наделенного качествами «родного».

2. Фаза первичного телесного опыта: интрацептивный опыт во время шевеления, результатом которого будет разделение «Я» и «не Я», являющееся ростом будущей амбивалентности отношения к ребенку, и формирование нового смысла «родной», «своей», «мой (частичка меня)». В период после родов происходит достройка смысла «родного» за счет экстрацептивной стимуляции. В дальнейшем происходит отделение витального смысла «родной» от социального смысла ребенка, при этом последний постепенно нарастает, а первый, наоборот, становится менее сильным и значимым.

В психоаналитической традиции известна периодизация развития материнского отношения в ходе беременности О. Carlan. Он дает подробное феноменологическое описание психофизиологических изменений, сопровождая это психоаналитическими интерпретациями: Стадия 1. От зачатия до момента движения ребенка, то есть первые 4,5 месяца беременности. К концу этой стадии часто отмечается регрессия к оральной фазе, включая такие проявления, как тошнота и рвота или, наоборот, Wbdoe пристрастие к какой-то пище. Женщина также часто идентифицируется с плодом, который в ней. Стадия 2 начинается с шевеления ребенка, когда женщина ощущает его реальность и признает, что ребенок, хотя еще и находится во чреве, должен являться отдельной жизнью, которую мать не может контролировать. Для многих женщин движения ребенка сопровождаются погружением в свой внутренний мир. Стадия 3. Третья и заключительная стадия — это телесный дискомфорт и усталость в период подготовки к родам. По мере возрастания потребности в материнстве, появляются воспоминания о соперничестве из опыта самой беременной. Наблюдаются также типичные перепады настроения по поводу предстоящего рождения ребенка от нетерпения до неизменной сознательной и подсознательной боязни каждой беременной женщины, что она может умереть при родах или что ее ребенок может родиться ненормальным или получить травму при родах. После родов начинается привыкание к пустоте в том месте, где раньше был ребенок. Она должна снова ощутить себя единым целым, прежде чем наступит признание ребенка как отдельного человека и в то же время должно остаться чувство, что когда-то ребенок был неотъемлемой частью ее тела. В этот период особенно отчетливы колебания настроения, эмоциональная неустойчивость, сензитивность, плаксивость. Подобные непривычные колебания настроения проявляются также в повышенной обидчивости, иногда раздражительности, чувствительности к своему меняющемуся облику, тяге к состоянию покоя, что налагает дополнительное бремя и на саму женщину и на окружающих, в понимании и поддержке которых она особенно нуждается. Изменения в эмоциональной жизни матери приводят к переменам в семейных взаимоотношениях, так что каждая беременность сопровождается нормативным семейным кризисом и оканчивается принятием нового члена семьи. При этом мать может быть смущена тем, что не почувствует сразу всеобъемлющей материнской любви к своему ребенку.

К динамике содержания материнских представлений и переживаний в беременности относится анализ снов, страхов, фантазий и т.п. Отмечено, что к третьему триместру беременности усиливается страх родов, а также конкретизируются аспекты неуверенности, некомпетентности. В начале беременности эти содержания связаны с поздними периодами развития ребенка, к концу беременности

в основном с, родовым и послеродовым периодами. Другие исследования посвящены изменению содержания представлений и переживаний матери, отражающихся в ее описании ребенка, в разные фазы послеродового периода (например, сразу после родов и месяц спустя). Выявлено различие этих содержаний: сразу после родов в высказываниях матери основное содержание связано с физическими привлекательными особенностями ребенка, его потребностью в заботе, а в месячном возрасте — с особенностями поведения во взаимодействии, удовлетворенностью от контакта с ним.

Представленный краткий обзор современного состояния исследований в области психологии материнства позволяет заключить, что существует два основных направления изучения данного явления. Первое продолжает традиции психоаналитического и этологического направления. С этих позиций традиционно большее внимание уделено стимулам младенца, направленным на активизацию материнской заботы о нем. При этом поведение матери рассматривается как комплементарное врожденному поведению младенца. Второе направление — социально-культурологическое, в рамках которого изучаются культурно-исторические механизмы материнского поведения, переживания матери ставятся в зависимость от социальных норм материнства. При этом проблема готовности женщин к материнству остается весьма проблематичной. Вместе с тем опыт многочисленных, в том числе и собственных исследований, в области отклоняющегося материнского поведения показывает, что на формирование готовности женщины к принятию новой социальной роли матери влияет огромное количество сложно взаимодействующих факторов, изменяющих и тем самым подготавливающих сознание и самосознание будущей матери к приему ребенка еще задолго до его рождения. К ним относятся такие факторы, как: репродукция родительского опыта; личностные особенности женщин; изменения в эмоциональном состоянии под влиянием эмоциональных стрессоров, и многие другие. В последние годы обсуждается проблема связи формирования материнского статуса с изменениями состояния сознания женщин в различные периоды репродуктивного цикла.

1.3. Мать и ребенок: пути исследования

Анализ исследований по психологии материнства свидетельствует, что полученные в этих работах результаты отражают скорее общие индивидуальные особенности женщины, а не специфику материнской сферы и ее формирования. Такое положение, по мнению Р.М. Shereshevsky и L.J. Yarrow, а также многих других авторов, связано с тем, что для изучения материнства как целостного явления еще нет адекватного концептуального подхода.

В отмеченных исследованиях есть обращение к онтогенетическим факторам развития материнской сферы женщины, однако нет подробного анализа стадий индивидуального развития материнства, содержания и механизмов этого развития. А это, в свою очередь, не позволяет дифференцированно отнестись к диагностике индивидуальных особенностей материнской сферы, причинам имеющихся нарушений, проектированию способов их коррекции и профилактики. Последнее особенно важно в современных условиях с точки зрения предупреждения нарушений отношения матери к ребенку, которое в крайних формах выражается в психологическом и физическом отказе от ребенка. Одной из наиболее острых областей исследования в психологии как в практическом, так и в теоретическом аспекте является девиантное материнство. В этом отношении большое значение имеет целостное представление о материнстве, его структуре, содержании и онтогенетическом формировании.

Общее мнение всех психологов, имеющих отношение к изучению материнства, заключается в том, что, несмотря на исключительную важность его исследования для разработки проблем психологии личности (развитие ребенка и психология родителей, в первую очередь — матери), социальной психологии (психология семьи и общества), культурологии (культурные модели материнства и детства), оно не обеспечено адекватным теоретическим подходом и методом исследования.

Точка зрения на материнство как «не самостоятельный» феномен, а существующий только в аспекте его отнесенности к ребенку, предполагает его изучение в рамках системы взаимодействия матери с ребенком. Однако субъекты, составляющие эту систему, суть самостоятельные субъекты.

Специфика взаимодействия матери с ребенком может быть выражена в следующих позициях:

1. Содержанием функционирования системы «мать — ребенок» является обеспечение матерью определенных функций для развития ребенка. Это предполагает выяснение того, что это за функции.

2. Поскольку это функции, обеспечиваемые матерью для развития ребенка, то необходимо выяснение того, какие особенности развития ребенка требуют этих функций.

3. Поскольку мать вступает во взаимодействие с ребенком, уже обеспеченная некоторым

исходным уровнем развития своих материнских функций, то это предполагает выяснение развития этого исходного уровня до возникновения системы «мать — ребенок».

4. Поскольку ребенок тоже вступает во взаимодействие с матерью не с самого начала своего возникновения как биологического индивида, то предполагается также выяснение исходного уровня его развития.

5. Ребенок — представитель не только вида *Homo sapiens*, но и его конкретно-культурного варианта. Это предполагает выяснение того, есть ли различия в материнских функциях по видотипичному и конкретно-культурному критериям и как обе категории материнских функций обеспечены в индивидуальном развитии женщины.

6. Система взаимодействия матери с ребенком есть система реального взаимодействия двух самостоятельных субъектов с разными уровнями развития психики, причем эти различия двух видов:

а) онтогенетически разные уровни развития;

б) уровни развития, обеспеченные филогенетически различными формами регуляции деятельности: сознательный у матери и досознательный у ребенка.

Это предполагает выяснение того, как можно изучать взаимодействие субъектов с разными уровнями развития психики.

7. Мать является субъектом своих собственных потребностей и субъективных переживаний, а потребности ребенка и обеспечение необходимых условий для его развития не могут быть полноценно представлены в ее субъективном отражении, тем более на исторически ранних стадиях развития. Эти закономерности развития ребенка, требующие абсолютно адекватного выполнения материнских функций, только в последние десятилетия, и то не полностью, стали предметом научного исследования, а мать их успешно обеспечивает уже сотни тысяч лет. Это предполагает выяснение того, каким образом выполнение материнских функций представлено в субъективной сфере матери, какие содержания этого отражения являются осознанными и какова их взаимосвязь с неосознаваемыми в обеспечении и развитии материнского поведения.

Таким образом, структура, содержание и развитие материнства должны изучаться с точки зрения того, какие функции оно обеспечивает для развития ребенка и как это представлено в субъективной сфере самой матери, то есть одновременно учитывать мать — как объект своего материнства и ребенка — как его объект.

Определение «точки отсчета» возникновения системы взаимодействия матери с ребенком как объекта исследования предполагает определение этой точки отсчета для ребенка, так как мать в любом случае уже есть как самостоятельный субъект до начала возникновения этой системы. Определение периода онтогенеза, с которого ребенка можно считать элементом системы психического взаимодействия с матерью, требует обоснования возникновения его как субъекта психики. Критерием возникновения субъекта как субъекта психики является наличие субъективности [В.Ф. Гегель, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев]. Субъективность определяется Гегелем как «нахождение себя в себе самом» и предполагает наличие (и возникновение) «субъекта как инстанции, которой представлена его собственная целостность в специфическом переживании» [В.Ф. Гегель «Философия природы», с. 441]. Внешним, объективно обнаруживаемым в поведении и доступным научному анализу проявлением субъективности является наличие ощущения [А.Н. Леонтьев].

На всех этапах онтогенеза развитие ребенка связано с участием взрослого и происходит во взаимодействии ребенка со взрослым. Это развитие осуществляется как взаимодействие двух рядов факторов: роль внешних факторов на ранних этапах развития ребенка играет мать (или другой субъект, осуществляющий материнские функции), роль внутренних факторов — генетическое обеспечение индивидуального развития, ориентированное на развитие в условиях материнского поведения, и качественное преобразование последнего соответственно логике развития ребенка. Таким образом, для представления содержания и генезиса материнского поведения в первую очередь необходим анализ особенностей развития ребенка, требующих обеспечения определенными материнскими функциями.

Традиционно в психологии личности и в детской психологии анализ взаимодействия матери с ребенком начинался с момента рождения ребенка. Большое количество новых данных, полученных в современных исследованиях в области пренатальной физиологии и психологии, психологии беременности, с позиций трансперсонального подхода, включающие ранний пренатальный субъективный опыт ребенка, в том числе и опыт его эмоционального взаимодействия с матерью, в развитие базовых личностных структур, заставляют обратиться к выработке научных критериев для определения начала и особенностей раннего развития ребенка — как члена системы психического взаимодействия с матерью. Выделение момента возникновения у ребенка психики в раннем онтогенезе

невозможно без определения того, что понимается под словом «психика». А это, в свою очередь, требует обращения к двум различным уровням генетического анализа (фило-и онто). С точки зрения филогенеза психики ребенок ориентирован, как представитель своего рода, на видотипичную программу, которая может (и должна) иметь разное конкретное содержание. Логика филогенеза (в том числе и антропогенеза) никак не может быть связана с перспективой адаптации субъекта к данному варианту социально-культурных ценностей, характерной для конкретной социально-культурной среды. Смысл и закономерности видотипичного процесса развития и его взаимодействия с конкретно-культурным содержанием, задающим модель потребностно-мотивационной сферы на личностном уровне, можно понять только с высоты общеэволюционной перспективы. Для этих целей необходимо выделить общие основания соотношения психических процессов на всех уровнях развития, причем не по отдельности, а как общей целостной системы. В современной психологии для изучения разных аспектов и уровней развития используется эволюционно-системный подход и сравнительный метод исследования.

Метод сравнения имеет широкое применение в разных областях психологии. **В зоопсихологии** самым предметом исследования является изучение психики животных на разных стадиях эволюционного развития, что предполагает применение сравнительного метода в качестве основного. Истоки разработки сравнительного метода обнаруживаются еще у Аристотеля и позднее у французских эволюционистов и у Ч. Дарвина. В.А. Вагнер анализировал филогенетический и биогенетический методы и возможность и целесообразность их применения в биопсихологии. А.Н. Северцов использовал сравнительный метод для обоснования психики как фактора эволюции. И.С. Бериташвили применял сравнительный анализ для изучения физиологических механизмов образного поведения и выделил уровни такого развития в фило- и онтогенезе. Сравнительный метод использовался для сравнительного изучения мышления у разных видов животных и у человека, на разных уровнях онтогенеза, в разных культурах, для изучения развития общения, игровой деятельности и общего онтогенеза (Л. Леви-Брюль, В. Келер, М. Мид, Н.Н. Ладыгина-Коте, К.Э. Фабри, В.С. Мухина, Н.А. Тих и др.).

В теоретическом плане разработкой сравнительно-психологического метода для изучения эволюции психики занимались В.А. Вагнер и Н.Н. Ладыгина-Коте. А.Н. Леонтьев разрабатывал и применял сравнительный метод непосредственно для выделения стадий развития психики в эволюции. Он предложил критерии выделения этих уровней (содержание отражения и структура деятельности). Уточнения в схему А.Н. Леонтьева были внесены К.Э. Фабри, который предложил выделять внутри стадий развития психики высший и низший уровни, что отражает закономерности смены функций внутри стадии и переход на следующий уровень развития. В современной отечественной психологии проблема разработки сравнительно-психологического метода для анализа развития психики в 'эволюции поднимается С.Л. Новоселовой.

Другим аспектом применения сравнительно-психологического метода является **изучение разных вариантов культурного развития человека (кросскультурные исследования)**. В этой области речь идет о сравнительном исследовании психических процессов (например, интеллекта), качеств личности, ценностей, архетипов, культурных моделей (например, семейной, материнской, систем воспитания, идеала в онтопсихологии и т.п.) Стремление рассматривать культурные варианты развития человека в целом содержится в исследованиях М. Мид.

Еще одной областью психологии, где также применяется и разрабатывается сравнительно-психологический метод, является **возрастная и более конкретно — детская психология**. В культурно-историческом подходе сравнительный метод использовался для анализа целостного развития в онтогенезе на основе выделения общих закономерностей (критерии возраста, логика развития психики в каждом возрасте, понятие ведущей функции, смены функций, изменения закономерностей их развития, центральных новообразований возраста, ситуации развития и т.п. в трудах Л.С. Выготского, развитых А.Н. Леонтьевым, Л.И. Божович и Д.Б. Элькокиным).

В теории онтогенеза интеллекта Ж. Пиаже содержится представление о связи изменений внутри структуры (интеллекта) с изменением структуры межсистемных связей (субъекта со средой), что основано на генетической программе, последовательно «разворачивающейся» онтогенезе. Ортогенетический подход Х. Вернера объясняет логику ортогенетического развития как последовательную дифференциацию функций, структур и механизмов развития из первоначального интегрального целого. В ортогенетической теории Х. Вернера нашли свое отражение идеи изменения направления развития в фило- и онтогенезе, выражающиеся в том, что инициатива изменений межсистемных связей переходит к самому субъекту развития. Идея вращения внутри тех новых содержаний, которые первоначально появились во внешних связях субъекта с миром, а затем сами

стали определять «изнутри» логику субъектно-объектного взаимодействия, в разных вариантах содержится в представлениях исследователей в области возрастной психологии, зоопсихологии и других направлений

В настоящее время сравнительно-психологический метод можно рассматривать как конкретно-психологический метод, применяемый к предметам, специфика которых состоит в том, что их необходимо изучать в разных генетических аспектах, сравнивая эти аспекты развития между собой. С позиций эволюционно-системного подхода представляется возможным сформулировать *основные принципы сравнительно-психологического метода*:

1. Способом исследования является изучение особенностей предмета исследования как системы на разных уровнях развития.

2. Сравнительный анализ применяется к предметам исследования которые имеют разные аспекты развития (фило-, онтогенез, варианты социокультурного воплощения, психической нормы и отклонений от нее).

3. Основными формами генезиса, по которым может проводиться сравнение, являются: онтогенез, филогенез и актуалгенез.

4. Способами сравнения могут быть: а) разные уровни развития одной системы; б) сравнение отдельных элементов системы на разных уровнях ее развития; в) исследование закономерностей преобразования межсистемных связей, ведущих к изменению иерархии систем.

Применение этих принципов к анализу раннего развития ребенка, материнско-детского взаимодействия и самому феномену материнства как развивающихся в фило- и онтогенезе образований позволяет, с одной стороны, выявить особенности развития ребенка, которые требуют выполнения матерью строго определенных функций, а с другой стороны, объяснить, откуда возникает способность матери эти функции выполнять.

Вопросы для обсуждения

1. Значение психологического изучения материнства.
2. Содержание материнства в разные исторические эпохи.
3. Точки зрения на материнство и развитие ребенка в психологии.
4. Единство и самостоятельность матери и ребенка в системе их взаимодействия.
5. Методологические основания изучения материнства в психологии.

Глава 2

ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА И ФУНКЦИИ МАТЕРИ

2.1. Особенности развития ребенка и функции матери

Анализ условий возникновения системы взаимодействия матери с ребенком требует конкретизации «точки отсчета» в развитии ребенка с которой можно начинать изучать эту систему как реально существующую. Современные исследования в области пренатальной психологии (Т Верну, А Берни и др.), микро психоаналитические концепции (S. Fanty, Ф Дальто, С Гроф, М Марконе и др), включающие ранний пренатальный субъективный опыт ребенка, в том числе и опыт его эмоционального взаимодействия с матерью, в развитие базовых личностных структур, заставляют обратиться к выработке научных критериев для определения начала и особенностей раннего взаимодействия матери и ребенка.

Становление и развитие системы взаимодействия матери с ребенком связано с анализом особенностей этого взаимодействия как видотипичного — специфически человеческого феномена, реализуемого в условиях открытого, не запрограммированного на уровне генетического обеспечения содержания, предлагаемого конкретно-культурной моделью М Мид на основе своих исследований материнства и детства в различных культурах делает вывод, что каждая конкретная культура выбирает определенные черты характера и темперамента, присущие взрослому человеку, наиболее приемлемые в данной культуре, строит на их основе свою культурную модель взрослого мужчины и женщины и создает систему воспитания ребенка, ориентированную на эту модель. В каждой культуре есть соответствующий способ воспитания родителей (в первую очередь матери), которые и являются основными «производителями» личности ребенка как члена своего, конкретного общества. Таким образом, можно говорить о конкретно-культурной модели материнства и детства и существующих в

каждой культуре Способах или путей «производства» этой модели

В развитии ребенка можно выделить две взаимосвязанных стороны:

1) Физиологическое развитие, требующее удовлетворения физиологических потребностей в пище, физическом комфорте, движениях, притоке впечатлений, необходимых для развития нервной системы. Оно обеспечивается уходом за ребенком, кормлением, организацией его окружения. Однако, как показали исследования детей, испытывающих недостаток общения со взрослыми и материнской любви (Р. Спитц, Дж. Боулби, М. Айнсворт, М.А. Лисина с сотрудниками и др.), обеспечение физиологических потребностей необходимо, но недостаточно для развития ребенка. Однако именно эти особенности ребенка являются одинаковыми для всех культур, и их обеспечение, и роль взрослого в этом процессе также необходимо одинаковы. Разница касается только климатических условий. Исследования когнитивного развития, процессов восприятия, двигательной системы и т.п. в раннем онтогенезе — то есть развитие способности ребенка воспринимать окружающий мир с помощью органов чувств и действовать в этом мире — также происходит одинаково — ребенок в любом обществе и при любом воспитании обладает общими, видотипичными (как представитель своего вида) особенностями. Это подтверждено исследованиями интеллектуального развития ребенка Дж. Брунера, Т. Бауэра, Ж. Пиаже, современными исследованиями раннего когнитивного развития (Е.А. Сергиенко). Поздние когнитивные способности ребенка приобретают культурную специфику, однако самый ранний период развития требует достаточно жесткого выполнения функций взрослых для обеспечения этого развития. Необходимым в развитии ребенка является и участие взрослого в формировании эмоциональной сферы. Здесь гораздо больше культурных и индивидуальных вариантов, однако тоже есть некий общий минимум, обеспечивающий выживание ребенка как психически и физически полноценного и способного к жизни и развитию.

2) Особенности когнитивной и эмоционально-личностной сферы ребенка, соответствующие конкретно-культурной модели. В первой половине XX века образование этих особенностей рассматривалось как начало социализации, окультуривания натурального развития ребенка, начинающегося после периода физиологического или натурального развития. Стратегия и смысл этого нового поворота в его индивидуальной истории оценивались по-разному в русле психоанализа, культурно-исторического, социологизаторского, бихевиористического подходов. В современной психологии влияние культурных и индивидуальных особенностей матери на развитие ребенка считается необычайно значимым, особенно это относится к направлениям, связанным с развитием личностных образований. Здесь можно отметить некоторое рассогласование в оценке роли матери в когнитивной психологии и психологии личности. Несомненным можно считать то, что индивидуальные особенности эмоционально-личностной сферы ребенка и их соответствие конкретно-культурной модели общества, членом которого он является, обеспечены специальными, именно для этой культуры присущими особенностями материнского поведения.

Эти две стороны развития ребенка позволяют сделать вывод, что существуют две взаимосвязанные группы материнских функций. Одна из них призвана обеспечить видотипичные особенности развития ребенка как в когнитивной, так и в эмоциональной сфере. Другая имеет своей задачей формирование таких особенностей когнитивной и эмоциональной сфер ребенка, которые обеспечили бы соответствие его развития именно данной, конкретно-культурной модели. Первую группу функций матери можно назвать видотипичной, а вторую — конкретно-культурной. Однако ни та, ни другая группа материнских функций не является присущей матери сама по себе. Об этом свидетельствуют многочисленные современные исследования материнства. Все особенности материнского поведения имеют сложный путь развития в онтогенезе матери. Особенности развития ребенка, требующие обеспечения со стороны материнских функций, рассматриваются разными разделами психологии. Каждое направление имеет в этом развитии свой предмет исследования и в зависимости от этого оценивает и интерпретирует функции матери.

2.2. Основные направления психологии детского развития

В психологии детского развития можно выделить много направлений. Для целей анализа материнских функций целесообразно остановиться на следующих:

1. Когнитивная психология. В этом направлении изучается становление связей ребенка с внешним миром. Выделяются возрастные особенности и механизмы развития, их физиологическое обеспечение. Роль матери рассматривается в двух аспектах: как предоставление необходимой для развития ребенка стимуляции и как обеспечение физического и психического комфорта, что также

необходимо для нормального развития. При этом акцент делается на первое, а второе рассматривается как условие, но не входит в предмет исследования.

2. Развитие эмоциональной сферы. Это направление имеет своим предметом исследование возрастных особенностей эмоциональной сферы ребенка, развитие обеспечивающих их физиологических и психологических механизмов. Роль матери здесь является весьма существенной, а во многих подходах — решающей. Она выражается в эмоциональном поведении матери, качестве ухода, важным является своевременное и адекватное обеспечение физиологических потребностей ребенка. Большое внимание уделяется отношению матери к ребенку и стилю материнско-детского взаимодействия.

3. Развитие личности (психоанализ, микропсихоанализ, гуманистическая психология, психотерапевтически ориентированные направления). Здесь выделяются структура личности и этапы ее развития. Роль матери признается решающей, особенно в становлении базовых, ядерных структур личности в раннем онтогенезе. Функции матери состоят в своевременном и качественном удовлетворении потребностей ребенка, в предоставлении любви и поддержки. Эти ее функции рассматриваются как врожденные, обеспеченные «материнским инстинктом». Неудовлетворительное обеспечение матерью своих функций связывается с деструктивным влиянием на реализацию материнского инстинкта внутренних, личностных конфликтов матери.

4. Развитие отдельных структур субъективного опыта (самосознание, Я – концепция, рабочая модель мира, образ мира, привязанность, общение, мотивация достижений и др.). В этих направлениях углубленно изучается становление отдельных структур личности или содержаний субъективного опыта, имеющих значение в развитии личности ребенка и его отношений с миром. Именно в этих направлениях происходит прорыв «за грань рождения» — во внутриутробный период, причем не с позиции актуализма, как в классических направлениях психологии личности, проецирующих модель взрослой личности в ранний онтогенез, а на основе изучения развития самого ребенка и его взаимодействия с матерью. В этих направлениях роль матери оценивается как решающая, а во многих случаях даже абсолютизируется (например, концепции «object relation» Д. Винникотта, М. Кляйн, частично у Э. Эриксона). К этому направлению можно отнести пренатальную и/или перинатальную психологию.

5. Этологический подход. К этому направлению можно отнести современные варианты теории социального научения и часть теории привязанности. Мать и ребенок рассматриваются как члены специфической диады, развивающиеся во взаимодействии. Недостатком этого подхода является точка зрения на изначально существующие способности матери и ребенка включиться в это взаимодействие, как бы не имеющие предварительной истории. Однако ювелирное описание структуры и содержания взаимодействия в диаде дает необыкновенно богатый материал для интерпретации. Рассматриваемый подход, несмотря на его описательный характер, а может быть, именно благодаря этому, служит источником данных для анализа практически во всех остальных направлениях психологии раннего онтогенеза и материнства.

6. Исследования структуры деятельности ребенка и ее развития в онтогенезе. Это направление относится главным образом к отечественной детской психологии, традиционно развивающейся в рамках деятельностного подхода. Здесь разработана система периодизации детского развития как смены ведущих деятельностей, периодизация развития общения, становление знаковой функции в онтогенезе, самосознания. Роль взрослого рассматривается как участие в развитии не только содержания, но и структуры потребностно-мотивационной сферы ребенка и структуры его взаимоотношений с миром. К сожалению, экспериментальные и теоретические данные, полученные в этих исследованиях, недостаточно востребованы учеными, работающими в рамках других направлений, чего нельзя сказать о представителях деятельностного подхода, в последнее время активно обращающихся к современным психологическим теориям.

Все указанные направления интерпретируют феномены психического развития ребенка в аспекте своего предмета исследования и с позиций своих теоретических подходов. Однако функции матери присутствуют в любом случае. С точки зрения характеристики этих функций рассмотрим кратко особенности онтогенеза, которые изучаются в каждом из отмеченных направлений в отдельные возрастные периоды. Необходимо отметить, что традиционно детская психология начинала свой анализ с момента рождения. В современных учебниках, особенно отечественных, пренатальный период либо вообще отсутствует, либо есть указание на то, что до рождения происходят физиологическая подготовка ребенка к существованию во внеутробной среде, созревание некоторых рефлексов и т.п. Последние десятилетия знаменуются активным изучением внутриутробного развития как с

физиологической, так и с психологической точки зрения. Влияние же состояния матери и ее поведения в беременности на развитие ребенка известно издревле, а в практической психологии является объектом работы психолога уже несколько десятилетий. Поэтому относительно характеристики материнских функций рассмотрение развития ребенка необходимо начинать с пренатального этапа индивидуального развития, который вообще не представлен в классических психологических периодизациях детского развития. С современных позиций (в плане развития ребенка, материнских функций и направленности научных исследований) в рабочем порядке целесообразно выделить следующие периоды развития ребенка: пренатальный (от возникновения чувствительности, которая позволяет говорить о наличии у ребенка субъективного переживания в самой элементарной форме до готовности к рождению); период, объединяющий перинатальный, катальный и ту часть неонатального, которая характеризуется как критическая для возникновения тесной материнско-детской связи (bonding — первые двое суток после рождения); период новорожденное (до появления комплекса оживления); первое полугодие младенчества; второе полугодие младенчества; второй и третий год жизни. Такая периодизация, как будет ясно ниже, связана именно с содержанием материнских функций.

Пренатальный период

Когнитивное развитие. Рассматривается развитие чувствительности, двигательной системы, развитие мозга. Организм матери рассматривается как стимульная среда, обеспечивающая развитие мозговых структур и первоначальной интегративности когнитивной системы. Эта среда фиксирована и неизменна, само развитие происходит как реализация генетической программы в этой одинаковой по основным параметрам для всех представителей человеческого рода среде.

Эмоциональное развитие. К сожалению, интерпретация психологии эмоционального развития ребенка предпринимается только с точки зрения психоаналитически-ориентированных подходов и в рамках практической психологии и опирается на ретроспективный анализ особенностей эмоциональной сферы ребенка старшего возраста. Некоторые аспекты пренатального развития эмоциональной сферы рассматриваются в русле психофизиологии эмоций. Роль матери оценивается с точки зрения ее собственного эмоционального состояния, связанного с принятием беременности и отношением к ребенку.

Развитие личности. В психоаналитически ориентированных подходах пренатальный период рассматривается с точки зрения возникновения первого субъективного опыта: либо как «внутриутробный рай», либо как источник первых психоэмоциональных травм и начало образования личностных конфликтов. В остальных подходах роль пренатального развития оценивается с точки зрения формирования материнского чувства, которое в дальнейшем будет определять развитие личности ребенка. Роль матери во всех случаях состоит в отношении к будущему ребенку, которое определяет ее эмоциональное состояние в беременности и служит «материалом» для формирования субъективного опыта ребенка.

Отдельные структуры субъективного опыта. В рамках пренатальной психологии этот период рассматривается как сензитивный для формирования базы основных содержаний субъективного опыта. Функции матери в основном интерпретируются с позиций психоанализа и микропсихоанализа.

Этнологический подход. Этот подход представлен отдельными прикладными исследованиями пренатального воспитания и обучения. В русле этих исследований выработаны способы налаживания взаимодействия матери с ребенком в период беременности, доказано, что у ребенка еще внутриутробно формируются предпочтения определенной звуковой тактильной и т.п. стимуляции. Мать рассматривается как «транслятор» социокультурного фактора развития ребенка.

Деятельностный подход. Практически не рассматривает этот период развития. Еще Л.С. Выготский определил в качестве нижней границы детской психологии момент рождения, рассматривая пренатальный Период как выходящий за рамки психологического исследования. Современные данные о внутриутробном развитии ребенка, к сожалению, не интерпретируются с позиций этого направления.

Перинатальный, натальный и весь неонатальный период

Когнитивное развитие. Когнитивное развитие ребенка в этом периоде в современной когнитивной психологии изучается весьма интенсивно. Установлено, что ребенок вовсе не является пассивным, не реагирующим на внешнюю стимуляцию существом. Он имеет выраженные предпочтения во все перцептивных системах, механизмы регуляции собственного поведения, позволяющие ему в короткий срок адаптироваться к изменившимся после рождения условиям жизни. В этом направлении активно изучаются эволюционные механизмы развития когнитивных структур, разработаны концепции сензитивных периодов и понятие эволюционно-ожидаемых условий развития (Е.А. Сергиенко). Роль матери состоит в обеспечении условий развития (стимульной среды,

физического и эмоционального комфорта):

Эмоциональное развитие. Особое внимание уделяется образованию тесной эмоциональной связи с матерью, которая является залогом эмоционального комфорта и обеспечивает условия для успешного развития ребенка, причем не только в младенчестве, но и в дальнейшей жизни. Функции матери состоят в эмоциональном принятии ребенка, эмоциональном выражении своей любви в процессе взаимодействия с ребенком.

Развитие личности. Этот период рассматривается как формирование важного субъективного опыта, участвующего в образовании личностных конфликтов и играющего большую роль в жизни взрослого человека (роды — первая психическая травма). Для уменьшения травмирующего влияния опыта родов на развитие личности предлагаются соответствующие методы подготовки матери к родам и родовспоможения, а также организация послеродового взаимодействия матери с ребенком. Особое внимание уделяется состоянию матери, способствующему в послеродовой период осуществлять взаимодействие с ребенком необходимого качества. Период новорожденности рассматривается как фаза нормального аутизма (психоанализ), не разделение ребенком «внутреннего и внешнего населения» (Э. Эриксон).

Отдельные структуры субъективного опыта. Данный возрастной период рассматривается как составная часть постнатального периода, когда происходит формирование базовых структур отношения к миру: базовое доверие или базовая тревога, возникновение самоощущения, переживания напряжения потребности и отъединенности от предмета, удовлетворяющего потребность. Роль матери в первую очередь состоит в предоставлении своевременной и качественной заботы и стимуляции, обеспечивающей эмоциональный комфорт.

Этологический подход. В этом направлении активно изучаются формы и содержание взаимного влияния матери и ребенка друг на друга в процессе образования диадических отношений. Поведение матери в основном описывается как «модельное», комплементарное поведению ребенка, соответствующее его психофизиологическим особенностям. В последнее время интерес смещается на «группы риска», в которых поведение матери и ребенка отклоняется от нормальной модели (недоношенность, перинатальная патология, психическая патология матери, девиантное материнство).

Деятельностный подход. В рамках этого подхода рассматривается в основном период новорожденности, который оценивается как переходный от реактивности к активности. Однако в рамках этого периода происходит достаточно интенсивное развитие психики ребенка, в результате которого формируется потребность в общении, возникает семиотическая функция (вокализаций, мимики; улыбки).

Деятельность рассматривается в процессе становления ее структуры. Роль матери (взрослого, осуществляющего взаимодействие с ребенком) состоит в активном «втягивании» ребенка в процесс совместной деятельности, в первую очередь в сфере общения.

Первое и второе полугодие младенчества

Когнитивное развитие. В этом возрасте подробно изучается развитие перцепции, развитие сенсомоторного интеллекта. В плане взаимодействия матери с ребенком акцент ставится на предоставление матерью адекватных стимульных условий развития. В рамках теории привязанности оценивается влияние качества привязанности на когнитивное развитие ребенка.

Эмоциональное развитие. В рамках разных подходов этот период рассматривается как сензитивный в развитии эмоциональной сферы. Роль матери состоит в обеспечении эмоционального комфорта, эмоциональном взаимодействии с ребенком, проявлении безусловной любви и поддержки. В деятельностном подходе выделяется самостоятельная форма общения (ситуативно-личностная), содержанием которой является эмоциональное взаимодействие матери с ребенком

Развитие личности. В психоанализе — первая фаза психосексуального развития (оральная). Первый год жизни считается периодом формирования ядерных структур личности, образованием базового отношения к миру. В этом процессе решающая роль принадлежит матери, функции которой состоят в своевременной заботе, поддержке, эмоциональном принятии ребенка. Выделяются фазы симбиоза и сепарации, успешное прохождение которых зависит от взаимодействия с матерью и оказывает влияние на всю дальнейшую жизнь субъекта

Отдельные структуры субъективного опыта. В основном этот период рассматривается в теориях привязанности, «objekt relation», детском психоанализе. Выделяются этапы формирования рабочей модели «Я — Другой», Я – концепции, возникновения переходного объекта и настоящего, реально существующего объекта, появление первичного и вторичного объекта привязанности, поведения привязанности. Роль матери оценивается как решающая. Качество рабочей модели мира, содержание Я

– концепции, качество привязанности зависят от успешности выполнения матерью своих функций: обеспечения физического и эмоционального комфорта, участия в эмоциональной жизни ребенка, своих функций «посредника» между ребенком и внешним миром. Самостоятельным аспектом исследования является нарушение психического развития ребенка в условиях материнской депривации.

Этологический подход. Наиболее активно реализован в теории социального научения. Предметом исследования является структура и содержание взаимодействия матери с ребенком. Подробно описаны функции матери в этом взаимодействии, а также культурные и индивидуальные особенности их проявления.

Деятельностный подход. Младенчество является первым и весьма важным периодом развития ребенка. Выделяются формы ведущей деятельности (общение в первом полугодии и предметная деятельность во втором), их содержание и структура. Рассматривается роль взрослого в развитии деятельности ребенка, которая характеризуется в первом полугодии как «совокупная», а во втором — как «совместно-разделенная» (А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин), где взрослый принимает на себя постановку целей, еще недоступную ребенку, и мотивационное означивание действий и их результатов. В развитии общения выделяется две формы: ситуативно-личностная и ситуативно-деловая. Кризис первого года рассматривается как противоречие между внутренними и внешними условиями развития ребенка.

Второй и третий годы жизни

Когнитивное развитие. Рассматривается в рамках развития сенсомоторного интеллекта, предметных действий разной степени сложности, освоения культурных способов овладения предметами и развития речи. Роль взрослого состоит в предоставлении необходимых условий, причем без акцента непосредственно на мать. В этом возрасте интерес исследователей направлен не только на индивидуальные, но и на культурные особенности когнитивного развития.

Эмоциональное развитие. Изучается развитие структуры и содержания эмоциональной сферы ребенка, большое внимание уделяется качеству материнско-детского взаимодействия. В этом возрасте ребенок оценивается как существо, живущее своими эмоциями, импульсивное, быстро переходящее из одного эмоционального состояния в другое.

Развитие личности. Психоанализ уделяет этому возрасту большое внимание (анальная фаза), так как в этот период ребенок вступает во взаимоотношения с системой прав и норм поведения, что требует от него существенной перестройки своих отношений с миром. Роль родителей состоит в адекватном участии в становлении этих отношений, в гибком сочетании поддержки, предоставления самостоятельности и управления поведением ребенка.

Отдельные структуры субъективного опыта. Большое внимание этому периоду уделяется в теории привязанности: на протяжении второго года происходит стабилизация качества привязанности и поведения привязанности. В условиях депривации формируются устойчивые формы нарушений эмоционально-личностного развития, которые считаются практически необратимыми. Происходит становление Я – концепции, к трем годам появляется местоимение «Я». Формируется базовая структура, обеспечивающая устойчивый индивидуальный стиль переживания успеха-неуспеха достижения целей (мотивация достижений). Роль матери не менее важна, чем в предыдущие периоды.

Этологический подход. Применяется в описании поведения привязанности, форм депривационного поведения, а также при анализе развития речи. Роль взрослого оценивается с точки зрения организации стимульной среды.

Деятельностный подход. С точки зрения деятельностного подхода этот период соответствует ситуативно-деловому общению, ведущей деятельностью является деятельность с миром вещей, возникает новая форма деятельности — игровая, становящаяся ведущей в конце данного возрастного периода. Роль взрослого состоит в участии в деятельности ребенка по освоению внешнего мира и в игровой деятельности. Больше внимания уделяется развивающе-обучающим функциям взрослого.

Краткое изложение предметов исследования разных психологических подходов к развитию ребенка свидетельствует, что функции матери присутствуют во всех случаях. Однако трудно оценить, развитие каких именно структур психики ребенка может служить показателем оптимального выполнения матерью ее функций. Тем не менее во всех случаях можно выделить одну структуру, которая оценивается в психологии как базовая, обеспечивающая успешность всех аспектов психического развития ребенка. Вне зависимости от конкретных культурных и индивидуальных физиологических особенностей ребенка непременным условием его развития является базовое отношение к миру, которое характеризуется как «базовое доверие», «уверенность в поддержке», «активное и доверительное отношение к миру» и т.п., позволяющее ребенку ощущать эмоциональный

комфорт и уверенность в любом акте его отношений с миром. Разнообразие терминов, описывающих эту структуру субъективного опыта ребенка, затрудняет ее анализ и выделение тех функций матери, которые обеспечивают ее формирование и культурные особенности. Термином, наиболее полно выражающим содержание и роль в развитии ребенка этой структуры, скорее всего является эмоциональное благополучие. Его можно отнести к любому возрасту и соотнести с любой формой субъективного опыта. Именно эмоциональное благополучие ребенка, какими бы индивидуальными особенностями он ни обладал, дает возможность оценить успешность выполнения матерью ее функций, так как свидетельствует о положительной оценке ребенком мира и себя в этом мире в конкретных условиях своей жизни. Поэтому для характеристики материнских функций необходимо рассмотреть содержание, структуру и онтогенез эмоционального благополучия.

2.3. Эмоциональное благополучие

Понятие эмоционального благополучия ребенка в психологии

В психоанализе основой развития ребенка считается своевременное и качественное удовлетворение матерью биологических потребностей ребенка. Переживание удовольствия при удовлетворении этих потребностей и стремление к этому лежит в основе психосексуального развития. Первоначально у ребенка возникает «любовь к заботе», которую осуществляет мать, и только на основе этого — любовь к матери, как объекту, с которым связано удовольствие от удовлетворения потребностей. Мать становится первым объектом влечения, причем для всех потребностей вообще. Как первоначальный источник и объект удовлетворения потребностей, она оказывает влияние на дальнейшее формирование объектов влечения всех потребностей и способов их удовлетворения. Фрустрация удовольствия (Некачественное выполнение матерью своих функций объекта влечения или ее недоступность) ведет к нарастанию напряжения потребностей и нарушению эмоционального состояния ребенка. Стремление к удовлетворению рассматривается как актуализация психосексуальной энергии, конкретизирующейся в различных потребностях. Состояние эмоционального неблагополучия (напряжения, фрустрации, чувство страха, отчаяния, гнева и т.п.) возникает вследствие невозможности немедленного устранения напряжения потребности или несоответствия способов удовлетворения, имеющихся у ребенка, предлагаемым обществом (первоначально в лице родителей).

Наличие в классическом психоанализе двух альтернативных состояний субъекта — страдания от напряжения потребностей и переживания наслаждения при их удовлетворении, а также роль матери в этом процессе как внешнего источника этих переживаний положило начало целому вееру концепций, касающихся формирования у ребенка базового отношения к миру и форм переживаний своей активности в нем.

Э. Эриксон принимает за основу чувство базовой веры и надежды, противопоставляя его базовому недоверию. Базовая вера и надежда порождаются заботой и любовью матери, которая своевременно и качественно удовлетворяет потребности ребенка, предоставляя ему возможность прогнозировать и ожидать ее закономерное и своевременное появление и соответственно устранение состояния неудовольствия и получение удовольствия. Мир устроен так, что ребенок постоянно оказывается в состоянии напряжения потребностей и вынужден некоторое время пребывать в этом состоянии. Поведение матери позволяет ему «побеждать» чувство базового недоверия и к концу первого года образуется баланс между базовой верой и базовым недоверием, который для успешного психического развития должен быть в пользу веры и надежды. Именно концепция Э. Эриксона (в которой выделяются и дальнейшие этапы развития отношения ребенка к миру и себе, основанные на формировании «базовых способов разрешения конфликтов» между противоположными тенденциями, присущими каждому периоду развития) послужила источником дальнейшей разработки проблемы базового отношения к миру и его онтогенеза.

К. Хорни в качестве базовой структуры выделяет потребность в безопасности и необходимость ее удовлетворения, которое обеспечивается родителями. Базовой безопасности противостоит базовая тревога как результат неудовлетворения потребности в безопасности. В результате родительского (в первую очередь материнского) поведения формируется индивидуальная структура соотношения базовой тревоги и базовой безопасности, определяющая стратегию развития личности.

Д. Винникотт акцентирует свое внимание на критичности для ребенка качества заботы матери в первые недели и месяцы жизни. Забота матери, помимо своевременного удовлетворения физиологических нужд ребенка, должна быть окрашена любовью. Знаменитым стало утверждение Д. Винникотта о том, что «кормление без любви — деструктивно». Мать является «идеальной средой» для

ребенка в силу своего особого психического состояния, возникающего после родов и обеспечивающего ей интуитивное переживание состояний ребенка. На основе этого она способна оптимально удовлетворять все потребности ребенка и переживать при этом чувство любви и глубокой удовлетворенности. Это чувство защищает ее и ребенка от естественных для них обоим агрессивных импульсов, неизбежно присущих им как индивидуальным субъектам и служащим для защиты и сохранения своей индивидуальной целостности. Ребенок в условиях адекватного, «достаточно хорошего» материнского отношения получает хорошо сбалансированный опыт удовольствий и фрустраций, позволяющий ему выстраивать образ внешнего мира и себя. Качества матери, сначала осваиваемые ребенком «по отдельности», впоследствии «собираются» в целостный образ матери («материнский объект»). Промежуточный этап, когда мать еще не является целостным объектом, представляет собой для ребенка весь внешний мир в его положительных и отрицательных качествах. Это значение мира и соотношение его «хороших» и «плохих» свойств, а также их предсказуемость и управляемость со стороны ребенка (в плане удовлетворения его нужд) является основой построения всей модели мира и себя. Оптимальным для развития личности содержанием, получающимся в результате построения модели мира и себя, является усвоение (включение в эту модель) ребенком «хороших» качеств первичного объекта — матери. Для этого «достаточно хорошая мать» должна полностью отдаться своим эмоциям и некоторое время жить с ребенком единой жизнью, в которой удовлетворение потребностей ребенка переживается матерью как ее собственное удовольствие.

В этологических исследованиях, начало которым было положено в экспериментах Х. Харлоу с детенышами обезьян, воспитывающимися без матери, было показано, что для нормального развития детенышей недостаточно только удовлетворения физиологических нужд. Х. Харлоу сформулировал понятие об эмоциональном комфорте, который достигается в присутствии специфических стимулов от матери. Это мягкая шерсть, за которую можно цепляться, наличие «тела» (шерстистого и мягкого), к которому можно прижаться, его свойства покачиваться. Эти исследования свидетельствуют, что первоначально эмоциональный комфорт достигается именно за счет наличия самих стимулов, и только в дальнейшем они «собираются» в целостный объект. В нормальных условиях этим объектом является мать. Но в экспериментальной ситуации удалось «разнести» стимулы, обеспечивающие эмоциональный комфорт, и стимулы, обеспечивающие удовлетворение физиологических нужд, по разным объектам (два макета суррогатной матери с разным набором качеств). Революционность этих исследований состоит не только в выделении самостоятельного значения потребности в эмоциональном комфорте, но и в генезисе объекта этой потребности, основанном на существовании стимулов, обеспечивающих этот комфорт, и прижизненном их объединении на внешнем объекте.

Понятие об эмоциональном комфорте, необходимом для психического развития, наличие потребности в безопасности и роль матери в их обеспечении, а также влияние этих структур на формирование базовых образований личности легли в основу теории привязанности (Дж. Боулби., М. Айнсворт). На основе заботы и поддержки, оказываемых матерью в первый год жизни, у ребенка образуется привязанность к ней, как к объекту, эту поддержку обеспечивающему. Качества матери как объекта привязанности (ее физическая и психологическая доступность, а также качество и своевременность оказываемой поддержки) служат источником формирования поведения привязанности и базовой структуры личности (привязанности), обеспечивающей стратегическое отношение субъекта к миру и своему существованию в нем (базовая модель мира «Я — Другой»). Более поздние исследования привязанности показали, что выделенные формы привязанности (качество привязанности и две его основных формы — прочная, или безопасная, и непрочная привязанность), с некоторыми вариантами, обнаруживаются во всех культурах, причем в каждой культуре есть свой тип качества привязанности, наиболее оптимальный для формирования конкретно-культурного варианта личности. Качество привязанности, окончательно формирующееся к двум годам, является устойчивой личностной характеристикой и может быть выявлено в любом возрасте.

Исследования привязанности у детей и взрослых установили ее роль в устойчивости к стрессам, связь качества привязанности с депрессивным складом личности, ее влияние на развитие родительских и супружеских качеств, устойчивость к невротическим расстройствам, формирование стиля мотивации достижений, а также наличие «циклов непрочной привязанности» в семейной истории.

Источником формирования прочной привязанности является доступность для ребенка объекта привязанности и качественное выполнение им своих функций (защита от всех форм дискомфорта) на ранних этапах развития. Еще У. Джеймс определял чувство одиночества, возникающее у ребенка вне контакта со взрослым, как источник страха в младенчестве. Д. Магагна считает, что вне контакта с матерью ребенок не развивается, все его ресурсы «работают» на защиту от тревоги и преодоление

чувства эмоционального дискомфорта. Она выделяет три типа поведения ребенка для компенсации чувства тревоги в отсутствии матери: 1) снятие стресса за счет увеличения подвижности; 2) угнетение двигательной активности («затаивание»); 3) аутостимуляция, или «поиск замены соска». Хорошо известно, что сосание для ребенка не только акт кормления, но и успокоение, то есть способ обретения эмоционального комфорта. В традиционных системах воспитания этот способ активно используется, иногда далеко за пределами грудного возраста. В.В. Лебединский выделяет две основные функции эмоциональной регуляции: тоническую и регулятивную. Эти функции также могут быть «разнесены» на разные объекты, хотя в норме принадлежат матери. У детей, воспитывающихся в условиях материнской депривации, тоническая функция может закрепляться не только на взрослом, но и на другом ребенке, а также обеспечиваться с помощью аутостимуляции. Роль тонической функции состоит в поддержании оптимального состояния возбуждения нервной системы, необходимого для жизнедеятельности. Это состояние имеет вполне определенные физиологические параметры, характеризующиеся как стеническое состояние, обеспечивающее уверенность и готовность к действию, которые субъективно переживаются как состояние эмоционального комфорта. Потребность в оптимальном состоянии возбуждения основана на потребности мозга в притоке стимуляции и является источником формирования потребности во впечатлениях.

В гуманитарной психологии меньше внимания уделяется раннему онтогенезу, но выделяются состояние эмоционального комфорта и потребность в нем. А. Маслоу в своей иерархии потребностей человека выделяет потребность в безопасности, которая в раннем возрасте обеспечивается родителями. Это безопасность от страха, защита от боли, гнева, неустроенности. Она относится к потребностям первого уровня и должна быть удовлетворена после удовлетворения потребностей нужды (физиологических). Удовлетворение потребности в безопасности служит необходимым условием для возможности удовлетворения потребностей второго уровня — потребностей развития. Удовлетворение потребности в безопасности продуцирует чувство благополучия. Для его возникновения и стабилизации необходимо стабильное окружение и уверенность в его стабильности и закономерности. Это обеспечивается зависимостью ребенка от родителей, которая и стимулирует родителей такое окружение создавать и поддерживать. В этом состоит конструктивная роль зависимости в раннем детстве. Чувство безопасности создается заботой родителей, поддержкой и проявлением их любви к ребенку.

Общим заключением, следуемым из этих подходов, является констатация потребности ребенка в наличии и поддержании чувства безопасности и уверенности в его обеспечении со стороны взрослых, в первую очередь — матери. Оно обеспечивается проявлением заботы взрослого и демонстрацией ребенку своего положительно-эмоционального отношения к нему. В результате у ребенка, во-первых, возникает и поддерживается чувство эмоционального комфорта, а во-вторых, возникает привязанность ко взрослому, который этот комфорт обеспечивает. Наличие привязанности ко взрослому и поведение привязанности обеспечивает ребенку уверенность в поддержке взрослого и своевременном ее получении.

В отечественной психологии традиционно упор делался на эмоциональные переживания ребенка во взаимодействиях со взрослым. Мать первоначально рассматривалась как источник стимуляции, обеспечивающий удовлетворение потребности во впечатлениях. В первые недели жизни поведение матери (проявление положительных эмоций во взаимодействии с ребенком) обеспечивает возникновение на основе потребности во впечатлениях потребности в общении (в форме эмоционального взаимодействия) [Л.И. Божович]. М.И. Лисина и ее последователи считают потребность в общении самостоятельной потребностью, но возникающей также в течение периода новорожденности на основе активного воздействия взрослого. Проявляя свое эмоциональное отношение, взрослый формирует у ребенка потребность в эмоциональном взаимодействии, которое является содержанием первой формы общения — ситуативно-личностной. Эмоциональная депривация ребенка, в этом возрасте ведет к задержке и искажениям развития не только общения, но и всей эмоционально-личностной сферы. Основное внимание уделяется структуре и содержанию эмоциональной сферы ребенка, хотя не отрицается влияние его эмоционального состояния на развитие познавательной сферы. Роль эмоционального общения в предупреждении и терапии депривационных последствий (госпитализм и его более мягкие формы) состоит не только в развитии самого общения и всех остальных форм деятельности (которые являются основным предметом исследования), но и в формировании и поддержании стабильного, благополучного (а точнее — эмоционально-положительного) состояния ребенка.

Функции матери в обеспечении эмоционального комфорта ребенка более прицельно изучаются в рамках тех направлений отечественной психологии, где искаженное материнско-детское

взаимодействие рассматривается как источник нарушения эмоционально-личностной сферы и психического здоровья ребенка (в младенческом, дошкольном, предподростковом и подростковом возрастах). Сюда относятся исследования родительского отношения, родительской позиции, стиля детско-родительских взаимодействий и т.п. В работах, относящихся к этим направлениям, выделяется базовое отношение к миру, которое формируется в раннем возрасте [А.Я. Варга, М.В. Колоскова, О.В. Баженова, Г.В. Скобло и др.]. Содержанием этой структуры является чувство базового доверия к миру [А.Я. Варга], активно-доверительное отношение к миру [М.В. Колоскова], устойчивый положительно-эмоциональный фон настроения. Формирование такого содержания субъективного опыта ребенка основано на поведении матери, которая, помимо удовлетворения физиологических, а также эмоциональных потребностей ребенка, обеспечивает поддержку его активного, инициативного отношения к миру. Мать воспринимает ребенка как субъекта не только потребностей, но и эмоциональных переживаний, активности. Выделяется потребность ребенка в доброжелательном внимании взрослого [Л.И. Божович], в эмоциональном взаимодействии со взрослым [М.И. Лисина], к трем месяцам проявляющаяся как устойчивая потребность в получении положительных эмоций от взрослого [С.Ю. Мещерякова], потребность обрести чувство уравновешенности и безопасности, достигаемая в контакте со взрослым [Г.В. Скобло]. Удовлетворение этих потребностей является условием нормального психического развития ребенка.

Эти исследования также позволяют заключить, что чувство эмоционального комфорта служит показателем оптимального состояния ребенка в системе «Я — Мир» и является необходимым условием его развития. Оно продуцируется положительным эмоциональным отношением матери, активно проявляемым в процессе взаимодействия с ребенком. Нарушение такого поведения матери (разные формы эмоциональной депривации) ведет к искажению психического развития ребенка, причем во всех сферах.

В исследованиях эмоционального состояния детей дошкольного возраста [А.Д. Кошелева, В.И. Перегуда, И.Ю. Ильина, Г.А. Свердлова, Е.П. Арнаутова и др.] устойчиво положительное, комфортное эмоциональное состояние ребенка рассматривается как базовое, являющееся основой всего отношения ребенка к миру и влияющее на особенности переживания семейной ситуации, познавательную сферу, эмоционально-волевою, стиль переживания стрессовых ситуаций, отношение со сверстниками. Обобщенно такое базовое эмоциональное состояние характеризуется как чувство эмоционального благополучия. Выделяются три основных уровня эмоционального благополучия: высокий, средний и низкий, коррелирующие с типом материнско-детского взаимодействия и его выраженностью. Высокий уровень эмоционального благополучия формируется при эмоционально-принимавшем и поддерживающем типе взаимодействия. Разные формы эмоционально-зависимых и эмоционально-отвергающих типов взаимодействия и степень их выраженности продуцируют средний или низкий уровень эмоционального благополучия ребенка. Разработаны методы диагностики уровня эмоционального благополучия и типов материнско-детского взаимодействия и материнского отношения.

Оценка эффективности материнства проводится с помощью выявления уровня эмоционального благополучия детей. В исследовании детей старшего дошкольного возраста на основе работ А.Д. Кошелевой, В.И. Перегуды, И.Ю. Ильиной, Г.А. Свердловой, М.В. Колосковой, Л.Л. Баз и О.В. Баженовой, Г.В. Скобло и О.Ю. Дубовик, Г.Г. Филипповой и др., эмоциональное благополучие ребенка оценивалось по баллам от 0 до 3 по двум группам показателей, характеризующим переживание эмоционального комфорта во взаимодействии со взрослым (в семье и вне семьи) и переживание успеха-неуспеха в индивидуальной и совместной со взрослым деятельности. Эмоциональное благополучие выражается в особенностях использования ребенком средств общения, в первую очередь невербальных — таких, как глазной и тактильный контакт, включения взрослого в совместную деятельность и эмоциональную реакцию на оценку последним результатов своих действий, в переживании эмоционального комфорта в семье и ситуации взаимодействия с матерью. Сопоставление уровней эмоционального благополучия детей с особенностями материнского отношения показало, что высокий уровень эмоционального благополучия детей устойчиво сочетается с адекватным материнским отношением (принимавшим, эмоционально-поддерживающим), а снижение уровня эмоционального благополучия, во-первых, всегда связано с отклонением материнского отношения от адекватного, а во-вторых, положительно коррелирует с выраженностью такого отклонения.

Исследования эмоционального благополучия ребенка в разных возрастах и его связи с отношением и поведением матери показали, что оно проявляется не только в преимущественном положительном фоне настроения, но и в стиле переживания результатов действий, успехов и неудач,

развитии познавательной мотивации, включении взрослого в совместную деятельность, отношении к оценке взрослого, развитии самоконтроля, стиле переживания ситуации разлуки с близким взрослым, переживании семейной ситуации. В младенчестве состояние эмоционального благополучия определяется как базовое чувство эмоционального комфорта, обеспечивающее доверительное и активное отношение к миру. В более старшем возрасте эмоциональное благополучие обеспечивает высокую самооценку, сформированный самоконтроль, ориентацию на успех в достижении целей, эмоциональный комфорт в семье и вне семьи. На основании приведенных исследований можно более конкретно охарактеризовать структуру эмоционального благополучия.

Структура эмоционального благополучия

В эмоциональном благополучии можно выделить несколько составляющих, каждая из которых представляет собой континуум между положительным и отрицательным полюсами. В совокупности они представляют собой уровень общего эмоционального благополучия ребенка.

1. Эмоция удовольствия — неудовольствия как содержание преимущественного фона настроения.

2. Переживание успеха — неуспеха достижения целей.

3. Переживание комфорта как отсутствия внешней угрозы и физического дискомфорта.

4. Переживание комфорта в присутствии других людей и ситуации взаимодействия с ними.

5. Переживание оценки другими результатов активности ребенка.

Все эти составляющие могут иметь разное содержание, то есть разную «точку» на континууме от «+» до «-», однако их не может не быть вообще. Чтобы понять, что именно входит в функции матери и как они обеспечивают ту индивидуальную точку на континууме, которая определяет уровень эмоционального благополучия конкретного ребенка, необходимо представить себе онтогенез всех составляющих эмоционального благополучия ребенка.

Формирование основ эмоционального благополучия в пренатальный период

Современные данные о пренатальном развитии ребенка позволяют обозначить начало формирования субъективного опыта со второго месяца после оплодотворения. В 5 — 6 недель начинается формирование нервной системы, с 7,5 недели появляется кожная чувствительность. В этот период закладываются первые структуры мозга, в частности лимбическая структура. Говорить о переживании плодом эмоций в этот период невозможно, так как для полноценного существования эмоций необходимо формирование целостной моторной, нейрогуморальной и проприоцептивной регуляции, которая возникает только к 5 месяцам [К. Изард, А.С. Батуев]. Однако чувствительность у ребенка уже есть, то есть субъективное переживание как таковое несомненно присутствует. Более того, уже с 4 месяцев отмечается периферическое выражение основных эмоций (мимика лицевой мускулатуры). В 28 недель ребенок активно реагирует на вкус околоплодной жидкости не только изменением мимики, но и двигательными реакциями. Поскольку вкусовые почки на языке и обонятельные центры мозга есть уже на третьем месяце (9 — 10 недель), а заглатывание околоплодной жидкости и попадание ее в желудок еще раньше, то вероятно существование очень ранней вкусовой чувствительности.

На 5-м месяце ребенок эмоционально и двигательно реагирует на модуляции голоса матери и звуки из внешнего мира, температурные раздражители, например прикосновение холодного датчика УЗИ, тактильные прикосновения (мимические выражения, отплывание, отворачивание головы или, наоборот, приближение к источнику стимуляции). Уже в 3 — 4 месяца плод генерализованно отвечает общей двигательной активностью на локальное раздражение, тогда как до этого локальное раздражение вызывало ответную реакцию только раздраженного участка [А.С. Батуев]. В 21 — 24 недели сосательный рефлекс представлен в форме целостной двигательной координации, с ее центральным и периферическим механизмами, развита вкусовая чувствительность, наполнение желудка и опорожнение мочевого пузыря происходят регулярно.

Таким образом, в период внутриутробного развития ребенок воспринимает большое количество стимуляции от матери и даже из внешней среды, причем во всех сенсорных системах. Некоторые типы этой стимуляции являются постоянными и сопровождают ребенка на всем протяжении его жизни с момента возникновения чувствительности и до рождения. Это вестибулярные раздражители (вестибулярный аппарат обеспечивает поддержание положения тела ребенка в околоплодной жидкости и начинает функционировать с шестой недели), слуховые, вкусовые. Менее однообразными, однако также участвующими в формировании субъективного опыта ребенка и развитии нервной системы являются кожная чувствительность и способность к светоощущению. Первая постоянно стимулируется соприкосновением с околоплодной жидкостью, стенками плодного пузыря и позднее матки своим

телом, пуповиной. Она весьма разнообразна и рано становится связана с собственной активностью ребенка. Вторая отмечается с шести месяцев и проявляется как негативная реакция на освещение стенки живота матери ярким светом.

Кроме этой, богатой для формирования чувственного опыта стимуляции, ребенок, по данным многих исследователей, воспринимает и переживает эмоциональное состояние матери непосредственно под влиянием притока ее гормонов [А. Бертин, А.С. Батуев, А.И. Брусиловский, К. Флейк-Хобсон, Т. Verny и др.]. Он реагирует на них вполне адекватно их «значению»: проявлением удовольствия или неудовольствия, как эмоциональным выражением, так и двигательными реакциями. Если сама пренатальная среда не содержит стимулов, способных стать источником достаточно сильных отрицательных эмоций, так как уровень стимуляции в ней соответствует тому, который вызывает низкую и среднюю плотность нейронной стимуляции, соответствующую стеническим эмоциям, относящимся к разряду положительных [К. Изард], то от воздействия гормонов матери, возникающих при ее отрицательных эмоциональных состояниях (в первую очередь гормонов стресса — катехоломинов), ребенок практически не может защититься. Это факт, а также данные последних исследований с помощью внутриутробной кино- и фотосъемки послужили основанием для заключений специалистов в области пренатальной психологии о том, что ребенок испытывает эмоциональные «удары» под воздействием волны материнских гормонов, которые служат причиной формирования первичного чувства страха, безнадежности, тревоги, так как они никак не связаны с его собственной активностью и закономерно возникающими собственными переживаниями. И только устойчивое положительное отношение матери к беременности «защищает» ребенка от этих стрессов, быстро предоставляя ему «подкрепление» за счет возвращения самой матери к положительно-эмоциональному состоянию. В этом А. Бертин видит адаптивную роль эмоциональной лабильности женщины в беременности. Способность воспринимать стимуляцию от матери как с помощью сенсорных систем, так и через ее гормоны, позволяет ребенку, по крайней мере в третьем триместре, когда у него уже полностью сформирована нейрогуморальная регуляция, соотносить сенсорную стимуляцию и возникающее эмоциональное состояние. Это служит основой для объединения эмоционального переживания с наличием определенной стимуляции. Можно сказать, что «фоновая» материнская среда, обеспечивающая оптимальный (с точки зрения плотности нервной стимуляции) фон для самочувствия, приобретает статус маркера комфортного состояния, а модификации этой стимуляции, сопровождаемые определенными эмоциональными состояниями под воздействием гормонов матери, являются «материалом» для формирования первичных эмоций удовольствия-неудовольствия. Способность ребенка во второй половине беременности испытывать основные эмоции и адекватно реагировать на внешнюю стимуляцию подтверждаются практикой выращивания преждевременно родившихся детей — в 22, 20 и даже 18 недель (единственный пока случай). Активное реагирование этих детей на стимуляцию от матери, улучшение их развития в присутствии этой стимуляции послужили основанием для введения для недоношенных детей метода «кенгуру» (периодический физический контакт с матерью или ее дублерами).

Таким образом, особенности пренатального развития определяют формирование основ структуры эмоционального благополучия ребенка:

1. Постоянная стимуляция внутриутробной среды обеспечивает приток впечатлений, необходимый для формирования мозга и поддержания его оптимального состояния возбуждения. Этот уровень стимуляции является базой для соматического компонента положительного эмоционального состояния и будущего чувства эмоционального комфорта.

2. Способность ребенка воспринимать изменения эмоционального состояния матери образует основу для постнатального включения соответствующей стимуляции от матери в потребность обретения и поддержания эмоционального комфорта.

3. Возникновение во второй половине беременности эмоциональной реакции матери на шевеление ребенка служит основой для формирования сопоставления своих переживаний от собственной активности, впечатлений от соприкосновения со стенкой матки и эмоциональным «подкреплением» матерью этих впечатлений. Это является базой для будущего развития переживания результативности своих действий.

Уже в этом периоде развития имеются основы для формирования всех составляющих будущей структуры эмоционального благополучия, чувства эмоционального комфорта, его переживания в присутствии определенных стимулов от матери, включения реакции матери в оценку своей активности, соотнесение переживания удовольствия-неудовольствия со своей активностью и получаемыми в ее результате соматическими впечатлениями

Функции матери в этот период заключаются в следующем:

1. До начала ощущения от шевеления ребенка роль матери состоит в подчинении своим эмоциональным состояниям, регулируемым физиологией беременности (быстрая смена эмоций, преимущественно положительный эмоциональный фон, характерный в норме для второго триместра беременности). В первом триместре ребенок еще не подвержен изменению эмоционального состояния матери, так как у него еще не сформирована структура нейрогуморальной регуляции. В этот период эмоциональное состояние матери действует на ее собственную соматику и при сильных стрессах или продолжительной тревоге создает условия для нарушения состояния внутренних органов, в том числе и матки, что ведет к выкидышу или нарушению физиологического развития плода. Стрессы и депрессии второго и третьего триместра оказывают влияние на развитие эмоциональной сферы ребенка и состояние его нервной системы.

2. Во второй половине беременности, после начала шевеления, функции матери состоят в обеспечении ребенку общего положительно-эмоционального фона, быстрого возвращения к положительному эмоциональному состоянию после кратковременных его нарушений, чему способствует общее положительное отношение к беременности, эмоциональная лабильность, ориентация интересов и эмоций матери на свое состояние и ребенка, а не на внешний мир. Это обеспечивает положительно-эмоциональное переживание шевеления ребенка.

Формирование основ эмоционального благополучия в пренатальном периоде развития является предиспозицией для дальнейшего развития этой структуры постнатально во взаимодействии с матерью и включает в себя чувство эмоционального комфорта, переживание результатов своей активности, которое служит источником будущих эмоций переживания успеха-неуспеха и формирования мотивации достижений. В дальнейшем функции матери в развитии ребенка состоят не только в этом — они включают в развитие когнитивной сферы и самой структуры деятельности.

Для характеристики функций матери в каждом периоде развития ребенка, до окончательного формирования базовой структуры эмоционального благополучия (до конца раннего возраста), целесообразно рассмотреть выделенные выше периоды развития (пренатальный, катальный и ранний неонатальный, новорожденность, младенчество, ранний возраст) по следующей схеме:

1. Сенсомоторное развитие и развитие нервной системы.
2. Развитие структуры деятельности.
3. Развитие переживания успеха-неуспеха (как мотивационного обеспечения целедейственного звена структуры деятельности).
4. Развитие чувства эмоционального комфорта.
5. Функции матери.

2.4. Развитие ребенка в раннем онтогенезе и функции матери

Пренатальное развитие. Первый триместр

1. Развитие чувствительности и нервной системы в этот период происходит необыкновенно интенсивно. Основные структуры головного мозга закладываются на 5-й неделе развития, морфофункциональные основы высших нервных функций — в 7 — 8 недель. С 6 до 8 недель происходит образование центральной и периферической нервной системы. Еще раньше — с конца третьей недели — начинает биться сердце эмбриона. Синтез гормонов начинается со второго месяца, когда закладываются и дифференцируются периферические органы эндокринной системы. Однако связей между периферическими и центральными отделами эндокринной системы еще нет.

Развитие органов чувств и появление чувствительности также отмечается очень рано. В 6 недель начинает функционировать вестибулярный аппарат, в 7,5 недели отмечается ответная реакция на прикосновение к коже в области губ, а в 8 недель появляется кожная чувствительность на всей поверхности тела, и эмбрион реагирует на прикосновение в любой части тела. Эта реакция представляет собой локальный ответ, без генерализации возбуждения. Общая генерализованная реакция на прикосновения в форме отстранения от источника раздражения возникает позже. В 9 недель появляются вкусовые почки на языке, заглатывание околоплодной жидкости и попадание ее в желудок. В этом же возрасте функционирует выделительная система, образуется и выделяется моча. В 10 недель появляется мышечная активность, наблюдается открывание рта, а в 10,5 недели — сгибание пальцев рук. В этом возрасте эмбрион активно передвигается в околоплодной жидкости, прикасается к стенке плодного пузыря, изменяет траекторию своего движения. В 11 — 12 недель уже есть хватательный рефлекс, а в 13 — сосательный. При прикосновении своего пальца к области рта развивающийся ребенок захватывает его ртом и сосет

Таким образом, этот период в развитии характеризуется возникновением чувствительности и способности переживать в субъективных состояниях внутреннюю и внешнюю стимуляцию. Регуляция притока стимуляции в мозг начинается практически еще до образования первых структур мозга: биение сердца плода начинается значительно раньше, с 21-го дня. Само возникновение первых структур центральной и периферической нервной системы осуществляется на фоне уже имеющейся ритмической стимуляции, которая может служить материалом для первого появляющегося в онтогенезе анализатора — вестибулярного. Наличие в 7,5 недели ответа на кожное раздражение является показателем именно кожной чувствительности. Наличие субъективных переживаний от сейсмостимулов, возбуждающих вестибулярный аппарат, до настоящего времени не стало специальным предметом научных исследований, по крайней мере в отношении их представленности в субъективном опыте ребенка. Однако известно, что сейсмическая чувствительность в форме сейсмотаксиса характерна для самых ранних уровней развития психики в филогенезе (простейшие, находящиеся на стадии элементарной сенсорной психики). Именно при исследованиях этой чувствительности выявлены элементарные формы привыкания и образования временных связей у ресничных инфузорий. Появление у ребенка явной чувствительности в 7,5 недели — это факт наличия, а не момента возникновения ощущения. Проблема возникновения субъективного переживания, которое является внутренним критерием психики, и ее связь с чувствительностью, как внешним выражением этого феномена, достаточно сложна и мало разработана относительно раннего онтогенеза ребенка. Однако для выделения материнских функций вполне достаточно, что вестибулярная, кожная, вкусовая и проприоцептивная чувствительность возникает у ребенка задолго до того, как окончательно формируется вся нейрогуморальная основа эмоциональной регуляции.

2-й, 3-й 4-й пункты на этом этапе нужно рассматривать взаимосвязано. Возникающие формы чувствительности образуют достаточно богатый, постоянно присутствующий и дискретный мир для субъективных переживаний. Видимо, нет никаких оснований для утверждения о разделении в субъективном опыте ребенка на этом уровне развития «внешнего и внутреннего населения», то есть разного по качеству переживания внутренней и внешней стимуляции и локализации внешней стимуляции вне собственного тела. Нет достаточных оснований и для утверждения о его способности регулировать за счет собственной активности уровень сенсорной стимуляции. Пока речь может идти только о наличии стимуляции, ее дискретном характере, причем как ритмичном, так и не подверженном закономерностям появления и исчезновения. Появление реакций отстранения от давления в области тела и, напротив, приближения, захвата ртом и осуществления сосательных движений на стимуляцию области рта позволяют предположить два альтернативных субъективных состояния, которые служат основой возникновения в дальнейшем двух первичных эмоциональных состояний — удовольствия и неудовольствия. Наличие подобных состояний, обеспечивающих таксисное поведение простейших животных для избегания отрицательной стимуляции и достижения и сохранения положительной в филогенезе, рассматривается как появление первичных состояний, аналогичных по функциям эмоциям удовольствия и неудовольствия. И в отношении простейших, не обладающих нервной системой, и в отношении первых месяцев эмбриогенеза говорить о субъективном характере этих состояний одинаково сложно. Таким образом, этот период развития можно охарактеризовать как появление стимуляции, необходимой для развития мозга и поддержания его в стеническом состоянии, и субъективного переживания этой стимуляции. Интенсивность этой стимуляции достаточно жестко ограничена условиями внутриутробного развития и особенностями физиологического развития плода. На развитие нервной системы в этот период оказывают влияние биохимические факторы, поступающие непосредственно в кровь ребенка из крови матери, то есть их наличие не переживается субъективно, а только изменяет процессы метаболизма и могут ощущаться только последствия их воздействия (изменение в функционировании физиологических систем, влияющее на общее состояние организма; может ли плод субъективно переживать эти состояния в данный период, определенно сказать невозможно). Поэтому вполне реально предположить, что качество субъективного переживания стимуляции, воспринимаемой сенсорными системами, которое никак не зависит от активности ребенка и поведения матери, не должно быть дискомфортно (так как поведение избегания по отношению к нему невозможно). Значит, именно это качество и интенсивность стимуляции, поскольку они необходимы и достаточны для развития мозга и поддержания его уровня возбуждения, «осваиваются» развивающейся нервной системой, как то качество и интенсивность субъективного состояния, которое в дальнейшем станет «маркером» состояния, которое надо иметь и поддерживать, то есть соматической основой стенической положительной эмоции. Как известно, ей соответствует средний уровень плотности нервной стимуляции. Повышение его уровня при увеличении уровня стимуляции за счет возникновения

дополнительной стимуляции от кожной чувствительности поверхности тела, возможно, ведет к превышению оптимального уровня и стремлению его уменьшить — отстранению от прикосновения. Эта реакция появляется вторично, после реакции, положительно направленной к раздражению — в области рта. Эволюционная необходимость развития положительной эмоциональной реакции на акт сосания и ее связь с пищевой доминантой обеспечиваются ранним развитием вкусовой чувствительности и проприоцептивной в области желудка (заглатывание околоплодной жидкости с 9 недель) на фоне уже имеющейся положительной реакции на тактильное прикосновение в области рта. Первые реакции от кожного прикосновения еще не носят характера избегания. Однако в естественных условиях внутриутробного развития эта стимуляция может возникать только от прикосновения околоплодной жидкости, которая постоянна и не подвержена еще воздействию от сокращений матки, а также от соприкосновения частей тела эмбриона. Эта стимуляция по интенсивности достаточно однородна и также не зависит от активности ребенка и матери. Поэтому она также может входить в разряд той, которая сонет субъективную основу соматического переживания оптимального состояния для развития мозга. Соприкосновение со стенкой околоплодного пузыря и изменение траектории движения отмечается с 10 недель. До этого при экспериментальном воздействии, которого не возникает в естественных условиях, эмбрион проявляет реакцию отстранения. Таким образом, можно предположить, что интенсивность стимуляции, по крайней мере в кожной чувствительности, обретает уровень, субъективное переживание при котором разделяется на положительное и отрицательное. Возможно, именно с этим связано появление чувствительности в области рта раньше, чем на остальной поверхности тела: ведь ее надо «переводить» в механизм сосательного рефлекса, а он однозначно должен обладать положительным эмоциональным переживанием. Вся остальная кожная чувствительность должна приобрести способность к дифференцированному различению интенсивности воздействия, на отрицательном полюсе которого слишком большая интенсивность (боль), а на положительном полюсе — малая интенсивность, соответствующая нежному прикосновению. Интенсивность стимуляции и ее роль в возникновении положительной и отрицательной окраски ощущения подробно проанализированы В. Вундтом и являются проблемой психологии восприятия и психологии эмоций. Эмоциональные переживания всех переходных состояний — длительная и полная загадка история развития кожной и проприоцептивной чувствительности до и после рождения. Таким образом, можно сказать, что в первом триместре появляется соматическая основа для переживания положительного эмоционального состояния, обеспечивающего оптимальный уровень возбуждения мозга, соответствующий в дальнейшем стеническим эмоциям, и появления основы для отрицательного эмоционального состояния, необходимого для регуляции оптимального уровня стимуляции (уменьшения слишком высокого градиента стимуляции). Увеличение стимуляция, если она слишком мала, пока еще невозможно, так как двигательная активность не подчиняется самостоятельной регуляции, а возбуждается от сейсмической стимуляции сердечных сокращений и перемещений плода в плодном пузыре. Уменьшение же ее становится возможным с 10 недель — изменение траектории движения и прекращение стимуляции от прикосновения. Можно сказать, что первыми признаками регуляции уровня стимуляции в положительном направлении за счет движений плода являются хватательный и сосательный рефлексы. Их наличие не может вызывать дискомфорта, так как само возникновение этих рефлексов продлевает стимуляцию (увеличивает суммарную интенсивность плотности нервной стимуляции). Другими словами, к концу третьего месяца можно констатировать не только разнообразные сенсорные переживания, но и эмоциональные, служащие основой развития эмоций, сопровождающих комфортное и дискомфортное состояние.

2. О структуре деятельности на этом этапе говорить очень трудно, так как проблематично само существование деятельности, поскольку деятельность в психологии рассматривается как организация активности субъекта для удовлетворения потребности и выделяется по критерию потребности, для удовлетворения которой она производится. В рассматриваемый период происходят только формирования состояний и механизмов, которые будут обеспечивать организацию такой активности и само переживание напряжения и удовлетворения потребности. Можно говорить только о возникновении субъективных переживаний, которые позднее встроится в потребности во впечатлениях и пищевую, а также об основах эмоциональных состояний, которые будут сопровождать напряжение и удовлетворение потребности. То есть формируются отдельные компоненты как состояний, так и физиологических механизмов, не выполняющих еще функций организации активности всего субъекта для изменения субъективного состояния. Однако появление к 10 неделям реакций, аналогичных таксисному поведению низших животных, позволяет по крайней мере допустить, что начинают связываться в единую триаду отрицательное состояние, положительное и существующий между ними

временной промежуток, заполненный проприоцептивной стимуляцией от собственного движения. Все это по феноменологии аналогично низшему уровню элементарной сенсорной психики. Однако нельзя забывать, что в филогенезе это устойчивая организация, обеспечивающая эффективное решение задач самостоятельной жизнедеятельности субъекта, а у ребенка это только этап в развитии совсем другой организации. Его задачи жизнедеятельности состоят в развитии и решаются за счет функционирования организма матери. Таким образом, по аналогии с выделенными в эволюции психики стадиями развития, можно назвать этот период развития структуры деятельности элементарным сенсорным. Особенностью субъективного переживания является переживание внешней и внутренней стимуляции как изменение своего субъективного состояния, ориентация на градиент интенсивности стимуляции для ее оценки как положительной, так и отрицательной. Изменение этого градиента собственного субъективного состояния переживается как то, что надо сохранить и продолжить, или то, что надо уменьшить или увеличить. Оптимум состояния соответствует оптимуму стимуляции. Этот оптимум и можно определить как состояние комфорта. Вся «деятельность» состоит в изменении активности, в результате которой достигается этот оптимум. Однако, если в филогенезе этот оптимум генетически определен в форме таксиса, то в онтогенезе он «осваивается» развивающимся мозгом на «материале» имеющейся внутриутробной стимульной среды. Эта среда фиксирована в отношении качественных и количественных параметров стимуляции и может быть оценена как эволюционно ожидаемая среда [Е.А. Сергиенко], причем совпадающая с границами жизни субъекта и поэтому абсолютно однозначно обеспечивающая развитие видотипичных особенностей нервной системы человека. Как известно, главной особенностью этого развития является формирование мозга в процессе и на материале поступающей стимуляции. Переживание определенного качества и интенсивности своего субъективного состояния и наделение его статусом «удовольствия» (пока в более общей форме состояния комфорта) и «неудовольствия» (состояние дискомфорта) формируется таким же путем. Таким образом, этот период развития аналогичен по субъективным переживаниям низшему уровню элементарной сенсорной психики, но различен в плане наличия деятельности как целостной единицы жизнедеятельности. В этом отношении его можно назвать «додеятельностным». Это в корне отличается по логике развития от филогенеза, где само субъективное переживание возникает одновременно с возникновением деятельности при изменении формы субъектно-объектного взаимодействия и служит для регуляции этой деятельности. У ребенка еще нет взаимодействия с несуществующим объектом, необходимым для удовлетворения потребностей и сохранения целостности субъекта. Однако необходимость притока стимуляции для развития мозга является началом образования потребности во впечатлениях, неадекватный уровень которой, во-первых, вызывает дискомфорт, а во-вторых, побуждает субъекта к активности для изменения этого уровня. На самом деле говорить о субъекте на этой стадии развития без дополнительных комментариев очень трудно. Не вдаваясь в ложную философскую и психологическую проблему определения субъекта, поясним, что субъект и организм — не тождественны. Субъект на ранней стадии развития, до появления образа себя, существует в форме и в момент субъективного переживания. На первых этапах развития вся стимуляция переживается как изменение своего состояния, и нет разницы, где источник этой стимуляции. Однако свойство этой стимуляции изменяться при двигательной активности субъекта делает возможным расценивать ее как внешнюю по отношению к самому субъекту, как общему субъективному переживанию своего существования, бытия. Поэтому уже на этой стадии развития можно говорить о существовании условий, которые субъекту необходимо поддерживать при помощи своей активности. Никакие другие нужды не подлежат регуляции со стороны активности ребенка: все необходимое поступает с кровью матери. А вот стимуляцию появляется возможность очень рано изменять за счет своей, пока еще произвольной, но все же активности. Именно поэтому потребность во впечатлениях является действительно первой настоящей потребностью, и активность ребенка, направленная на регуляцию этой стимуляции, может быть рассмотрена как элементарная форма деятельности, в которой есть потребностные состояния и их субъективное переживание как напряжение и удовлетворение этой потребности. Первая такая потребность может быть охарактеризована как потребность в поддержании оптимального стенического состояния мозга, которое само является физиологической основой потребности во впечатлениях. Придание состоянию удовлетворения этой потребности статуса эмоции удовольствия происходит еще в первый триместр беременности. В дальнейшем оно преобразуется в потребность в положительном (стеническом) эмоциональном состоянии, которое первоначально удовлетворяется за счет притока впечатлений, а затем в получении совершенно определенных стимулов, наилучшим образом это состояние обеспечивающих. Включение в этот процесс матери происходит позже. Таким образом, можно говорить о дифференциации потребности в обеспечении

оптимального уровня возбуждения в потребность во впечатлениях и потребность в комфортном эмоциональном состоянии, которые первоначально были двумя составляющими одной потребности. Состояние эмоционального комфорта становится ценным как таковое. Дальнейшее развитие на его основе эмоции удовольствия и ее переживание при удовлетворении любой потребности связаны с развитием нейрогуморальных механизмов эмоций. Соматическое состояние, соответствующее эмоциональному комфорту, также приобретает статус потребностного состояния, что ведет к образованию активности для его достижения и поддержания как самостоятельной деятельности. Таким образом, основа для дифференциации потребности во впечатлениях и потребности в эмоциональном комфорте закладывается уже в первом триместре в процессе дифференциации своих субъективных состояний и развития чувствительности.

5. В рассматриваемый период развития функции матери практически совпадают с функциями ее организма. Условия внутриутробного развития жестко фиксированы, изменения в функционировании материнского организма регулируются гормональными изменениями. Возникающие при эмоциональных состояниях изменения ее поведения и гормонального фона матери еще не воспринимаются плодом. Они оказывают обязательное воздействие на организм матери и опосредовано — на физиологическое состояние плода. Первые 4 — 6 недель ни физическое, ни эмоциональное самочувствие матери не изменится. Она не знает о своей беременности ни на уровне сознания, ни на уровне самочувствия. Именно в этот период происходит возникновение чувствительности у развивающегося ребенка. Дифференциация субъективного переживания стимуляции как положительной и отрицательной к 10 неделям возникает при тактильной стимуляции, которая никак не зависит от матери. В этот период у матери как раз возникают первые соматические переживания состояния беременности и изменения эмоционального состояния под воздействием гормональных перестроек. И то и другое весьма неблагоприятно переживается, причем не только человеком, но и высшими приматами. Адаптивное значение эмоционального и физического самочувствия состоит в ограничении контактов с внешней средой, защитой от попадания в организм матери вредных для ребенка веществ, возможно, в очищении организма от шлаков за счет вынужденной диеты и поста, ограничении социальных и половых контактов (что необходимо, так как сильно угнетен иммунитет), за счет общего понижения эмоционального состояния, раздражительности, сонливости и т.п. Такое достаточно интенсивное негативное состояние, однако, никак не может быть помехой развитию плода. В этом отношении эволюционные механизмы достигают оптимального баланса. Развивающийся плод не требует еще больших энергетических затрат от материнского организма, приток стимуляции для развития его мозга достаточен от наличия самой среды и развивающегося организма ребенка, нейрогуморальная основа эмоций еще не сформирована и не готова включать в свое функционирование гормональные изменения при эмоциональных переживаниях матери. Механические сокращения матки «не доходят» до маленького, свободно располагающегося в ней плодного пузыря. Другими словами, если мать переживает свое состояние просто как временное недомогание, то ребенка это практически «не касается». А поскольку это недомогание само регулирует отношения матери с внешним миром, то ее функции состоят в следовании этому своему состоянию

Многочисленные исследования состояния женщины во время беременности свидетельствуют, что выраженность соматических и эмоциональных переживаний в первом триместре сама по себе не влияет на успешность беременности. Однако эмоциональное отношение женщины к этим состояниям и их когнитивная интерпретация сильно зависят от такого фактора, как принятие беременности (желанность беременности). Если первое негативное отношение к факту беременности в течение первого триместра меняется, то в дальнейшем это не сказывается на развитии ребенка. Однако чаще всего оно связано с достаточно серьезными личностными и социальными причинами и оказывает сильное влияние на развитие материнского чувства в дальнейшем, когда переживания матери уже не безразличны для развития ребенка.

Другими причинами нарушения течения беременности являются сильные стрессы или устойчивое состояние тревоги у матери. Они отрицательно действуют на ее собственное физиологическое состояние и таким образом нарушают развитие плода за счет биохимических воздействий, наиболее опасных в этот период, или вызывают аборт вследствие сокращений матки при сильном стрессе. В природных условиях такое состояние матери может возникать вследствие существенного изменения физической и социальной среды, что является неблагоприятным условием для рождения и воспитания потомства. С эволюционной точки зрения подчинение матери своим состояниям и в этих случаях оказывается адаптивным. Осознание матерью факта беременности и его последствий возникает только на достаточно поздней стадии развития человечества, когда все

физиологические механизмы, обеспечивающие успешность неосознаваемой беременности, уже полностью стабилизированы. Во всех культурах факт беременности расценивается как положительный для общества. Поэтому и женщина должна его оценивать так же. Появление «нежеланной» для общества и женщины беременности также достаточно позднее, связанное с исчезновением матриархата явление. Поэтому все традиционные представления о поведении и переживании женщины в первый период беременности (да и в остальные) ориентированы на принятие беременности и оценке этого факта как положительного. Исключения («незаконная беременность») не должны нарушать регулируемую роль принятых в данной культуре правил поведения беременной женщины. Поэтому возможный прогноз своего состояния как угрожающего дальнейшему благополучию, а не просто переживание его как временного недомогания, что возможно только при наличии сознания, корректируется общим положительным смыслом этого состояния как состояния беременности. Таким образом, возможные последствия сознательной интерпретации своего состояния женщиной устраняются при помощи ориентации на образ будущего ребенка и связанные с материнством положительные эмоции. Со стороны ближайшего окружения обеспечиваются большая забота и внимание, снисходительность к состоянию и переживаниям будущей матери.

Можно сказать, что функции матери в первый из анализируемых периодов состоят в подчинении своему состоянию и не интерпретации его как угрожающего будущему благополучию. На досознательном уровне первое обеспечивается самой физиологией беременности, а второго просто нет. На сознательном уровне второе корректируется при помощи норм и правил поведения, направленных на устранение отрицательных последствий интерпретации своих состояний и осознания беременности.

Второй триместр

1. Основными особенностями развития нервной системы в этот период, интересующими нас для выделения материнских функций, являются две. Первая — это стратегическое изменение развития мозга по сравнению с остальными приматами. С 16 недель начинает формироваться специфически человеческая пространственная организация мозга. Поскольку с этого же времени отмечается моторная реакция на звук, то вся специфически человеческая звуковая среда (речевая) становится той внешней стимуляцией, которая участвует в развитии антиципационных механизмов, необходимых ребенку для жизни в человеческом обществе после рождения. К пяти месяцам мозг функционирует как целостная система, в 20 — 22 недели спонтанная электрическая активность мозга уже может быть зарегистрирована с помощью соответствующей аппаратуры.

Второй особенностью этого триместра являются формирование и функционирование нейрогуморальной системы. На четвертом месяце гипофиз осуществляет синтез гормонов, и гипоталамус контролирует функции гипофиза. К пяти месяцам включаются корковые структуры и замыкаются нейроэндокринные связи. Организм ребенка не только обеспечивает собственную гормональную регуляцию, но включается в эндокринную систему матери (при заболевании матери диабетом вырабатываемый эндокринной системой плода инсулин обеспечивает и ребенка, и мать). Таким образом, к пяти месяцам центры удовольствия-неудовольствия, находящиеся в гипоталамусе, включены в общую систему и получают стимуляцию как от соматического состояния самого ребенка, так и «напрямую» — от поступающих с кровью гормонов матери, образующихся при ее собственных эмоциональных состояниях. Известно, что плацентарный барьер не пропускает адреналин, зато пропускает эндорфины и катехоламины. Поэтому резкий выброс адреналина, характерный для стрессового состояния, действует главным образом на мышцы матки, вызывая их тонус. Это опосредованно воздействует на ребенка за счет изменения давления околоплодной жидкости и кровоснабжения, так как при сокращении тканей матки сужаются кровеносные сосуды и уменьшается поступление крови в пуповину. Гормональные изменения в крови матери при переживании тревоги или радости прямо воздействуют на гипоталамус ребенка. Пока еще нет достаточных экспериментальных данных о том, с какой интенсивностью переживает этот приток гормонов ребенок, хотя самому этому факту уделяется большое внимание в некоторых психоаналитических направлениях. Хорошо известно из акушерско-гинекологической и бытовой практики, что во второй половине беременности ребенок реагирует изменением двигательной активности на эмоциональное состояние матери. Современные исследования пренатального развития и психологии беременности подтверждают возможность переживания ребенком эмоционального состояния матери двумя рядами фактов. Во-первых, начиная с 22 недель отмечаются адекватные двигательные и эмоционально-выразительные реакции ребенка на положительные и отрицательные стимулы во вкусовой, тактильной, слуховой чувствительностях, а с 26 — 28 недель мимическое выражение фундаментальных эмоций (радость, удивление, страх, гнев — по данным внутриутробных кино- и фотосъемок и у преждевременно рожденных детей [К. Изард, А.С.

Батуев, А.И. Брусиловский и др.]). Во-вторых, на развитие нервной системы и особенностей эмоциональной сферы ребенка оказывает влияние эмоциональное состояние матери именно во втором и третьем триместрах, в первую очередь наличие стрессов, устойчивого состояния тревоги и депрессивных эпизодов [P.M. Shereshefsky, L. J. Yarrow и др.]. Все эти данные свидетельствуют о том, что нервная система и нейрогуморальные механизмы эмоциональной регуляции обеспечивают возможность эмоционального переживания ребенком своих состояний и состояний матери.

Все формы чувствительности развиты уже к 16 неделям. В 14 недель полностью развиты вкусовая, проприоцептивная, тактильная, вестибулярная системы. В 16 недель есть внутреннее ухо и отмечается моторная реакция на звук, ребенок слышит не только звуки, возникающие в организме матери, но и из внешней среды. Звуковая среда плода необыкновенно богата: сердцебиение матери и шум крови в сосудах (этот ритмичный, слегка шуршащий звук необыкновенно напоминает по ритму и звуковысотным характеристикам морской прибой), звуки перистальтики кишечника, преобразованный костной системой и водной внутриутробной средой голос матери. Во второй половине беременности ребенок находится в постоянной звуковой стимуляции, причем очень интенсивной. Уже в этом возрасте его слуховой анализатор выборочно реагирует на высокие и низкие звуки: чувствительность к низкочастотным звукам понижена, что защищает ребенка от гиперстимуляции внутриутробной среды. Чувствительность к высокочастотным звукам, которые соответствуют высотным характеристикам человеческой речи, напротив, повышена. Исследования, описанные А. Бертин, а также другие данные о реакциях ребенка во второй половине беременности на музыкальную и другую звуковую стимуляцию послужили основой для рекомендаций по организации «пренатального воспитания»: рекомендуется высокочастотная структурированная стимуляция (мелодичная песенная и классическая музыка). Возможно, такая избирательность создает predisposition для предпочтения ребенком звуковых характеристик женской речи.

Внутриутробно развивается и зрительный анализатор. В 16 недель отмечается движение глаз, в 17 — мигательный рефлекс, с 26 недель реакция на резкое освещение стенки живота матери (зажмуривание, отворачивание головы).

К середине внутриутробного периода хорошо развита двигательная активность. Сформированы некоторые рефлексы, сосательный рефлекс представлен уже в форме целостной сенсомоторной координации. В 18 недель ребенок перебирает руками пуповину, сжимает и разжимает пальцы рук, дотрагивается до лица, а чуть позже даже закрывает лицо руками при неприятных звуковых стимулах. Генерализованный ответ в форме реакции удаления или приближения на тактильное раздражение отмечается с 3 — 4 месяцев. Наблюдения за реакциями ребенка с помощью УЗИ, внутриутробной съемки, самоотчеты матерей свидетельствуют, что примерно с 20 недель ребенок не только реагирует на прикосновение рук матери (поглаживание, легкое похлопывание, прижимание ладони к животу), но и способен включать такое воздействие в свои двигательные реакции. После нескольких недель «обучения» ребенок отвечает на тактильную стимуляцию определенного типа (ритмическое похлопывание в определенной части живота) движением, непосредственно направленным в руку матери. С 24 — 26 недель возможно обучить его ответу на комплексный раздражитель: пропевание матерью музыкальной фразы и тактильное воздействие. Этот способ, введенный датским врачом Францем Вельдманом, получил название «метода гаптономии» и используется в практике «пренатального обучения» для налаживания взаимодействия матери с ребенком. Данные, полученные в пилотажном исследовании, проведенном с беременными женщинами-студентками в рамках дипломных работ под руководством автора, позволили установить, что с помощью такого контакта мать может не только вызвать ребенка на контакт, но и успокоить его (при резкой внешней стимуляции, под воздействием которой ребенок ведет себя беспокойно). Такие матери очень тонко различают характер двигательной активности ребенка и безошибочно определяют его эмоциональное состояние. В одном таком исследовании мама «научила» ребенка к 7 месяцам отвечать постукиванием в свою ладонь сначала на пропевание мелодии, сопровождаемой отбиванием рукой такта, а затем только на один из этих стимулов, который она использовала как для инициации контакта, так и для успокоения ребенка при необходимости. Хорошо известно, что беременные женщины активно используют поглаживание живота и «уговаривание» ребенка, если считают, что он ведет себя беспокойно. Обычно матери не анализируют специально характер двигательной активности ребенка и свое состояние при этом, но при экспериментальной постановке такой задачи достаточно четко описывают и характер шевеления ребенка, и свои переживания при этом (собственные данные автора).

Достижения последних десятилетий по выращиванию преждевременно родившихся детей начиная с 22 недель свидетельствуют, что с этого периода ребенок может успешно развиваться вне

организма матери, все формы чувствительности и эмоционального переживания стимуляции у него уже сформированы. Известно, что до возникновения специальных технологий выращивания недоношенных детей вне контакта с матерью родившиеся преждевременно жизнеспособные дети (а этот возраст начинался примерно с 7 месяцев) считались получившими «ранний биостарт» и становящимися впоследствии зачастую более способными, чем их вовремя родившиеся сверстники. Современные исследования недоношенных детей, напротив, свидетельствуют о значительных проблемах в их развитии. В последнее время это стали связывать с ранней сепарацией от матери, принятой в практике выращивания недоношенных. Это послужило основанием для введения обязательного контакта таких детей с матерью (или другим взрослым), что значительно повышает успешность их развития.

2. По развитию структуры деятельности можно охарактеризовать этот период как «сенсорный» (по аналогии с соответствующей стадией развития психики в филогенезе). Теперь по субъективному переживанию и организации двигательной активности они действительно подобны. Ребенок ориентируется на свои субъективные переживания и при помощи своей двигательной активности регулирует интенсивность поступающей стимуляции: заглатывает больше околоплодной жидкости или меньше в зависимости от ее вкуса (сладкая или горькая), отворачивается от источника неприятного звука с соответствующей гримасой неудовольствия, выражением страха или приближается и отвечает двигательной реакцией (прикосновение) на прикосновение матери и звук ее голоса, по-разному реагирует на интенсивность и стиль двигательной активности матери. Видимо, ребенок может вполне успешно регулировать общее количество стимуляции, необходимое для поддержания нервной системы в определенном состоянии возбуждения. Его двигательная активность повышается, если мать недостаточно активна (особенно в вечерние часы перед сном матери). Может ли ребенок в этот период, да и вообще до конца внутриутробного периода, переживать стимуляцию в каких-либо сенсорных системах не как свое состояние, а как вне его существующую, сказать невозможно. По крайней мере, в этом отношении речь может идти только о тактильной чувствительности. Скорее всего можно говорить о возникновении локализации ощущений на определенных участках тела, что вполне реально именно для вкусовой, кожной и проприоцептивной чувствительности. Но если вкусовая чувствительность в данном случае охватывает всю площадь периферического конца анализатора, то в кожной и проприоцептивной чувствительности возможна локализация раздражения по месту и занимаемой площади. Об этом свидетельствуют вполне адекватные двигательные реакции частей тела ребенка в ответ на раздражение: стимуляция «нелокализованная» (слуховая, сейсмическая, от эмоционального состояния матери) вызывает изменение общей двигательной активности, а стимуляция тактильная — вполне дифференцированный ответ, вплоть до точной ориентации движения (ответное прикосновение к руке матери, ощупывание пуповины, сосание пальца или кулачка). Продолжая аналогию с филогенезом, можно сравнить этот период развития с высшим уровнем сенсорной стадии, когда появляется дифференцированное ощущение от поверхности тела и локализованный двигательный ответ на это раздражение (например, у дождевого червя). Площадь раздраженного участка и комплексность тактильного анализатора дают возможность анализировать не одно качество раздражителя, а их совокупность (структуру поверхности, упругость, несколько позднее температуру и др.) Это также является отличительной чертой высшего уровня сенсорной стадии психики в филогенезе (ориентация на совокупность свойств среды).

3. В развитии эмоциональных переживаний комфорта и получаемых от собственной активности результатов происходит серьезное изменение. Способность ребенка за счет изменения своей двигательной активности регулировать уровень стимуляции позволяет предположить, что состояние эмоционального комфорта, соответствующее оптимальному уровню, стимуляции для поддержания уровня возбуждения нервной системы, переходит в статус потребности. Одновременно возникает «информационное обеспечение» объекта деятельности, удовлетворяющего эту потребность. Постоянное присутствие стимуляции от организма матери, воспринимаемое сенсорными системами и уже «освоенное» развивающимся мозгом как обеспечивающее необходимый уровень возбуждения, представлено теперь устойчивыми стимулами, знакомыми и постоянно присутствующими, которые и обеспечивают чувство эмоционального комфорта. К ним прибавляется стимуляция от собственной активности. Когда есть дополнительный к «фоновому» приток стимуляции, ребенок проявляет меньше активности, поддерживая некоторый ее уровень за счет определенного уровня своей активности. При недостатке этой «дополнительной» стимуляции от матери он повышает свою собственную активность. Видимо, очень рано в «фоновую» стимуляцию, помимо стимулов от матери, входит переживание от своих состояний (проприоцептивные, кожные, вкусовые и т.п.). Его изменение при двигательной активности ребенка также есть у него постоянно и образует основу потребности в двигательной

активности, эту стимуляцию доставляющую. Потребность в движении выделяется в качестве одной из базовых потребностей ребенка Л. И. Божович, К. Роджерсом, А. Маслоу и др.

Поскольку ребенок воспринимает эмоциональное состояние матери непосредственно и может образовывать некоторую связь между поведением матери и ее эмоциональным состоянием, реально предположить, что уже во втором триместре есть основа для объединения переживаний от изменения ее ритма движений, голоса, сердцебиения и т.п. и непосредственно гормонального фона, происходящих при ее эмоциональных переживаниях. Здесь речь должна идти не о процессах научения, а об образовании аффективно-когнитивных комплексов, составляющих психофизиологическую основу эмоциональной окраски ощущений. Такое предположение соответствует современным взглядам на системогенез мозга, а также теории сензитивных периодов и соответствии эволюционно ожидаемых условий развития адаптивным задачам этого развития [Е.А. Сергиенко]. По крайней мере, избирательность по отношению к стимуляции, обеспечивающей возникновение соответствующих эмоциональных состояний, подкрепленных как собственным переживанием комфорта, так и гормонами матери, вполне реальна и подтверждается благотворным влиянием на ребенка после рождения стимулов, «знакомых» по внутриутробной среде. Таким образом, можно говорить об обеспечении потребностей во впечатлении, эмоциональном комфорте и двигательной активности потребностными состояниями напряжения и удовлетворения и включения в них «среднего звена» — собственной активности ребенка, причем не просто как факт активности, а организованной и достигающей своей цели — изменения и поддержания своего состояния определенного качества. В этом отношении интересными являются данные по внутриутробному развитию близнецов [цит. по Е.А. Сергиенко и др.]. У них обнаружены внутриутробные тенденции к агрессии и аффектам, которые подтверждаются в постнатальном развитии. Один из близнецов может угнетать развитие другого, причем не только за счет более интенсивного роста, но и характером эмоционального взаимодействия с ним. Например, при взаимодействии членов тройни двое из них могут изолировать и игнорировать третьего. У близнецов отмечается ограничение двигательной активности, особенно во второй половине беременности, что рассматривается как сенсорная депривация (в проприоцептивной чувствительности), отрицательно влияющая на развитие нейронных структур мозга.

4. Возможность изменять свое субъективное состояние за счет двигательной активности и переживание при этом соответствующих эмоций могут рассматриваться как начало формирования психофизиологических механизмов будущих переживаний успеха-неуспеха достижения целей. Начало взаимодействия с матерью и переживание ее эмоциональных состояний, причем уже не аморфно, как фона, а определенно, в соответствии с изменением своей двигательной активности и получаемым от соприкосновения со стенками матки ощущениями, позволяет говорить об образовании аффективно-когнитивного обеспечения переживания результатов своей активности и включении в эту систему характерных изменений материнской стимуляции. Можно сказать, что на этом этапе развития переживание комфорта-дискомфорта закрепляется на переживании результатов своей активности и одновременно «принимает» на этот конец «аккомпанемент» от состояния матери. Это самое начало той структуры, которая станет переживанием поддержки извне (от среды, которая пока — организм матери, после рождения станет самой матерью, а еще позже — внешним миром вообще) своей активности, гармоничным собственным переживаниям своей результативности или дисгармоничным (неподдерживающим). Очень смело говорить на этом уровне о начале формирования содержания субъективного опыта, который станет основой качества привязанности, а тем более стиля мотивации достижений. Однако психофизиологические основы этого развития здесь могут быть обнаружены.

5. В этом периоде функции матери уже более конкретны. Они определяются не только переживанием своего физического состояния, но и реакциями на шевеление ребенка. Чувствительность ребенка к эмоциональному состоянию матери и ее общей активности прекрасно совпадает с самочувствием женщины во втором триместре. Он считается наиболее комфортным для нее как физически, так и эмоционально. Физическое состояние стабилизируется, самочувствие обычно хорошее, бодрое, неприятных ощущений нет. Эмоциональная сфера отличается наличием устойчивого фонового приподнятого настроения и повышением лабильности и импульсивности. Это позволяет быстро переходить от одного состояния в другое, главным образом — из отрицательного эмоционального состояния к устойчивому фоновому положительному. Если раньше предполагалось, что женщина в период беременности должна испытывать только положительные эмоции, то теперь считается, что положительным должно быть общее настроение, а кратковременные отрицательные эмоции необходимы для полноценного развития ребенка. Их интенсивность и продолжительность корректируется за счет указанных особенностей эмоционального состояния беременной. Ориентация на

состояние ребенка обеспечивает своевременное включение «подкрепляющей положительной стимуляции» при стрессовых переживаниях матери [А. Бертин]. Как видно из анализа развития ребенка, это соответствует логике его развития. Таким образом, функции матери состоят в том, чтобы радоваться жизни и происходящим в ее организме событиям (в первую очередь движениям ребенка), но не «выключаться» из внешней жизни. Однако эта внешняя действительность не предполагает серьезных событий, провоцирующих устойчивое состояние дискомфорта и тревоги. Последние могут возникнуть либо по причине самочувствия (что в этом триместре безосновательно), либо вследствие изменений условий жизни, в первую очередь социальных. Именно эти причины обнаруживаются при нарушении состояний самок высших приматов во втором триместре беременности. У человека же включается прогноз будущего, зависящий от отношения к беременности. Роль такого прогноза будущих событий в формировании устойчивого фона эмоционального состояния, в первую очередь отрицательного (тревоги), является отличительной чертой человека. Поэтому здесь особое значение имеет общее отношение к беременности, обобщенно определяемое как принятие или желанность. Именно в этих случаях состояние женщины во втором триместре беременности приближается к оптимальному. Особым моментом в этот период является возникновение шевеления ребенка и переживание женщиной этого шевеления. Устойчивые положительные ощущения от шевеления, с точки зрения материнских функций в развитии ребенка, безусловно должны расцениваться как эволюционно. Ожидаемые условия развития» [Е.А. Сергиенко]. Поэтому сам механизм возникновения этих ощущений и придания им положительно-эмоциональной окраски должен иметь специальное эволюционное обеспечение.

Третий триместр

1. Развитие нервной системы в последнем триместре характеризуется дифференциацией филогенетически новых зон коры, ростом ассоциативных систем мозга. Считается, что этот период сензитивен для образования индивидуальных особенностей нервной системы, психических особенностей ребенка и даже его способностей [И.А. Аршавский, Г.И. Поляков]. Данные F.J. De-Casper и других исследователей показали способность ребенка в последние месяцы внутриутробного развития формировать предпочтения к определенным видам звуковой стимуляции: голосу матери, биению ее сердца, характеристикам родного языка матери, более определенной стимуляцией: музыкальным и речевым фразам, целым мелодиям, стихам, сказкам. Исследования вкусовой чувствительности позволяют предположить, что избирательность к культурным особенностям пищевой сферы также возникает уже в этот период (А. Бертин).

2. Относительно структуры деятельности нет оснований предполагать какие – либо изменения по сравнению с предыдущим периодом, по крайней мере с точки зрения субъективного переживания потребностных состояний и возможностей организации своей активности для их изменения.

3. Функционирование развитого сенсорного аппарата и формирование ассоциативных систем мозга создают основу для образования устойчивого отношения к получаемой информации. На основании реакций ребенка после рождения на внутриутробные стимулы (успокоение при контакте с матерью до удовлетворения физиологических потребностей, избирательное отношение к материнским стимулам, а также внутриутробным шумам) можно заключить, что у ребенка в конце пренатального периода формируются устойчивый сенсорный образ мира и антиципация его изменений. Образование интегративной антиципационной системы в когнитивной сфере, обеспечивающей адаптацию ребенка к постнатальной среде, экспериментально обоснованное на примере развития зрения по Е.А. Сергиенко, также подтверждает это положение. Такой сенсорный образ мира уже разделяется на основе субъективного опыта ребенка на стимуляцию, зависящую от его собственной активности, и независимо от нее существующую и изменяющуюся. Независимо от активности ребенка существующая сенсорная среда, которая сама по себе являлась «материалом» для развития его мозга, так как существовала до и помимо самого организма ребенка и не изменялась, а именно «осваивалась» развивающимся мозгом, приобретает значение существования мира вообще. Логично, что потеря этой стимуляции не вписывается в имеющиеся уже антиципационные схемы и служит причиной состояния эмоционального дискомфорта после рождения. В естественных условиях немедленное возвращение стимуляции от матери компенсирует этот дискомфорт. Это служит условием формирования потребности в восстановлении эмоционального комфорта как восстановления этого сенсорного мира. В пренатальном периоде нет разрыва с этой средой, поэтому говорить только о формировании потребности в эмоциональном комфорте, обеспечиваемым именно этой стимуляцией, преждевременно. Но, как было сказано выше, условия для потребности в стеническом состоянии и обеспечении необходимого уровня стимуляции уже есть. Так как уровень стимуляции уже регулируется с помощью собственной активности ребенка, «фоновый сенсорный мир» может с субъективным переживанием уже разделяться с

той стимуляцией, которая зависит от своей активности. Это дашь преддислопозиция для постнатального выделения стимуляции от матери, обеспечивающей состояние эмоционального комфорта! Однако благотворное влияние контакта с матерью на развитие недоношенных детей и избирательность к материнской стимуляции новорожденных позволяют предположить, что «сенсорный мир материнских стимулов» является основой для формирования потребности в эмоциональном комфорте и оформляется как отделенный от стимуляции от собственного организма к концу внутриутробного периода. Этот мир вполне определен не только в отношении характеристик самих стимулов, но и в отношении их изменчивости, то есть предсказуем, ведь именно этот мир составляет основу формирования; антиципационных схем. Таким образом, в отношении потребности в эмоциональном комфорте речь может идти об образовании стимульной основы объекта, необходимого для ее удовлетворения.

4. Основы развития переживания успеха-неуспеха в этот период связаны с дальнейшим установлением взаимосвязи с матерью на основе ее реакции на шевеление ребенка. Оформившийся в субъективном опыте ребенка «сенсорный мир материнских стимулов», представляющий собой основу будущего «внешнего населения», приобретает свойство подкреплять или не подкреплять переживания ребенка от своей собственной активности и субъективных переживаний, возникающих в результате соприкосновения со стенками матки, а позже тактильными и слуховыми ощущениями (от прикосновений матери и интонаций ее голоса). Это является аффективно-когнитивной основой антиципации поддержки или неподдержки своих состояний со стороны той части субъективного мира, которая не зависит от самого ребенка и при разделении после рождения «внутреннего и внешнего населения» и образования рабочей модели мира «Я — Другой» [Э, Эрик-сон, Д. Винникотт] перейдет на полюс «другой». Таким образом в отношении развития переживания успеха-неуспеха появляется основа тех структур, которые будут впоследствии включены в функции социума в формировании самооценки и мотивации достижений,

5. Функции матери на этом этапе состоят в естественном продолжении ее функций на предыдущем этапе. Особенностью является необходимость стабильных реакций матери на шевеление ребенка и ее «аккомпанементе» внешней стимуляции. Как показывают исследования пренатального обучения, для образования устойчивой, ответной реакции ребенка требуется длительная (4 — 6 недель) и одинаковая стимуляция от матери.

К концу беременности состояние женщины изменяется. Наряду с возрастанием страхов родов общей тревожности наблюдаются явное сужение интересов, акцентация на переживаниях и содержаниях любой деятельности, связанных с ребенком [P.M. Shereshevsky, L.J. Yarrow, В.И. Бругман, М.С. Радионова и др.]. Общее понижение всей активности к концу беременности затрагивает и эмоциональную сферу. В последние недели отмечается как бы эмоциональное оупение. Это защищает мать и ребенка от излишних стрессов, опасных в этот период, и вообще от лишних переживаний. Интересно, что если у человека отмечается возрастание тревожности, причем основной причиной оказывается ожидание неблагоприятных событий в родах и после них, то у высших приматов — повышение раздражительности по отношению к внешней стимуляции, в первую очередь в сфере общения. Такое состояние обеспечено физиологическими особенностями последней стадии беременности: общее расслабление костной и мышечной системы, понижение сензитивности к внешней стимуляции, резкое увеличение стимуляции от состояния организма, общая физическая усталость. Интерпретация этого состояния как тревоги связана исключительно с прогнозом будущих родов и должна рассматриваться как «приобретение» сознательного уровня развития. Адаптивные механизмы состояния конца беременности у животных обеспечивают меньший контакт с внешней средой и сородичами, уменьшают риск гиперстимуляции, опасной для преждевременных сокращений матки, а также способствуют нарастанию отрицательного отношения к взаимодействию с членами группы, что необходимо для возникновения агрессии к ним после родов (для защиты детеныша). Повышение активности в рамках комфортной сферы, связанное у некоторых млекопитающих и птиц с обустройством гнезда, не характерно для высших приматов, не строящих убежище для выращивания потомства. Однако появление сходного периода в третьем триместре беременности у женщин является очень интересным феноменом. Возможно, это способ «перевода» присущей приматам и другим групповым млекопитающим повышения раздражительности по отношению к членам группы в более приемлемое русло, так как у человека существует наравне с этим противоположная тенденция усиления зависимости женщины от членов сообщества, предполагающая, напротив, интенсификацию общения. Это можно рассматривать как Вариант «смещенной активности». Содержательная наполненность этого периода у человека характеризуется направлением активности на подготовку к послеродовому периоду. Традиционное оформление этой активности женщины будет рассмотрено в следующей главе.

Таким образом, функции матери в этот период состоят в стабилизации ее положительного отношения к стимуляции от ребенка, ограничении внешней по отношению к интересам материнства жизни и опять же подчинении своим собственным состояниям.

Постнатальное развитие

Нательный и ранний неонатальный период

1. Рождение и первые дни жизни являются критическим периодом в развитии ребенка. В это время изменяются функции всех органов и систем организма ребенка и, конечно, его психическое состояние. Это связано с резким изменением среды. К моменту рождения зрелость функциональных систем нервной системы определяет адаптивные способности новорожденного в новых постнатальных условиях. Данные последних десятилетий о сенсорно-перцептивных способностях новорожденных свидетельствуют о том, что они способны к дифференцированному анализу информации в гораздо большей степени, чем предполагалось ранее. Исследования Т. Бауэра, F.J. De-Casper, Т. Field, D.N. Stern, S. Goldberg, А.С. Батуева и других показали, что в первые часы и даже минуты после рождения ребенок способен к зрительно-слуховому сосредоточению, зрительной фиксации, к предпочтению слуховых, вестибулярных, ольфакторных стимулов от матери, взаимодействию зрительной и моторной систем, предпочтению зрительно-слуховой синхронизации стимулов рассогласованной, предпочтению человеческого лица другой стимуляции в зрительной модальности. Необыкновенно интересными являются данные А. Meltzoff об имитации новорожденным мимического выражения взрослым тех эмоций, выражение которых уже зарегистрировано у него до рождения: радость, печаль, гнев, удивление. Данные о предпочтении новорожденными подвижного лица неподвижному и предпочтении голоса матери достаточно однозначны, а вот предпочтение лица матери проявляется не всегда. По данным А.С. Батуева, новорожденные без патологии в 80% случаев предпочитают незнакомое лицо лицу матери, и новорожденные с врожденной энцефалопатией не демонстрируют в этом отношении никаких предпочтений. Но все дети устойчиво предпочитают человеческое лицо лицу куклы и лицо куклы — погремушке. Данные о развитии детей с нарушением зрительного анализатора (слепых и с катарактой) свидетельствуют о том, что у них развитие эмоциональной сферы, сферы общения, возникновение сигнификативной функции мимического выражения эмоций значительно запаздывают по сравнению со зрячими. Дети, рожденные при помощи кесарева сечения, оказываются тем не менее в рамках «эволюционно-ожидаемых» условий относительно возможности в первые часы жизни иметь в поле зрения лицо человека. Данных о нарушении развития у них эмоционального взаимодействия со взрослыми нет. А вот относительно детей, рожденных при использовании в родах наркоза, известно, что это развитие у них несколько отстает.

В данных по зрительным предпочтениям у новорожденных, к сожалению, не указывается, был ли у ребенка контакт с матерью непосредственно после рождения. Практика родовспоможения в нашей стране до последнего времени предполагала возможность зрительной фиксации ребенком лица матери только на вторые сутки, а соответствующий контакт с другими людьми (медперсоналом) — сразу после рождения и неоднократно в течение первых полутора суток жизни. В зарубежной практике в последнее десятилетие принято непосредственно после рождения отдавать ребенка матери. Естественный процесс родов и физические особенности новорожденного, в частности неспособность к удержанию головы, врожденная глазодвигательная реакция и бинолингвальный рефлекс (сведение зрительных осей при откидывании головы) обеспечивают для ребенка достаточно жесткие условия зрительной стимуляции, которые смело можно назвать эволюционно-ожидаемыми (по Е.А. Сергиенко, сформулировавшей это понятие для объяснения психофизиологических механизмов сензитивных периодов в развитии антиципации). Эти условия выглядят следующим образом: после выхода ребенка из родовых путей мать берет его в руки так, чтобы видеть наиболее значимую часть его тела — лицо и иметь возможность его разглядывать и обрабатывать. Для этого оказывается необходимым располагать ребенка на согнутой в локте левой руке, опирая головку новорожденного на локоть (так как иначе она не держится и ребенок демонстрирует защитный рефлекс на потерю опоры и проявляет признаки дискомфорта, кроме того, так лучше можно разглядеть его лицо) и освобождая правую (рабочую) руку для манипуляции с ребенком (естественно, что для левшей наоборот). В этой ситуации ребенок имеет в поле зрения лицо матери, его способность к зрительной фиксации и имитации выражения ее лица привлекает внимание матери и обеспечивает соответствующую динамику этой стимуляции, которую новорожденный как раз и предпочитает, подвижность, синхронизированность с ее голосом, а также «аккомпанемент» от возвращения потерянной в процессе родов стимуляции «сенсорного мира матери» (запах, стук сердца, стиль и ритм ее движений). По данным М. Mahmud с соавторами, состояние наибольшей активности мозга новорожденного приходится на вторые полчаса жизни. К этому моменту мать успевает его

обработать и готова к взаимодействию. Состояние матери после родов, характеризующее по интенсивности эмоций как стрессовое, однако переживаемое как состояние эйфории, причем практически независимо от течения родов (разумеется, помимо серьезной патологии), высокий уровень возбуждения ребенка являются физиологической основой возникновения их эмоциональной связи, которой придается в психологии большое значение. Исследования влияния раннего контакта матери с ребенком на успешность развития ребенка и материнского чувства женщины [Klaus and Kennel, M.J. Sveda, R.N. Emde и др.] позволили, с одной стороны, выделить в качестве критического периода для образования тесной взаимосвязи матери с ребенком (bonding) первые 36 часов после рождения, а с другой стороны, показали зависимость этого процесса не только от времени контакта ребенка с матерью, но и от других условий первых дней его развития, в первую очередь предоставления качества патронажа, содержания последующего взаимодействия с матерью и общего отношения матери к беременности и родам. Как видно, этот процесс также оказался сложнее, чем представлялся на первых этапах его исследования.

Таким образом, описываемый период характеризуется весьма богатой и напряженной сенсорной жизнью ребенка и достаточно сложной дифференцированностью его субъективных переживаний.

2. Относительно развития структуры деятельности в период родов и первых дней после них вряд ли можно сказать что-то новое. Все данные о развитии сенсорно-перцептивной сферы ребенка и его взаимодействия с внешним миром, которые свидетельствуют об изменении структуры этих отношений, относятся к следующему периоду развития.

3. В состоянии эмоционального комфорта ребенка период родов и послеродовой всегда оценивался как критический. В психоанализе рождение и отрыв от матери считаются первой психической травмой независимо от того, интерпретируется внутриутробный период как «рай» (классический психоанализ) или как «ад» (утробная война в микропсихоанализе). По данным Д. Ворстер, от того, сколько времени проводит ребенок в контакте с матерью после родов и в первые дни, и от качества этого контакта зависит количество плача в первые два года жизни, качество привязанности, количество психологических проблем в более старшем возрасте. То, что успешность развития ребенка в послеродовой период связана с возобновлением контакта с матерью и постоянным наличием этого контакта, в настоящее время является научно обоснованным фактом. Не менее важно качество этого контакта однако его особенности лучше исследованы для следующего периода развития. Относительно родов и послеродового периода качество контакта с матерью обосновано в первую очередь открытием способности ребенка к имитации выражения лица взрослого. Все остальные данные свидетельствуют только о необходимости возвращения ребенку «сенсорного мира матери» и его постоянного присутствия. Для интерпретации этого феномена в плане развития чувства эмоционального комфорта надо представить себе сам процесс родов и состояние ребенка после родов.

В процессе родов ребенок впервые начинает терять связь со стимуляцией от «сенсорного мира матери», но не теряет ощущений от своего тела. Запись звуковой среды плода во время прохождения по родовым путям показала, что во время схваток и в родовых путях ребенок не слышит стука сердца матери, но слышит другие внутриутробные шумы [S. Benzaquen и др.]. Слышит он и голос матери. В исследовании Н.П. Коваленко выявлено, что голос матери в родах имеет довольно своеобразные характеристики. Практика обучения «родовому голосу» в беременности и его применение женщинами в родах значительно облегчает сам процесс родов и оптимизирует эмоциональное состояние матери. Влияние «уговаривания», поглаживания, вообще эмоционального расслабления матери между схватками, учитывая высокий уровень активности ребенка, обусловленный концентрацией адреналина и норадреналина в его крови в этот период, реально может восприниматься ребенком и компенсировать в процессе родов уменьшение стимуляции от «сенсорного мира матери». На влияние высокого уровня адреналина в поддержании активности нервной системы ребенка и роль этого состояния в обеспечении процесса образования связи с матерью после родов указывают А. Бертин, А.И. Брусиловский, М. Махмуд и др. Таким образом, можно предположить, что условия для первого серьезного разрыва с «сенсорным миром матери» (который в предыдущие периоды развития уже имел основания для выделения из общего сенсорного мира ребёнка), как стимуляцией, обеспечивающей состояние комфорта, возникают непосредственно после рождения. Совпадение этого разрыва с "состоянием дискомфорта, возникающим при накоплении углекислоты и необходимостью первого вдоха, способствует его фиксации в субъективном опыте как явно эмоционально-отрицательного. Степень зависимости развития ребенка и его общего состояния благополучия от присутствия материнских стимулов в течение всего раннего постнатального развития подтверждает это мнение.

Восстановление состояния эмоционального комфорта обеспечивается возвращением ребенку

этой стимуляции. Как уже ясно из пренатального развития, эта стимуляция — в вестибулярной, ольфакторной и слуховой модальностях. Широко известное свойство ребенка успокаиваться от покачивания является для него общим со всеми приматами. Самки обезьян активно используют покачивание для успокоения детенышей, причем, как свидетельствуют наблюдения автора, это не врожденное поведение. Оно осваивается в течение первых нескольких дней после рождения первого детеныша, а затем становится устойчивым паттерном поведения. Слуховая стимуляция от звука сердца матери и ее голоса восстанавливается за счет телесного контакта, так же как и ольфакторная. Прикладывание к груди стимулирует периферический конец хорошо освоенного сосательного рефлекса. По данным О.Л. Трояниной, новорожденный может в первые сутки сосать пустую грудь, и это вовсе не сказывается отрицательно на его развитии, кроме того, к моменту родов у матери уже выделяется молозиво, нескольких капель которого достаточно для «подтверждения» вкусовыми ощущениями удовлетворения потребности в сосании (а пока еще не в удовлетворении пищевой потребности, которая активизируется не сразу).

Можно выделить три категории стимулов «сенсорного мира матери», участвующие в процессе восстановления чувства эмоционального комфорта, которые по-разному изменяются постнатально.

1. Стимулы, которые остаются константными по своим качественным и количественным характеристикам:

—вестибулярные стимулы: ритм и стиль движений матери, хорошо освоенные самым первым из развивающихся в пренатальный период анализатором;

—вкусовые стимулы: вкус околоплодной жидкости сходен со вкусом молозива, а запах матери имеет общие с внутриутробной средой химические компоненты;

2, Стимулы, которые изменяются частично по количественному или качественному параметру:

—слуховые: голос и все остальные звуки материнской среды приобретают новые особенности, но по звуковысотному составу, ритму и другим характеристикам остаются теми же;

—тактильные: они не являются новыми для ребенка вообще, несущественно изменяются по своим качественным характеристикам, причем их объединение с температурными и ольфакторными стимулами, а также интенсивность стимуляции от соприкосновения с кожей матери, соответствующая плотности стимуляции, характерной для положительных эмоциональных состояний [К Изард], служат основой для образования связи с матерью посредством контакта «кожа-кожа» (Klaus and Kennel). Наличие у новорожденных щенков положительной реакции, стимулирующей поиск соска и открывание рта, на прикосновение участка кожи с плотностью шерсти 9 волосков на кв. см подтверждает такое предположение.

3. Принципиально новые стимулы в зрительной модальности. Включение зрительной стимуляции определенного качества и образование к ней избирательного отношения новорожденного могут быть объяснены на основе представлений об эволюционно-ожидаемых условиях развития и механизмах развития антиципации в онтогенезе [Е.А. Сергиенко]. Первичная интегративность когнитивной системы и ее последующая дифференциация обеспечивают пренатальное образование обобщенных антиципационных схем, регулирующих деятельность сенсорно-перцептивных процессов. Свойства континуальности и дискретности мира, а также закономерности количественного изменения стимуляции, поступающие на периферический конец любого анализатора, имеют общие основания для кодирования в импульсной активности нервной системы. Образующиеся на этой основе общие схемы анализа информации на ранних стадиях развития носят характер грубой, обобщенной обработки, общей для всех сенсорных систем. Зрительная система «получает общую схему» обработки информации как часть общей интегральной системы обработки любой информации, освоенной пренатально другими сенсорными системами. Эти схемы реализуются для анализа стимуляции в зрительной системе на первом этапе ее развития постнатально, который, по Е.А. Сергиенко, охватывает первые два месяца жизни. Именно эти особенности развития антиципации в раннем онтогенезе обеспечивают образование предпочтений лица человека и запечатления этой «встречи» как положительно-эмоционального события. Эволюционно-ожидаемыми условиями здесь являются: наличие лица взрослого в поле зрения; эмоциональное выражение радости на этом лице; сопровождение этой стимуляции «возвращением сенсорного мира матери». Таким образом, положительным подкреплением, способствующим эмоциональной фиксации [В.К. Виллюнас] ситуации как положительной, служит, во-первых, возврат стимуляции, уже имеющей статус «маркера» эмоционального комфорта, а во-вторых, возбуждения периферического конца эмоции удовольствия за счет имитационной реакции ребенка. Последнее обеспечено послеродовым состоянием матери (если роды прошли нормально) или другим человеком,

принимая на себя материнские функции. Нарушение именно этой части эволюционно-ожидаемых условий послеродового периода возможно только в том случае, если исполнители материнских функций (обработка новорожденного) абсолютно лишены положительных эмоций относительно факта его рождения. Практика современного родовспоможения, особенно в нашей стране, предоставляет широкую возможность интерпретации нарушений этих условий и их последствий. Однозначно положительное влияние восстановления контакта ребенка с матерью сразу после родов подтверждает это мнение.

4. Относительно развития переживания успеха-неуспеха в этот период трудно сказать что-либо определенное, хотя рассуждений на тему переживаний ребенком своей активности в родах и его восприятия отношения матери в последнее время встречается немало. Активность ребенка в родовом процессе обусловлена несколькими рефлексам, обеспечивающими продвижение по родовым путям. Поддержку матери можно интерпретировать только как обеспечение положительно-эмоциональной стимуляции при ее собственном расслаблении между схватками и инициацией взаимодействия с ребенком в этот период. По наблюдениям за животными между схватками у рожаящих самок не проявляется реакций тревоги или беспокойства (если условия родов благоприятные). Они часто полностью расслабляются и даже засыпают. Тревогу могут проявлять только первородящие самки. Однако опыт первых родов вообще считается для высших млекопитающих «тренировкой» и описан как наименее успешный по сравнению с последующими. У высших приматов первородящим самкам часто помогают их матери или другие более опытные родственницы: успокаивают, помогают в обработке детенышей, а часто и дальнейшем уходе (Т. Maple, S.H. Stenglanz, A. Nash и др.).

В послеродовом периоде активность ребенка состоит главным образом в удовлетворении сосательного рефлекса. Здесь мать действительно включается как необходимое звено, так как в условиях внеутробной среды ребенок теряет способность удовлетворять потребность в сосании так же просто, как раньше. Кроме того, пеленание явно не способствует такому поведению. Предоставление груди в этом случае является комплексным стимулом как для поддержания эмоционального комфорта, так и для обеспечения мотивационных основ включения этой стимуляции в «эмоциональный аккомпанемент» переживания результативности своей активности. Статус стимула для обретения эмоционального комфорта у нее с этого момента прочно закрепляется. А вот статус подкрепления успешности своей активности, видимо, возникнет в процессе освоения акта сосания как целостной поведенческой реакции. Хотя начало может быть обозначено именно в этот период.

5. Таким образом функции матери в родах и послеродовом периоде по сравнению с предыдущими значительно усложняются. Они состоят в предоставлении ребенку стимуляции, обеспечивающей возвращение «сенсорного мира матери», обеспечении эволюционно-ожидаемых условий для эмоционального запечатления ситуации восприятия лица взрослого, предоставлении груди для удовлетворения сосательного рефлекса и включения возникающих при этом ощущений в две структуры: потребность в чувстве эмоционального комфорта и переживание успеха-неуспеха. Все эти функции матери уже могут быть перераспределены между разными взрослыми. Качество их выполнения оказывает влияние на все дальнейшее развитие ребенка.

Период новорожденности.

Временные рамки этого периода несколько различны по разным параметрам (от 4 до 8 недель). В целях нашей задачи ограничим этот период серединой второго месяца (первыми проявлениями комплекса оживления около 6 недель). Эта граница определена и в отношении развития мозга и сенсорно-перцептивной системы.

Период новорожденности долгое время считался стадией «физиологического» функционирования ребенка, когда происходят созревание и стабилизация рефлекторной деятельности. В психологии этот период также определялся как реактивный, стадия упражнения рефлексов [Ж. Пиаже], нечувствительности ребенка к социальным воздействиям (ребенок в первые недели не замечает взрослого и не реагирует на него, содержанием его субъективного мира является переживание органических потребностей) [Л.И. Божович, М.И. Лисина, Е.О. Смирнова и др.] В экспериментальных исследованиях разных сторон развития ребенка переход ко второму месяцу оценивался как переход от реактивной стадии развития к активной. Граница этого перехода определялась от 4 до 8 недель в зависимости от задачи Исследования: интонационная структура плача переходит в активную фазу и приобретает коммуникативную функцию на рубеже второго месяца (24 — 33 дня [Н.Я. Кушнир]), во взаимоотношениях со взрослыми к концу первого месяца возникает сосредоточение и проявление положительных эмоций, хотя ребенок еще не дифференцирует качество выражаемой взрослым эмоции [М.И. Лисина, Н.Н. Авдеева, С.Ю. Мешерякова, Г.Х. Мазитова и др.], на втором месяце у ребенка

выражение положительных эмоций начинает преобладать над отрицательными [А.И. Сорокина]. Начало второго месяца характеризуется появлением вызванной (экзогенной) улыбки.

Описанный в 20-е годы Н.М. Щеловановым и подробно изученный в последующих исследованиях М.Ю. Кистяковской, М.И. Лисиной, С.Ю. Мещеряковой и другими комплекс оживления начинает проявляться с 6 недель и в форме полноценной комплексной реакции выражен в 2 месяца. Для отечественной психологии появление комплекса оживления и его использование ребенком как коммуникативного средства во взаимодействии со взрослым является критерием сформированности потребности в общении и начала нового этапа развития ребенка. Зависимость сроков появления и качественных особенностей комплекса оживления от условий развития (в первую очередь взаимодействия со взрослыми) и его связь с темпами и качеством всех сторон психического развития позволяют рассматривать его как надежный критерий границы этого периода развития.

В психологии период новорожденности всегда характеризовался как стадия, когда ребенок полностью погружен в свои органические переживания и не способен субъективно разделить стимуляцию внутреннюю и внешнюю. Это мнение в разных вариантах присутствует практически во всех теоретических подходах: Л.С. Выготский определял первый месяц как стадию аффекта и ощущения, Л.И. Божович как стадию сенсомоторных и органических потребностей, по А. Валлону, ребенок полностью погружен в свои эмоции и не способен воспринимать себя как отдельное существо. В психоаналитических подходах эта стадия развития определяется как стадия нормального аутизма. Ребенок погружен в свои переживания и не способен разделить «внешнее и внутреннее население» [Э. Эриксон]. D. Stern первые два месяца рассматривает как период появления у ребенка на базе сенсорной чувствительности переживания себя и своего тела, которое является основой формирования «телесного Я» (первой структуры Я – концепции). М. Mahler эту стадию развития (первые три недели) характеризует как основу зарождения ощущения идентичности, чувства собственного бытия. По Д. Винникотту, неразделение ребенком в субъективном переживании себя и окружающего мира (который в первую очередь представлен матерью и ее грудью) на этой стадии развития дает возможность ребенку формировать чувство omnipotency (всемогущества и подчиненности себе всего мира).

Такое устойчивое мнение о ребенке, как переживающем всю воспринимаемую стимуляцию нераздельно, а также выделение во всех теориях стадии перехода к раздельному существованию себя и внешнего мира, гениально выраженное Э. Эриксоном формулой «разделения в субъективном мире внутреннего и внешнего населения», не может быть случайно. Наибольший интерес представляет сам переход к переживанию себя как отдельности и внешнего мира как существующего вне этой своей отдельности. Это разделение в разных структурах субъективного опыта происходит в разные сроки. С физиологической точки зрения на втором месяце хорошо выражено образование условных рефлексов. По Ж. Пиаже, после первого месяца появляются первичные круговые реакции, отражающие соотношение ребенком впечатлений от своих движений и способа осуществления этих движений. В отечественных подходах при возникновении первой — ситуативно-личностной — формы общения (к концу второго месяца) ребенок выделяет взрослого как субъекта общения и адекватно строит свое поведение для взаимодействия с ним (обмена эмоциями) Ребенок со второго месяца использует интонирование плача для взаимодействия со взрослым [Н Я. Кушнир]. Но наиболее активно процесс разделения внешнего и внутреннего мира обсуждается в психоанализе и его направлениях, связанных с психологией младенца. По Д. Винникотту, в стадии omnipotency необходимо и закономерно возникает фрустрация ожиданий ребенка в отношении подчиненности ему закономерностей мира (по Э. Эриксону, с рождения ребенок находит, что наиболее желаемые вещи, в первую очередь материнская грудь и сосредоточенное внимание матери, от него ускользают). Представлениям Э. Эриксона об истоках проекции и интроекции, как защитных механизмах личности, в раннем процессе дифференциации между внутренним и внешним миром у Д. Винникотта соответствует содержание фазы «переходного объекта». При построении в субъективном мире «переходного объекта» у ребенка образуется структура, позволяющая ему переживать физическое отсутствие стимуляции от матери за счет интериоризации ее «положительных» и «отрицательных» качеств. Это довольно длительный период, охватывающий всю следующую стадию, которая получила название «симбиотического единства матери и ребенка» (до конца первого полугодия). Однако структуры, позволяющие вообще воспринимать стимуляцию как «не свою» и включать ее, пока еще в форме отдельных качеств, в конструкцию «промежуточного объекта», являются достижением рассматриваемой стадии.

Появление границы «внутреннего и внешнего населения» на основе переживания ощущений от тактильного контакта в кожной и проприоцептивной чувствительности интерпретируется Е. Виск как появление «вторичной кожи», позволяющей переводить физическую границу «Я» в границу

субъективного «Я». По D Stern, с двух месяцев начинается формирование рабочей модели мира «Я — Другой» на основе возникновения чувства «внутреннего себя». Этот процесс обусловлен интериоризацией качеств «Другого», которые на данной стадии развития состоят в отношении «Другого» к «Я». Соотношение хороших и плохих качеств этого «Другого» лежит в основе построения соответствующих содержаний «Я». Это созвучно процессу построения «промежуточного объекта», по Д. Винникотту, М. Klein, и является содержательной основой теоретического подхода «object relation». В отечественной психологии подобного мнения относительно генезиса «Я» как внутренней структуры личности придерживались Л.С. Выготский, М.М. Бахтин, Л.И. Божович и др. Представления о роли взрослого и его отношении к ребенку в формировании «внутреннего Другого» и на этой основе — «внутреннего Я» развиваются последователями М.И. Лисиной [Е.О. Смирнова, Н.Н. Авдеева и др.]. Все эти представления отражают процесс развития субъективного мира ребенка, дифференциации в нем внутренних структур, относящихся к «Я» (во всех аспектах себя как субъекта самосознания, действия, общения и т.п.) и к внешнему миру. Общим для всех подходов является мнение о первичной слитности переживания ребенком внутреннего и внешнего мира и его разделении в процессе взаимодействия со взрослым, выполняющим материнские функции. Промежуточным этапом является образование единой системы ребенка с внешним миром, который после рождения представлен матерью. Характеристики этой системы различны в зависимости от предмета исследования (развитие личности, самосознания, общения, сигнификативной функции). Эти особенности касаются следующей стадии развития. Основным достижением периода новорожденности является образование основы для разделения «внутреннего и внешнего населения», имеющего свои особенности относительно каждого из предметов исследования авторов. С точки зрения эволюционных представлений о стадиях развития психики все это имеет сходство с появлением при переходе от сенсорной к перцептивной стадиям развития психики как переживания внешней стимуляции, находящейся вне субъекта. Сложность дифференцирующихся структур субъективного опыта ребенка, включающего представление о себе, физическом и социальном мире, конечно, не позволяет отождествлять этот этап онтогенеза с соответствующим периодом филогенеза. Их сопоставление необходимо только для понимания процессов, происходящих во внутреннем мире ребенка. Поскольку относительно развития содержания отражения и структуры деятельности для филогенеза есть достаточно разработанный теоретический подход, то такое сопоставление представляется полезным. Особенности содержания отражения ребенка на рассматриваемых стадиях развития экспериментально и теоретически обоснованы в психологии восприятия (на примере развитая зрения по Е.А. Сергиенко). Они соответствуют особенностям развития мозга ребенка и могут быть соотнесены с развитием психики на сенсорной и перцептивной стадиях (А.Н. Леонтьев, К.Э Фабри).

Такое подробное вступление позволит теперь более конкретно охарактеризовать период новорожденности.

1. В развитии нервной системы отмечается стабилизация функциональных состояний мозга, созревание корковых структур, обеспечивавших активные контакты с внешней средой. На этой основе появляются зрительно-двигательное сосредоточение, фиксация взора, вызванная улыбка. Этот период охватывает 4 — 6 недель жизни [Г.М. Никитина]. Появляется взгляд в глаза взрослого и прослеживающие движения глаз. Анализ стимуляции в зрительной модальности позволяет производить общую, грубую оценку информации и обеспечен реализацией эволюционно-обусловленных программ поведения, общих интегративных антиципационных схем. Е.А. Сергиенко определяет этот период по характеру реакций ребенка на зрительную стимуляцию как «сенсорно-перцептивный» (от рождения до 6 — 8 недель), а следующий — от 2 до 4 месяцев — как переходный к перцептивному восприятию. Первый характеризуется явным переживанием зрительной стимуляции как внешней, что позволяет ребенку достаточно адекватно организовывать свою глазодвигательную активность. Но эта стимуляция обрабатывается пока только по основным параметрам, связанным с движением, ее появлением и исчезновением, интенсивностью. Это неспецифический уровень, когда все сенсорные системы работают по единым законам. Представленность внешнего мира носит, по мнению автора, континуальный, диффузный характер, однако это внешний мир. Именно эти характеристики соответствуют отражению на высшем уровне сенсорной стадии. Одновременность «разрозненности» (по отдельным качествам стимула) и диффузности переживания, но уже локализация стимуляции хотя бы в зрительной модальности вне субъекта послужили основанием для определения этой стадии когнитивного развития ребенка как сенсорно-перцептивной, что необыкновенно точно отражает содержание субъективного переживания ребенка. Несогласие ученых, занимающихся когнитивным развитием, с исследователями развития личности по вопросу о разделении ребенком «внутреннего и внешнего населения», основано,

видимо, на том, что речь идет о разных содержаниях субъективного опыта. Эти содержания могут быть сопоставлены с таковыми в филогенезе следующим образом развитие сенсорных процессов начинается с самого начала развития психики, выделение в субъективном опыте вне себя существующей среды появляется на высшем уровне сенсорной стадии и подготавливает переход к следующей, когда мир становится не просто вне субъекта существующей диффузной стимуляцией, а предметно оформленным. Восприятие других особей появляется только при возникновении группового образа жизни, а их оценка как живых субъектов, отличных от неживых объектов среды, — с возникновением общения у высших животных. Соответственно, механизмы, обеспечивающие более сложные структуры в субъективном опыте, являются эволюционно более новыми. Такие механизмы в онтогенезе закладываются раньше, но созревают позже древних [О.В. Богданов]. Проведенные аналогии с филогенезом не должны рассматриваться как возврат к биогенетическому закону и теории рекапитуляции. Их смысл в попытке понять субъективный мир ребенка, в который невозможно проникнуть непосредственно, а также увидеть связь между разными подходами к развитию психики ребенка, имеющими своим предметом разные аспекты этого развития.

2. Приведенные выше рассуждения позволяют охарактеризовать этот период развития психики ребенка как переходный между предыдущим (сенсорным) и последующим (перцептивным) по содержанию отражения. Структура деятельности аналогична таковой на сенсорной стадии, по А.Н. Леонтьеву, поскольку ребенок способен организовывать свою активность для изменения своих состояний и удовлетворения некоторых потребностей (в сосании, впечатлениях), но вся эта организация заключена в простых двигательных координациях. Решение перцептивных задач представляет собой только избирательность, но не организацию движений для выбора стратегий поведения, основанную на представлении о закономерностях внешнего мира. Другими словами, это напоминает таксисные реакции, когда субъект ориентируется на градиент стимуляции, что в зрительной модальности представлено ее плотностью и изменяемостью (движение, наличие контрастности и т.п.). Антиципация касается в основном характеристик движения. Таким образом, сама структура деятельности является целостной, не разделенной на операции, существующей в форме единой сенсомоторной координации, в результате которой переживается определенное впечатление, закрепляющееся как ее результат. Объединить такие акты в последовательность для решения единой задачи (пока еще только в плане восприятия) ребенок сможет лишь на следующей стадии развития. Это подтверждается «неактивностью» ребенка в удовлетворении всех потребностей (помимо потребности во впечатлениях), так как для них необходима достаточно сложная организация последовательности актов. Даже в акте сосания, который несомненно является наиболее организованной и сложной формой самостоятельного поведения, открывание рта возникает только в момент прикосновения к области губ. Предвосхищающее открывание рта в ответ на зрительную стимуляцию возникает гораздо позже при формировании акта хватания [Т. Бауэр]. Отдавая себе отчет в искусственности проведенных аналогий, все же обозначим этот период развития деятельности ребенка как аналогичный высшему уровню сенсорной стадии в филогенезе.

3. Развитие потребности в эмоциональном комфорте обусловлено переходом «сенсорного мира матери» в статус отделенной от стимуляции, соответствующей самоощущению (внутреннему миру) и приобретением матерью значения «объекта деятельности» для удовлетворения потребности в эмоциональном комфорте. По аналогии с представлениями Э. Эриксона, Д. Винникотта и их последователей можно представить, что в субъективном мире ребенка оформляется содержание, объединяющее стимуляцию от матери и ее свойство появляться и исчезать, и стимуляцию От своего тела, у которой есть свойство изменяться, но не исчезать. Соотнесение этих типов стимуляции на основе переживания напряжения и удовлетворения потребностных состояний еще не носит характера выделения матери в качестве отдельного субъекта, так как для этого нет даже перцептивных возможностей. Но свойство «сенсорного мира матери» возвращать и поддерживать эмоциональный комфорт на этой стадии развития, видимо, является уже его устойчивой характеристикой. К концу данного периода развития в этой стимуляции выделяются, определенные параметры, которые «закрепляются» как доставляющие положительные эмоции ребенку, безотносительно к переживаниям удовлетворения органических потребностей (прикосновение, укачивание, мимические и голосовые реакции матери). Ребенок дифференцирует пока только незрительные стимулы (зависимость его состояния от качества прикосновений и «держания» матери подчеркивает Д. Винникотт). В зрительной модальности качество эмоций взрослого он еще не различает, но факт их наличия для него уже имеет значение (отрицательная реакция на неподвижное лицо). Возникновение вызванной улыбки и комплекса оживления является свидетельством выделения в теперь уже «сенсорно-перцептивном мире

матери» определенных параметров, имеющих свойство удовлетворять потребность в эмоциональном комфорте. Как уже отмечалось выше, дискомфорт при отсутствии этой стимуляции ребенок не только явно переживает, но уже пытается компенсировать при помощи сформированных внутриутробно способов изменения оптимума стимуляции (интенсификация двигательной активности, поиск замены соска, затаивание). Безуспешность этих попыток также является основой для выделения материнских стимулов как принадлежащих общему комплексу «мира матери». Образование из этого мира «целостного объекта» и выделение в нем тех качеств, которые могут быть соотнесены с удовлетворением разных потребностей ребенка, завершается после образования предметного восприятия. Однако выделение стимулов, обеспечивающих эмоциональный комфорт, не связанный с органическими потребностями, происходит уже сейчас. Л.И. Божович относила это к развитию потребности во впечатлениях, Х. Харлоу — к потребности в эмоциональном комфорте, Д. Винникотт — к запечатлению чувства «холдинга», а Песталоцци определял это переживание, как «у матери хорошо». Обобщенно можно сказать, что в этот период развития чувство эмоционального комфорта на основе разрыва с обеспечивающей его стимуляцией приобретает статус потребности, а также возникает предмет этой потребности, который заключен в переживании положительно-эмоционального состояния; оформляется объект деятельности, в присутствии которого достигается это состояние (комплекс раздражителей, образующих «сенсорно-перцептивный мир матери»), а также выделяются составные части этой стимуляции, которые можно рассматривать как стимулы, сигнализирующие о способности объекта удовлетворять потребность (определенное качество стимулов от матери в тактильной, ольфакторной, слуховой и зрительной модальностях). Поскольку сам «сенсорно-перцептивный мир матери» еще не имеет оснований для оформления в качестве отдельного, самостоятельно существующего объекта, это еще не перцептивный уровень. Процесс такого его оформления, как было видно выше, по-разному оформляется относительно разных структур субъективного опыта ребенка.

4. Переживание успеха-неуспеха получает основание для перехода на конец двигательного акта ребенка (получаемый результат) и одновременно для закрепления на процессе субъективных переживаний, сопровождающих само движение. По Ф. Бюлеру, это возникновение «функционального удовольствия». Переживание удовольствия от двигательной активности лежит в основе потребности в движении и, возможно, имеет истоки в пренатальном развитии и связано с эмоциональным комфортом от оптимума стимуляции. Сейчас важно, что создаются условия для обоих типов переживаний и организации своей активности для их удержания и возобновления. Это отражено у Ж. Пиаже в конструкторе первичных круговых реакций, которые производятся ребенком для возобновления определенных впечатлений. Включение в эти процессы матери происходит за счет сопоставления получаемого удовольствия от контакта с ней и совпадения этого удовольствия с активностью, направленной на получение предвидимого удовольствия в удовлетворении потребности во впечатлениях, в пищевой сфере и удовлетворении сосательного рефлекса (акт сосания), а также в потребности в эмоциональном комфорте. Это подтверждается освоением ребенком к концу первого месяца сигнификативной функции плача, комплекса оживления, способностью переживать временное отсутствие матери без гнева и страха [Э. Эриксон]. Таким образом, активность ребенка получает подтверждение со стороны закономерностей появления стимуляции определенного качества от матери, синхронизирующейся с переживанием им самим положительных эмоций. Наличие в фазе омнипотенции определенного уровня фрустрации ожиданий ребенка позволяет ему дифференцировать качество этой стимуляции от той, которая служит «неподкрепляющей», рассогласующейся с переживаниями ребенка [Д. Винникотт]. Значение соответствия эмоционального отношения и поведения матери собственным положительно-эмоциональным переживаниям ребенка и ее способность устранять адекватно его отрицательные состояния подтверждаются исследованиями взаимодействия матери с ребенком в диадах с нарушенным отношением матери (шизоидные и депрессивные расстройства, институализация, другие нарушения). В этих случаях поведение матери характеризуется непредсказуемостью со стороны ребенка и несоответствием его состояниям (М.В. Колоскова, Г.В. Скобло, О.В. Баженова, О.Р. Ворошнина, К.В. Солоед и др.).

В этот период закладывается основа включения матери в переживание ребенком результатов своей активности. Забегая вперед, назовем эту ее функцию «эмоциональным санкционированием» переживания успеха-неуспеха активности ребенка.

5. Таким образом, функции матери состоят в традиционно приписываемой ей способности своевременно и качественно удовлетворять потребности ребенка, что предполагает дифференцированное отношение к его состояниям, предоставлять ему себя для поддержания его

состояния эмоционального комфорта, эмоционально участвовать в его субъективных переживаниях. Этим функциям матери в психологии придается очень большое значение. В качестве механизмов, обеспечивающих такое поведение матери, Д. Винникотт выделяет возникновение после рождения специфического состояния матери, полностью сконцентрированного на ребенке и позволяющего ей переживать его состояния и без участия сознания абсолютно точно на них реагировать. М. Кляйн очень подробно анализирует эмоциональное состояние ребенка и поведение матери, обеспечивающее «переработку» отрицательных эмоций ребенка. Такое ее поведение позволяет ребенку избежать разрушающего воздействия страха, возникающего от его беспомощности в переживании состояний напряжения потребностей. С точки зрения этой исследовательницы, многое зависит от осознания матерью своих отрицательных импульсов по отношению к ребенку и способности их сдержать за счет общего положительного отношения к нему.

Несмотря на большое разнообразие трактовок механизмов, обеспечивающих такое поведение матери и его нарушение, сами ее функции достаточно одинаково оцениваются во всех направлениях.

Первая половина младенчества

1. В развитии мозга в этом возрасте выделяется два периода: на 2-м и 3-м месяцах происходит формирование кортикальных механизмов сенсорного анализа стимулов и организации тормозных процессов. Это обеспечивает расширение возможностей образования условных связей и организации активности, направленной на внешний мир. В развитии перцептивной системы со 2-го по 4-й месяцы возникает дифференцированное отражение стимуляции. Появляется различная реакция на знакомые и незнакомые лица, большое значение приобретает признак новизны. Ребенок уже различает выражение эмоций на лице взрослого. Этот период Е.А. Сергиенко определяет как переходный к следующему, перцептивному уровню развития. На основе дифференцированного отражения становится возможным возникновение координированного акта хватания.

Следующий период в развитии мозга (5 — 8 месяцев) связан с включением в анализ информации лобных отделов коры. Становится возможным не только распознавание знакомых и незнакомых объектов в зрительной модальности, но и прогноз будущих событий. Появляется связь своей активности с изменениями во внешнем мире. По Ж. Пиаже, в этот период возникают вторичные круговые реакции (ребенок производит движение для получения определенного результата). В развитии восприятия возникает константность объекта. Мир становится существующим не только вне субъекта, но предметно оформленным и функционирующим по определенным законам. В восприятии появляются элементы произвольной регуляции, предвосхищающие действия, выбор оптимальных стратегий решения перцептивных задач, и вся картина приобретает вид настоящей перцептивной деятельности. Этот период (6 — 7 месяцев) Е.А. Сергиенко определяет как перцептивный.

2. На основании этих исследований и представлений о развитии сенсомоторной сферы ребенка можно сказать, что деятельность уже состоит из последовательности операций, объединенных направленностью на общий конечный результат. Способность строить оптимальную последовательность этих операций непосредственно в деятельности, наличие выбора стратегий решения перцептивных задач позволяет охарактеризовать структуру деятельности как аналогичную перцептивной стадии развития в филогенезе.

3. Хорошо развитое зрительное восприятие позволяет ребенку различать эмоциональное выражение лица взрослого. Однако его реакции в этом отношении, касающиеся включения этих эмоций взрослого в регуляцию взаимодействия с миром, зависят не только от развития зрения. Исследования развития общения у детей первого полугодия показали, что вполне сформированный акт хватания и реакции на объекты могут соотноситься с существенной задержкой эмоционального развития и развития общения. Больше того, дети, воспитывающиеся в домах ребенка, до 4 месяцев демонстрируют более продвинутое по сравнению с «домашними» детьми развитие в сенсомоторной сфере, но явные задержки в развитии общения, эмоциональной сферы, произвольности и инициативности поведения. Общее отставание детей, воспитывающихся в условиях материнской депривации, обнаруживается после 4,5 месяца, а последствия депривации в развитии личностных структур гораздо позже (на втором и третьем году жизни) [Г.В. Скобло, О.В. Баженова, К.В. Солоед и др.]. Эти данные позволяют предположить расхождение функций материнского первого полугодия младенчества в когнитивном развитии и развитии эмоционального благополучия. Исследования явлений госпитализма и депривационных эффектов в развитии детей этого возраста свидетельствуют о том, что обеспечение матерью эмоционального комфорта создает условия для дальнейшего психического развития. При нарушении этих условий в первую очередь страдают те структуры, которые связаны с мотивационным обеспечением отношений с миром.

Общим достижением формирования отношения к миру в первом полугодии считается такое содержание, которое описывается как «базовое доверие», «активное и доверительное отношение». Теоретические воззрения на эту структуру и ее онтогенез в общих чертах проанализированы выше. К концу первого полугодия мать становится «объектом привязанности», по отношению к которому возникает избирательное отношение и специфическое поведение, обеспечивающее ребенку выполнение этим объектом функций поддержки (поведение привязанности). Другими словами, ребенок включает взрослого в построение своих отношений с реально существующим и предметно оформленным миром.

4. Включение взрослого в отношения с предметным миром — это перевод его участия в жизни ребенка из обеспечения эмоционального комфорта в эмоциональное означивание отношений с объектами. В отечественной психологии детально показано, как ребенок переходит с этапа «совокупной» со взрослым деятельности, когда они совместно достигают одних и тех же результатов (обмен эмоциями для достижения и поддержания положительно-эмоционального состояния друг друга), к деятельности «совместно-раздельной», в которой части деятельности разделены между взрослым и ребенком, в результате взрослый принимает на себя постановку промежуточной цели и ее эмоциональное означивание, которые еще недоступны ребенку. Поскольку для ребенка на стадии ситуативно-личностного общения содержанием его потребностей во взаимодействии является получение от взрослого положительных эмоций, то у него готова мотивационная основа для включения этих эмоций взрослого в означивание результатов своих действий. На рубеже первого полугодия младенец начинает вычленять эмоциональную реакцию взрослого не только на себя вообще, но и на свое конкретное действие [Н.Н. Авдеева]. По теории привязанности этот возраст является окончанием симбиоза с матерью и началом сепарации, основанной на переживании себя как субъекта своих действий (во взаимодействии с предметами). Можно уже сказать, что полностью готова функция взрослого как «эмоционального санкционера» активности ребенка. Младенец активно ориентируется на эмоции взрослого сначала в непосредственно-эмоциональном взаимодействии, затем во взаимодействии с миром объектов. Начинается это включение с предпочтения объектов, с которыми действует взрослый, а заканчивается дифференцированной реакцией на отношение взрослого к событиям, предметам и другим людям. На следующей стадии (ситуативно-делового общения) эта функция взрослого перейдет в организацию практической деятельности ребенка в мире, но не утратит свое значение для эмоционального означивания смысла ситуации и успешности результатов активности ребенка.

5. Функции матери в первом полугодии младенчества состоят в ее поведении в процессе взаимодействия с ребенком: адекватной реакции на его эмоциональные проявления в эмоционально-личностном общении, эмоциональном включении во взаимодействие ребенка с объектами внешнего мира, поддержке и успокоении в новых ситуациях. Независимо от того, кто обеспечивает органические потребности ребенка, привязанность у него образуется к взрослому, обеспечивающему функции поддержки и эмоционального общения. Если такие функции выражены недостаточно, развитие идет по дефицитарному пути, возникают депривационные эффекты.

Второе полугодие младенчества

1. Во втором полугодии дальнейшее развитие мозга обеспечивает освоение речевых средств и развитие сенсомоторного интеллекта. В поведении появляется дифференциация средства и цели: цель может быть достигнута разными средствами. Возникают третичные круговые реакции, ребенок варьирует средства достижения цели. Появляется к концу первого года отнесение словесных обозначений к предметам (предметно-отнесенная речь).

2. Структура деятельности приобретает г форму, которой не наблюдается в филогенезе. Здесь начинается принципиальное расхождение с развитием антропоидов. Взрослый включается в «центральное звено» — выделение промежуточной цели и ее соотнесение с конечной. Структура деятельности с выделением действия и цели в плане представления является отличительной характеристикой структуры деятельности на интеллектуальной стадии развития психики. Однако в онтогенезе высших млекопитающих это происходит в ходе развития манипуляций и игровой деятельности, которая и является основным онтогенетическим механизмом образования целедейственного звена в структуре деятельности. Это — строго индивидуальный процесс. В онтогенезе ребенка внедрение взрослого в развитие структуры деятельности начинается до того, как выделение промежуточной цели действия возникнет в ходе развития сенсомоторной активности и игрового манипулирования (это происходит только на втором году жизни). А ситуативно-деловая форма общения подготавливается в конце первого полугодия и полностью сформирована во втором. Это и есть «совместно-раздельная», а точнее «совместно-разделенная деятельность», где разделены

между участниками именно части одной деятельности, и «главным» субъектом этой деятельности является ребенок, так как взрослый выполняет ту часть его деятельности, которую он не может осуществить сам. «Закрепив» за взрослым эту роль, ребенок получает все механизмы принятия от взрослого роли «эмоционального санкционера» своих действий и переживаний. А взрослый активно использует эту свою функцию для эмоционального означивания тех целей, которые еще вообще не представлены ребенку. Запрет и поощрение любой своей активности он не только дифференцированно воспринимает, но принимает для регуляции своего поведения. Больше того, именно в этом возрасте от качества выполнения взрослым функции эмоционального санкционирования зависит развитие стратегий поведения ребенка в его ориентации на поддержку и осуждение взрослого вообще [Н.Н. Авдеева].

Таким образом, здесь заканчиваются аналогии с филогенезом по структуре деятельности, несмотря на то что в отношении развития структур сенсомоторного интеллекта эти аналогии сохраняются до стадии конкретных операций (разумеется, в невербальных интеллектуальных структурах). Совместно разделенная деятельность и возникновение новой функции взрослого абсолютно необходимы для развития человека в условиях существования конкретно-культурных норм и правил поведения. Видимо, в эволюции необходимость соблюдения этих правил в сообществе приобрела у человека качественные отличия от подобной регуляции взаимоотношений в группе у высших млекопитающих. Доказательством этого служит то, что функции матери у антропоидов остаются на уровне обеспечения эмоционального комфорта за счет предоставления своей материнской стимуляции, а для ребенка человека этого недостаточно. Необходимо возникновение эмоционального общения как самостоятельной формы взаимодействия и участие взрослого в следующей форме общения — ситуативно-деловой. Это создает основу для двух особенностей: 1) включение взрослого в качестве эмоционального санкционера для формирования сложного комплекса потребностей, обеспечивающих принятие развивающимся субъектом тех целей и средств их достижения в удовлетворении своих потребностей, которые предлагаются обществом, а также формирование особенностей переживания успешности достижения этих целей (или неуспешности) соответствующей в своей культуре модели (как относиться к своим собственным переживаниям и результатам своей деятельности); 2) включение взрослого в освоение мира и средств отражения, поскольку ни первое, ни второе ребенок не может освоить сам, все это существует помимо него и вне его, и для освоения этого необходимо сформировать потребность в получении всего этого от других. Данное положение относится к мотивационным механизмам такого включения взрослого наряду с подражанием, развитием познавательной деятельности и научения.

3 и 4. Эмоциональный комфорт во втором полугодии включает в себя не только присутствие взрослого, но и его участие во взаимодействиях ребенка с миром. Таким образом, уже можно говорить об эмоциональном благополучии, объединяющем чувство эмоционального комфорта и переживание успеха-неуспеха. Поскольку и то и другое включает эмоциональное участие взрослого, то появляется основа для объединения этих составляющих. Это служит основой развития будущего чувства эмоционального благополучия в социальном мире, качество выполнения взрослым функций объекта привязанности как раз и отражает эту структуру. Качество привязанности обусловлено поведением взрослого, опосредующего отношения ребенка с миром. Влияние качества привязанности на все аспекты отношений субъекта с миром, как в социальной, так и в предметно-практической сфере, это подтверждает.

5. Функции матери во второй половине первого года жизни состоят в обеспечении образования привязанности и включенности в ситуативно-деловое общение. В начале второго полугодия отмечается только возникновение привязанности к матери, выделение ее как объекта привязанности. Необразование привязанности к взрослому служит причиной отклонений в психическом развитии, которые практически не зависят от культурных особенностей (эффект госпитализма и более мягкие депривационные нарушения). Качество же привязанности, формирующееся к концу первого года, носит индивидуальный характер и имеет культурные особенности. Это доказано классическими и современными кросскультурными исследованиями привязанности у детей и взрослых [М. Мид, К. Гроссман и др.]. Следующий этап развития наиболее различается по культурным особенностям выполнения материнских функций. Но появление разных вариантов качества привязанности, характерных для разных культур к концу первого года, свидетельствует о том, что это расхождение начинается уже во втором полугодии. Поэтому по характеру материнских функций приходится заключить, что их участие в жизни ребенка первого полугодия, заключающееся в развитии потребности в эмоциональном комфорте, ориентации на участие взрослого в эмоциональном санкционировании

активности ребенка и появлении видотипичных для человека онтогенетических особенностей структуры деятельности, является видотипичным. Дальнейшее развитие эмоционального благополучия, проявляющегося на первом году в особенностях привязанности, уже зависит от культурной модели, и функции матери становятся конкретно-культурными. Именно к концу первого года обнаруживаются существенные различия в перераспределении материнских функций в разных культурах, воспитательных стратегиях, сроках и способах отнятия от груди и т.п.

Второй и третий год жизни.

Этот период развития в отношении материнских функций можно рассматривать как целостный. Его особенностью является включение в отношения ребенка с миром ограничений со стороны взрослых. Этот момент в психоаналитических теориях оценивается как «насилие» мира взрослых по отношению к уже имеющимся у ребенка способам удовлетворения потребностей и служит основой развития личностных конфликтов и защитных механизмов. В отечественной психологии роль взрослого оценивается как положительная на основе его включенности в ситуативно-деловое общение с ребенком. Продолжается период совместно-разделенной деятельности. Ребенок вырастает из нее к трем годам, присваивая себе способность постановки цели и право выбирать способы ее достижения (кризис трех лет). Это происходит в процессе развития сенсомоторного интеллекта и игровой деятельности. Раннее включение речи в развитие интеллектуальных структур, как и в случае с включением взрослого в целедейственное звено структуры деятельности, качественно отличает этот процесс от развития структуры деятельности на предыдущем филогенетическом уровне.

Развитие эмоционального благополучия приобретает характер образования конкретно-культурного варианта этой структуры и ее индивидуальных особенностей. В течение второго года жизни поведение привязанности стабилизируется, приобретая к третьему году характер устойчивой личностной структуры. К концу третьего года возникает не менее устойчивая структура мотивации достижений [Х. Хекхаузен]. Как было видно выше, в совокупности они представляют собой индивидуальное содержание эмоционального благополучия ребенка как переживания себя в мире и своей активности во взаимодействии с ним. Исследования эмоционального благополучия у детей дошкольного возраста показывают, что к концу раннего возраста оно является стабильной структурой и коррелирует с типом материнского отношения. Развитие поведения детей в условиях материнской депривации также свидетельствует о том, что третий год является завершающим в развитии базового отношения ребенка к миру. Все это позволяет ограничиться в анализе материнских функций концом раннего возраста.

На втором и третьем годах жизни функции матери состоят в эмоциональной включенности в предметную и игровую деятельность ребенка, обеспечении поддержки в отношениях с миром, а также предоставлении самостоятельности ребенку. Совмещение обеспечения безопасности и предоставления самостоятельности обеспечивает успешное прохождение фазы сепарации (психоанализ), формирование адекватной культурной модели качества привязанности (теория привязанности), обеспечение успешного развития регулирующей функции эмоций (В.В. Лебединский), формирование адекватной самооценки (теории личности) и мотивации на успех (теория мотивации достижений).

2.5. Проблема развития материнских функций

Для целостного психологического исследования материнства необходимо определить, какие функции матери являются видотипичными, то есть обеспечивающими структуру деятельности и мотивационные основы развития ребенка как представителя своего вида, а какие направлены на формирование содержательных особенностей мотивационно-потребностной сферы ребенка как члена своей конкретной культуры. Проведенный анализ позволяет охарактеризовать обе категории материнских функций (разумеется, это далеко не окончательный вариант, а соответствующий данному этапу исследования).

К видотипичным функциям матери относятся следующие:

1. Обеспечение стимульной среды для пре- и постнатального развития когнитивных и эмоциональных процессов.
2. Обеспечение условий (в форме разделения деятельности с ребенком) для развития видотипичной структуры деятельности (с сознательной формой регуляции и разделенной с другими формой).
3. Обеспечение условий для возникновения прижизненно формирующихся видотипичных потребностей (развитие видотипичных особенностей мотивационно-потребностной сферы):

потребности в эмоциональном взаимодействии со взрослым, в получении положительных эмоций от взрослого, включения взрослого в чувственно-практическую деятельность, потребность в оценке взрослым своей активности и ее результатов (системообразующая потребность социально-комфортной сферы), познавательная потребность и др., а также формирование привязанности.

4. Обеспечение условий для освоения видотипичных средств отражения (искусственных знаковых средств) в форме формирования потребности в общении, как системообразующей для сферы общения.

5. Обеспечение условий для развития мотивационных механизмов (мотивационное обуславливание и мотивационное опосредствование, осознание мотива и цели).

Конкретно-культурные функции матери охарактеризовать сложнее. Все указанные выше видотипичные функции мал/осуществляет согласно имеющейся в ее культуре модели материнства, в которую входит не только операциональный состав и технология ухода и воспитания, но и модель переживаний матери, ее отношения к ребенку и своим функциям, а также способы эмоционального взаимодействия с ребенком. Этим достигается формирование у ребенка тех психических особенностей, которые соответствуют данной культуре. Сюда можно отнести:

1. Обеспечение матерью (и шире — родителями) предметной среды и условий чувственно-практической, игровой деятельности и общения, которые способствуют образованию культурных особенностей когнитивной сферы и моторики.

2. Обеспечение условий для формирования культурной модели привязанности.

3. Обеспечение условий для формирования культурных особенностей социально-комфортной сферы

4. Организация условий (предметной, игровой среды, общения) для формирования культурных особенностей стиля мотивации достижений.

5. Обеспечение условий для формирования у ребенка основных культурных моделей: ценностно-смысловых ориентации, семьи, материнства и детства и др.

Само образование способности матери выполнять свои функции в системе психического взаимодействия с ребенком обеспечено в каждой культуре целым набором средств, часть из которых является осознанной, а часть представлена в форме традиций, поверий, заложена в способах взаимодействия между взрослыми и детьми. Ценности, обеспечивающие соответствие материнского поведения имеющейся культурной модели, также имеют сложный путь развития в онтогенезе матери. Все эти содержания должны быть такими, чтобы обеспечить развитие ребенка как представителя не только своего вида, но и члена своей конкретной культуры. Таким образом в каждой культуре есть присущий ей «путь к модели» материнской потребностно-мотивационной сферы женщины, который обеспечивает необходимые качества матери (и шире — родителей) воспитания ребенка — как представителя своей культуры.

Итак, мы охарактеризовали видотипичные и конкретно-культурные функции матери. Они состоят, с одной стороны, в развитии базовых структур эмоционального благополучия и видотипичных особенностей структуры деятельности ребенка, а с другой — в формировании конкретно-культурного содержания отношения ребенка к миру, себе и оценке успешности своих действий. Сами эти действия как способы достижения промежуточных в удовлетворении потребностей субъекта целей также являются культурно-обусловленными. Способность человеческого субъекта ориентироваться на предлагаемую культурную модель этих целей и средств обеспечена его потребностью в эмоциональном санкционировании (одобрении и неодобрении) выбора самих целей и средств их достижения, а также успешности этого достижения. Переживание такого успеха-неуспеха связано с культурной моделью (как оценивать результаты своих действий и переживать эту оценку). Роль матери в развитии потребности ребенка в эмоциональном санкционировании «Другим» результатов его собственной активности мы подробно рассмотрели.

Такое сложное и абсолютно необходимое поведение матери, как в отношении ее видотипичных, так и конкретно-культурных функций, далеко не всегда осуществляется успешно. Свидетельством этого являются все формы нарушений эмоционального благополучия, появление депривационных нарушений в условиях семейного воспитания, разные качества привязанности и другие феномены. В дошкольном возрасте только треть детей характеризуются высоким уровнем эмоционального благополучия [В.И. Перегуда, Г.А. Свердлова и др.]. Особенности материнского поведения и влияющие на него факторы исследуются практически во всех направлениях психологии. Однако условия их образования у матери до сих пор недостаточно ясны. В следующей главе будут рассмотрены онтогенетические особенности формирования материнских функций и их представленность в субъективном мире самой матери.

Вопросы для обсуждения

1. Периодизация психического развития ребенка и материнские функции в разных направлениях психологии.
2. Материнские функции в пренатальном периоде развития ребенка
3. Материнские функции в натальном и неонатальном периодах.
4. Материнские функции в первом полугодии младенчества.
5. Материнские функции в раннем возрасте.
6. Понятие о видотипичных и конкретно-культурных функциях матери.

Глава 3

МАТЕРИНСТВО: СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ, ОНТОГЕНЕЗ

3.1. Материнство как потребностно-мотивационная сфера

Мать как субъект материнства

Функции матери в развитии ребенка достаточно сложны и многообразны. Они состоят в удовлетворении всех физиологических потребностей ребенка, обеспечении эмоционального благополучия, развитии привязанности, базовых структур отношения к миру, общения, основных личностных качеств и самой структуры деятельности. Далеко не все эти функции осознаются матерью. Даже науке многие из них стали известны только в последние десятилетия, и нет оснований считать, что их познание уже закончено. Однако мать успешно выполняет эти функции много тысячелетий. Культурой они также хорошо освоены и представлены в своде правил, норм, в обрядах, поверьях, обычаях. Некоторые из материнских функций, такие, как удовлетворение органических потребностей ребенка, формирование у него некоторых личностных качеств, в достаточной мере осознаются матерью и обществом. Другие существуют в общественном сознании и сознании матери в преобразованной форме, представления об их значении для ребенка в разной степени приближаются к биологическим и социокультурным задачам его развития. Так, поддержание эмоционального благополучия, развитие привязанности и ее культурных особенностей, развитие общения обеспечены принятыми в культуре и передающимися из поколения в поколение способами взаимодействия с ребенком, включающими установление режима кормления, способов пеленания, количеством и качеством тактильного контакта, способами и сроками отнятия от груди, формами перераспределения материнских функций, манерой жалеть, поощрять и наказывать ребенка. Все это вполне определенно интерпретируется в аспекте будущих качеств характера ребенка, его физических и личностных особенностей.

По данным Weisner и Gallimore, из 186 исследованных ими культур 40% используют «дополнительных» исполнителей материнских функций только на первом году жизни, 80% — на протяжении всего раннего возраста. В других исследованиях было выявлено, что в 46 культурах используют в качестве нянек старших детей обоих полов, в 101 — родственниц-женщин («теток»), а в 63 материнские функции на первом году сконцентрированы на матери. Это некоторые кочевые племена Африки и нуклеарные семьи в евро-американской культуре. Причем в традиционных культурах мать освобождается от многих других социальных и семейных функций, и чем больше она занята с ребенком, тем меньше ее участие в других сферах жизни семьи и общества. Наибольшая концентрация на матери всех функций (и материнских, и семейных, а часто и других, общественных) существует в условиях нуклеарной семьи евро-американского типа. Наиболее это выражено в Западной Европе и в США (причем только для населения западно-европейского происхождения) [S.H. Stengard and A.Nash, K. McCartney and D. Phillips и др.]. Относительно перераспределения материнских функций выделено 16 форм, которые используются в России, и только 3 формы, которые используются в 92% немецких семей [Т. Майншперт]. В каждой отдельной культуре участие отца во взаимодействии с ребенком на первом году жизни разное, но в среднем составляет 2%. Таким образом, воспитание ребенка в младенчестве — дело сугубо женское. Правила именно ее поведения и представлены в культурных моделях материнства.

Что касается функций матери относительно развития базового отношения к миру и структуры деятельности ребенка, то они до сих пор рассматривались, как регулируемые «инстинктивными» механизмами. Свойство матери эмоционально переживать стимуляцию от ребенка и выражать свои эмоции во взаимодействии с ним, стремиться участвовать в его эмоциональной жизни и взаимодействиях с миром рассматривается многими как ее природная особенность. Такой точки зрения

придерживается Д. Винникотт, описывая состояние матери после родов как особое, позволяющее ей непосредственно переживать состояния ребенка. Вмешательство «советников», объясняющих матери, что и как она должна делать, только мешает реализации этих ее свойств, ориентируя мать не на свое чувство, а на сознательный анализ своего поведения. Д. Магагна говорит, что «хорошая мать» позволяет своим эмоциям полностью завладеть собой и по этим эмоциям определяет, что необходимо ребенку. В.К. Вилюнас считает, что свойство матери эмоционально насыщено взаимодействовать с ребенком настолько ей присуще, что для нее трудно, а часто невозможно эти эмоции сдерживать. Однако, несмотря на это, явления эмоциональной депривации в условиях семейного воспитания не только присутствуют, но нередко достаточно сильно выражены. По данным Г.В. Скобло и О.Ю. Дубовик, более чем в 50% семей наблюдаются нарушения материнско-детских взаимоотношений. Все исследования родительского, и в частности материнского, отношения эмоционального благополучия ребенка, говорят о том, что эмоциональное отношение матери, формы его проявления, способы оказания поддержки и т.п. сильно различаются у разных матерей. Все это заставляет предположить, что даже самые «главные» и наиболее тесно связанные с развитием видотипичных особенностей ребенка функции матери, регулируемые ее эмоциональным отношением к нему, не являются полностью обеспеченными врожденными механизмами.

Таким образом, сама мать не осознает во всех тонкостях своих задач в развитии ребенка. Как показало открытие в первой четверти нашего века явления госпитализма, этого не осознает и все общество. Следует отметить, что механизмы регуляции материнского поведения возникли задолго не только до появления науки, но и вообще развитого общественного сознания. Ребенок вырос представителем своего вида со всеми характерными особенностями отношений с миром и структуры деятельности во все исторические периоды развития. Невозможно провести ту границу, когда «включилось» хотя бы частичное осознание важности проявления матерью своих эмоций во взаимодействии с ребенком. Но переживала и выражала она их всегда, причем еще вообще до появления человека как самостоятельного вида. Представить себе, что эволюция «рассчитывала» на появление осознания обществом материнских функций, — явное преувеличение. Поэтому, как и во всех остальных сферах жизнедеятельности, мать снабжена своими собственными потребностями, переживаниями, целями и т.п., «заставляющими» ее делать то, что в конечном счете необходимо не ей, а ребенку. Нарушение в этих потребностях и переживаниях нарушает и ее поведение по отношению к ребенку.

Для того чтобы разобраться, как и почему мать, как субъект своих потребностей и переживаний, приобретает и реализует свои материнские функции, необходимо обратиться к истории их возникновения в филогенезе и в структуре индивидуального опыта субъекта.

Функциональные сферы поведения и понятие «конкретная потребностно-мотивационная сфера»

В биологии для структурирования поведения индивида относительно обеспечения основных задач жизнедеятельности используется функциональный подход [Х. Хайнд, Т. Тинберген и др.]. Выделяются функциональные сферы поведения. Они представляют собой совокупность всех форм активности, которые направлены на реализацию определенной функции обеспечения условия существования, питания, размножения. Любое поведение обусловлено существованием потребности, для удовлетворения которой оно осуществляется. В основе функциональных сфер лежит одна или набор потребностей, удовлетворяя которые субъект обеспечивает соответствующую функцию в жизнедеятельности. Сам он, разумеется, об этих функциях не знает, а «знает» лишь свои потребностные состояния и то, что ведет к их удовлетворению. Для анализа материнских функций такой подход представляется весьма полезным.

Принятые в психологии классификации потребностей позволяют выделить три основные группы, соответствующие трем основным функциональным сферам поведения.

— потребности, удовлетворение которых обеспечивает достижение и поддержание оптимальных условий существования: нахождение в подходящей для жизнедеятельности физической среде, избегание неблагоприятных условий, поддержание состояния тела нужного качества, выделение из организма продуктов жизнедеятельности, в филогенезе эти формы поведения и соответственно потребности интенсивно развиваются, появляются способы конструирования убежищ, поддержания состояния поверхности кожи и шерстного покрова, территориальное поведение; у человека обеспечение условий существования имеет весьма сложную структуру,

— потребности, удовлетворение которых поддерживает гомеостаз за счет поступления необходимых веществ из внешней среды (пищевая в широком смысле, включая потребность в пище и

воде);

— потребности, удовлетворение которых обеспечивает продолжение рода (половая потребность и потребность в заботе о потомстве).

Первая сфера получила название комфортной, вторая — пищевой, а третья — репродуктивной. Каждая сфера поведения с психологической точки зрения обеспечена на субъективном уровне набором «родственных» потребностей, объектов и условия, их удовлетворяющих, способов достижения этих условия и овладения содержащими предмет данной потребности объектами. Механизмы, позволяющие субъекту правильно выбирать объекты и условия для удовлетворения потребностей и строить деятельность адекватно этим условиям и особенностям объектов, являются общими для всех сфер поведения и в эволюции развиваются от достаточно простых к многообразным и сложным. На определенных уровнях развития появляются научение, общение с сородичами, игровая деятельность, подражание, усвоение искусственных знаковых средств и опыта поколений (у человека).

На высших стадиях развития, а тем более у человека, становится все труднее определить, какую именно функцию выполняет та или иная форма поведения. Человеческое поведение уже нельзя так просто разделить на комфортную, пищевую и репродуктивную сферы. В филогенезе для обеспечения основных функций жизнедеятельности образуются «дополнительные», или вторичные, потребности, которые могут впоследствии развиваться в самостоятельные сферы поведения (так, у человека выделяются потребности социальной сферы, эстетические, познавательные и т.п.). Механизмы развития потребностно-мотивационной сферы субъекта (возникновение новых объектов деятельности и способов удовлетворения уже имеющихся потребностей и развитие новых потребностей как в фило-, так и в онтогенезе) изучаются многими отраслями психологии.

В психологии под мотивационно-потребностной сферой личности понимается совокупность потребностей, их иерархическая организация и мотивационное обеспечение взаимоотношений субъекта с миром, регулирующее удовлетворение этих потребностей в условиях конкретной социально-культурной среды. Для анализа фило- и онтогенеза поведения субъекта, обеспечивающего реализацию конкретной функции в его жизнедеятельности, необходимо представить себе эволюционные задачи этой формы поведения и механизмы представленности в субъективной сфере конкретной личности. Это требует объединения обеих точек зрения — как эволюционно-биологической, так и психологической. Поэтому необходимо объединить в таком анализе назначение потребностей относительно их роли в жизнедеятельности субъекта, место этих потребностей в общей структуре потребностно-мотивационной сферы личности, онтогенетическое возникновение как самих этих потребностей, так и их информационного (какие объекты, условия и формы активности субъекта необходимы для их удовлетворения) и мотивационного обеспечения. Учитывая прижизненное возникновение у человека новых потребностей и целых сфер поведения, целесообразно разделить (разумеется, только в плане научного анализа, касающегося изучения определенных функций, в данном случае — материнских) всю потребностно-мотивационную сферу на отдельные единицы, по критерию потребностей, удовлетворение которых обеспечивает выполнение конкретной функции в жизнедеятельности. Такая единица должна в системном виде отражать закономерность развития и функционирования всей потребностно-мотивационной сферы, с одной стороны, и структуру взаимоотношения субъекта с миром, в процессе которого происходит удовлетворение потребностей, — с другой. Иными словами, и потребностно-мотивационный аспект, и поведенческий. Структура такой единицы анализа предполагает наличие взаимосвязанных элементов и развитие как внутренних связей между ними, так и связей с другими единицами одного и разных с ней уровней (внутри- и межсистемные связи). Эти требования к единице анализа сформулированы в эволюционно-системном подходе [И В Блаумберг, Э Г Юдин, Л.И. Анциферова, Б.Ф. Ломов, В.Б. Швырков и др.].

С этих позиций определим такую единицу анализа, как конкретную потребностно-мотивационную сферу, которая выделяется по критерию лежащих в ее основе родственных потребностей, удовлетворение которых обеспечивает реализацию определенной функции в жизнедеятельности субъекта. Генетически ранними можно считать комфортную, пищевую и репродуктивную сферы. Составной частью последней и является материнская потребностно-мотивационная сфера. Прежде чем перейти к ее характеристике, необходимо рассмотреть структуру самой единицы анализа — конкретной потребностно-мотивационной сферы.

Структура конкретной потребностно-мотивационной сферы

Организация деятельности субъекта по удовлетворению потребностей включает в себя переживание напряжения потребности, антиципацию состояния удовлетворения потребности, представленность в субъективном опыте информации об окружающей среде (какие объекты и условия

необходимы для удовлетворения потребности), своих действиях и их результатах, а также операциональный состав. Все эти процессы и элементы можно объединить в три основные группы, образующие 3 блока структуры конкретной потребностно-мотивационной сферы

К первому блоку относятся содержания субъективного опыта и процессы, обеспечивающие выбор субъектом необходимых для осуществления деятельности элементов среды, своих способов деятельности и их стиля осуществления:

—объекты или условия среды, необходимые для удовлетворения потребности (объекты деятельности, в которых заключен предмет потребности);

—выделение в объектах деятельности качеств, которые характеризуют этот объект как наиболее пригодный для удовлетворения потребности и образование в субъективном опыте обобщенного представления об объектах и условиях, удовлетворяющих данную потребность (предмет деятельности);

—придание смыслового значения объектам и условиям, которые сами не удовлетворяют потребность, но необходимы для достижения объекта деятельности (объекты цели), что происходит по механизму эмоционального обусловливания: объекту цели придается мотивационное значение за счет его ситуативной или причинной (на высших уровнях развития) связи с объектом деятельности [В.К. Вилюнас];

—придание мотивационного значения тем операциям и их сочетаниям, которые успешны для достижения объектов деятельности и цели в конкретных условиях деятельности;

—придание операциям определенной энергетической характеристики, определяющей интенсивность и настойчивость их применения в конкретной ситуации.

Образование всех этих элементов и придание им мотивационного значения происходит за счет процессов эмоционального переключения, взаимодействия ведущих и ситуативных эмоций как в построении деятельности по удовлетворению потребности непосредственно в ситуации, так и развитии ее в онтогенезе [В.К, Вилюнас и др.]. Этот блок можно назвать потребностно-эмоциональным, так как в нем объединены содержания субъективного опыта о своих потребностях и способах их удовлетворения — выборе компонентов и условий среды и своих операций, что основано на их связи с потребностью субъекта, представленной ему самому в форме эмоций.

Операции, посредством которых осуществляется деятельность, на высших стадиях развития психики существуют в репертуаре субъекта в «свободном» виде и выстраиваются в последовательность непосредственно в ситуации в зависимости от конкретных условий деятельности [А.Н. Леонтьев]. Операциональный состав конкретной потребностно-мотивационной сферы представляет собой набор операций и их последовательностей, необходимых для удовлетворения потребностей данной сферы (специфические операции). Помимо принадлежащих данной сфере операций, существуют такие, которые используются во всех сферах (неспецифические операции), а также такие, которые преимущественно применяются для удовлетворения потребностей данной сферы, но могут использоваться в несколько измененном виде и в других случаях. К первым можно отнести операции жевания и проглатывания в пищевой сфере, почесывания в комфортной и т.п. В большинстве своем это операции, относящиеся к консуматорным актам (завершающим этапам в деятельности по удовлетворению потребности). Ко вторым — операциональный состав перцептивной сферы, многие формы манипуляций и локомоций. Эти операции характерны для подготовительных фаз деятельности, они зависят от условий, в которых осуществляется деятельность. К третьим относятся некоторые выразительные позы и движения в сфере общения, в игровой деятельности, формы компенсаторного поведения (сосание, аутостимуляция, стереотипные движения) и т.п., происхождение которых связано с другими сферами. Развитие операционального состава определяется не только особенностями субъекта и его физического окружения, но и традициями в сообществе. Эта особенность появляется уже у высших животных, а у человека является весьма существенной. Этот блок можно назвать операциональным.

Наиболее сложным по определению и генезису является блок структуры потребностно-мотивационной сферы, объединяющий содержания субъективного опыта, регулирующего выбор целей и способов их достижения и соотнесение их с конкретными требованиями среды (как физической, так и социальной). В психологии личности в данном случае речь идет о ценностно-смысловых ориентациях и их соотнесенности с социально-культурными ценностями общества. Этот блок можно назвать ценностно-смысловым. Содержание аналогичного по функции блока в потребностно-мотивационной сфере на дочеловеческих уровнях развития требует пояснения.

Цель — это такое изменение наличной ситуации, которое необходимо для осуществления деятельности. Объект цели — те компоненты ситуации (объекты, их сочетания, условия, в которых

находятся они и сам субъект), которые должны быть изменены. Таким образом, объекты цели есть в наличии (в самой ситуации или в представлении субъекта на высших стадиях развития), а сама цель только должна быть достигнута и представляет собой измененную ситуацию по отношению к имеющейся. Как надо изменять ситуацию и какие для этого применять средства, зависит как от самого субъекта, так и от условий осуществления деятельности. Соотношение условий среды и возможностей субъекта всегда индивидуально. Поэтому у любого субъекта существует свой индивидуальный «набор целей» и способов их достижения. Выбор наиболее пригодных целей и способов их достижения определяется всем предыдущим опытом субъекта. У человека этот процесс изучается в психологии мотивации достижений (какие по трудности цели выбирает субъект и с какой интенсивностью и настойчивостью их достигает) и в психологии личности (какие цели и средства выбирает субъект и как соотносит с предлагаемыми обществом).

В онтогенезе развитие способов постановки целей, выбор самих целей и средств их достижения проходит длительный путь развития. У человека в этот процесс с самых ранних этапов включается общество. У животных в этой роли выступает сама среда. При возникновении группового образа жизни эта среда усложняется, в нее включаются другие субъекты. Субъект уже вынужден выбирать из имеющихся в его репертуаре целей (как предвидимых на основе своего опыта возможностей изменения ситуации — на интеллектуальной стадии развития) И средств их достижения те, которые пригодны для данного случая в присутствии других особей. Например, в иерархически организованных сообществах обезьян подчиненные особи в присутствии старших по рангу не приближаются к пище, а по отношению к особям более низкого ранга, напротив, имеют в этом отношении преимущество. При изменениях в структуре группы они сразу изменяют свое поведение. Самки в таких сообществах в присутствии вожака при конфликтах друг с другом ведут себя весьма сдержанно и быстро прекращают драку при одном его взгляде или жесте. В его отсутствии, напротив, ведут себя агрессивно.

Таким образом, регламентация выбора целей и средств их достижения в условиях сообщества начинается уже у высших животных. Она регулируется существующими в группе правилами поведения, которые осваиваются детенышами в онтогенезе. Можно сказать, что уже на этом уровне субъект с рождения попадает в среду, где уже существуют предлагаемые ему правила постановки целей и выбора средств их достижения. В человеческом обществе существует целая система правил и норм, касающихся буквально всех сторон жизнедеятельности. Помимо самих целей и средств их достижения, существуют представления о том, как субъект должен переживать соответствие или несоответствие своего поведения культурным нормам. Иерархия целей и даже самих потребностей тоже регламентируется культурной моделью и получила название ценностей. В каждой культуре существует своя модель этих ценностей и того, какую индивидуальную структуру ценностно-смысловых ориентации должен иметь субъект. Все это в той или иной степени обусловлено условиями и задачами развития общества. Ребенок об этих условиях ничего не знает, а система воспитания устроена так, что способствует более или менее успешному формированию у него ценностно-смысловых ориентации, соответствующих данной культурной модели. Способы освоения ребенком этих содержаний рассматриваются в разных психологических подходах по-разному — от «насилия» общества над естественным процессом развития у ребенка способов удовлетворения его потребностей (в психоанализе и его вариантах) до развивающей функции взрослого, во взаимодействии с которым ребенок творчески выстраивает содержание своих ценностно-смысловых ориентации (Отечественная психология личности).

Для анализа потребностно-мотивационной сферы поведения и ее развития важно отметить, что развитие ценностно-смыслового блока, во-первых, происходит прижизненно, а во-вторых, на «материале» конкретно-культурной модели. В отношении конкретных потребностно-мотивационных сфер в каждой культуре есть также своя модель, какой эта сфера должна быть. Это касается даже таких сфер, как пищевая и комфортная. Наиболее сложные модели и способы их «производства» у конкретной личности (система воспитания, обучения, обычаи, законодательные системы и т.п.) существуют для тех сфер, которые связаны со взаимоотношениями между людьми и обеспечением основных целей общества. Одной из них, конечно, является репродуктивная сфера. В первой главе уже анализировались конкретно-культурные модели материнства, включающие не только способы ухода за ребенком и его воспитания, но и отношение матери к нему. Последнее имеет самое непосредственное отношение к развитию базовых личностных структур, то есть к формированию личности как «варианта» данной конкретно-культурной модели.

Рассмотренные содержания всех трех блоков конкретной потребностно-мотивационной сферы не являются изолированными ни внутри одной сферы, ни в отношении разных сфер. Их развитие

представляет собой взаимосвязанный процесс. Наиболее «свободным» и взаимосвязанным с развитием других сфер является ценностно-смысловой блок. На самом деле следует представить себе существование единого ценностно-смыслового блока в потребностно-мотивационной сфере личности, проекция которого в каждую конкретную сферу образует содержание ценностно-смыслового блока последней.

Для выделения материнской потребностно-мотивационной сферы и анализа ее содержания и развития всех ее блоков необходимо рассмотреть ее возникновение в эволюции и особенности у человека.

Материнство как конкретная потребностно-мотивационная сфера

Материнская сфера является вариантом более общей родительской сферы, которая сама входит в состав репродуктивной сферы (вместе с половой). Половая и родительская потребностно-мотивационные сферы объединяются в общую — репродуктивную сферу — по характеру лежащих в их основе потребностей (как потребностей субъекта) и по функции, которая обеспечена деятельностью субъекта по удовлетворению этих потребностей.

Все потребности субъекта могут быть разделены на два класса по критерию их роли в обеспечении индивидуальной жизнедеятельности. Это потребности, удовлетворение которых обеспечивает существование индивида, и потребности, которые обеспечивают существование вида. Первые индивид не может не удовлетворять, так как от этого зависит его существование как живого и самостоятельного субъекта. Вторые не обеспечивают сохранения субъекта, но обеспечивают продолжение рода. Первую группу потребностей называют органическими, потребностями жизнеобеспечения и т.п. И.П. Павлов разделял потребности на индивидуальные (сохранение особи) и видовые (сохранение вида). В.К. Вилюнас говорит об индивидуальных и видовых потребностях, различающихся по конечному назначению нужд, лежащих в их основе. На основании таких представлений можно определить первую группу потребностей как витальную (жизненно необходимую) для индивидуального субъекта, а вторую — как витальную для вида (как субъекта другого уровня — видового).

По функциям потребности репродуктивной сферы обеспечивают «удовлетворение потребности вида» в его существовании. Сама характеристика этих потребностей и соотношение тех, которые представлены в половой и родительской сферах, в психологии представлены по-разному. Часто встречается объединение потребностей репродуктивной сферы как «потребности в размножении», У. Мак Дауголл говорит о потребности в продолжении рода, В.К. Вилюнас — о потребности в воспроизводстве, Г.А. Мюррей — о потребности в размножении, П. Янг выделяет потребность сексуальную, К. Мадсен — половую и в уходе за детьми, И.П. Павлов — половую и родительскую. На самом деле во всех этих случаях речь идет о разных потребностях и уровнях их развития, обеспечивающих не только функции продолжения рода, но и удовлетворение потребностей личностного уровня (например, потребность продолжить себя, реализовать свои несбывшиеся ожидания и планы, соответствовать культурной или индивидуальной модели личности и т.п.). Последнее, понятно, возможно только при осознании субъектом связи половой и родительской сфер и их роли в продолжении рода. Подразумевать такой уровень представленности на досознательных стадиях развития и даже на ранних стадиях развития человечества нет оснований. Но сами потребности, обеспечивающие продолжение рода (половая и потребность в заботе о потомстве — родительская), существуют безотносительно к степени осознанности субъектом их связи с «потребностями вида». Потребность вида как «субъекта эволюционного процесса» обеспечивается классом потребностей на уровне индивидуального субъекта, удовлетворение которых не влияет прямо на сохранение жизни последнего. Сами эти потребности обеспечены на индивидуальном уровне потребностными состояниями и переживанием удовлетворения этих потребностей, ради которых субъект и действует, совершенно не «задумываясь» об их значении для вида. Это — его собственные потребности. С этой точки зрения связь половой потребности с родительской (содержанием которой для индивидуального субъекта является забота о потомстве) может существовать у самого субъекта только на основе сознания, позволяющего связать половой акт с фактом рождения ребенка. Связь же потребностей половой и родительской сфер с продолжением рода требует еще более высокого уровня развития сознания. Осознание этой связи ведет к выделению в общественном и индивидуальном сознании условий, при которых рождение ребенка действительно способствует успешному продолжению рода. Лучше всего это иллюстрируется представлением о незаконнорожденности и существовании разных форм пресечения этого явления в различных культурах. Не требуется дополнительных аргументов в пользу того, что представления о рождении ребенка, соответствующем задаче продолжения рода,

значительно различаются в разных культурах и в разные исторические эпохи.

По характеру потребностей половая и родительская сферы также различны. В основе половой сферы лежит вполне определенная и обеспеченная физиологическими механизмами потребность в переживании определенных соматических состояний (оргазма). Развитие на основе этого состояния сложной по переживаниям и обеспечению способами удовлетворения половой потребности у человека углубленно изучается как в психологии, так и в смежных науках, на стыке которых уже оформилась самостоятельная дисциплина — сексология. Потребности, лежащие в основе родительской сферы, гораздо сложнее, они представлены целым набором иерархически организованных потребностей, назначением которых является обеспечение индивидом родительских функций по отношению к потомству. Поскольку для появления потомства нужны как минимум женская и мужская особь, а для успешного выращивания и воспитания часто и гораздо больше, то речь должна идти о родительской сфере в целом. Как уже указывалось, содержанием этих потребностей для индивида является забота о потомстве, которая по-разному представлена на разных уровнях эволюционного развития. Несвязанность в субъективном опыте половой потребности и потребности в заботе о потомстве на досознательных уровнях развития и разная форма этой связи в разных культурах, а также индивидуальные варианты такой связи внутри одной культуры позволяют говорить об их относительной самостоятельности и определять как половую и родительскую потребностно-мотивационные сферы. Содержание и развитие последней и является предметом изучения в данном случае.

Для характеристики потребностей, удовлетворение которых обеспечивает заботу о потомстве и более конкретно — выделенные выше функции матери (то есть появление самостоятельного женского варианта родительской сферы — материнской потребностно-мотивационной сферы), необходимо кратко остановиться на возникновении и развитии в эволюции самой заботы о потомстве и его особенностях у человека.

Филогенез заботы о потомстве

Материнская потребностно-мотивационная сфера является составной частью репродуктивной сферы. Для ее характеристики приведем краткий анализ филогенеза онтогенеза и заботы о потомстве.

Термин «детство» применяется в основном для онтогенеза человека (где он также не является однозначным) и не встречается в текстах по биологии и зоопсихологии, в которых принятыми для обозначения ранних онтогенетических периодов считаются термины «ранний постнатальный период», «ювенильный», а для некоторых видов существуют специальные названия (например, сеголетки и переярки для волков и т.п.). Сходными с названиями, употребляемыми для человеческого онтогенеза, являются названия периодов развития у приматов, в основном у антропоидов (младенческий, подростковый и т.п.). В данном случае нет необходимости сопоставлять используемую терминологию. Речь идет о преобразовании логики того периода онтогенетического развития, который предшествует самостоятельной жизни особи. У животных в отличие от человека эта граница совпадает с половым созреванием. Особь, готовая физиологически к выполнению репродуктивной функции, самостоятельно может удовлетворять все свои индивидуальные потребности, а для видов, осуществляющих заботу о потомстве, — и потребности детенышей

В психологии человека и в быденном языке детством называют период онтогенеза, который отличается качественно не только по месту индивида в семье и обществе но главным образом по особенностям психического развития. С этой точки зрения и есть смысл проанализировать филогенез онтогенеза и заботы о потомстве так как именно этот аспект и является основным для характеристики материнских функций. Для наглядности проведенного сопоставления филогенеза онтогенеза и филогенеза заботы о потомстве представим их соотношение в виде таблицы:

Филогенез онтогенеза и заботы о потомстве

Забота о потомстве	Онтогенез	Стадия развития психики
1. Родители находят условия среды необходимые для развития яйцеклеток и потомства, не вступая в контакт с потомством.	1. Субъект самостоятелен с рождения, структура деятельности, мотивационно-потребностная сфера и мотивационные механизмы взрослого типа.	Сенсорная. Перцептивная

<p>2. Родительские особи осуществляют специальную деятельность по подготовке и поддержанию условий для развития яйцеклеток и потомства без взаимодействия с потомством как самостоятельными особями.</p>	<p>2. Структура деятельности мотивационно-потребностная сфера и мотивационные механизмы взрослого типа, освоение видотипичного опыта самостоятельное, в организованных родительскими особями условиях.</p>	<p>Перцептивная.</p>
<p>3. Родители осуществляют свои функции в процессе взаимодействия с детенышами как самостоятельными особями (коммуникативный процесс). Поведение родителей зависит от поведения детенышей. Родители частично участвуют в удовлетворении потребностей детенышей.</p>	<p>3. Содержание мотивационно-потребностной сферы частично отличается от взрослой по объектам деятельности Структура деятельности и мотивационные механизмы взрослого типа, освоение видотипичного опыта происходит в организованных родителями условиях.</p>	<p>Высший уровень перцептивной, низший уровень интеллектуальной.</p>
<p>4. Родители удовлетворяют некоторые потребности детеныша в непосредственном взаимодействии с ним, создают условия для развития у детеныша взрослых форм структуры деятельности, мотивационных механизмов и освоения видотипичного опыта</p>	<p>4. Структура деятельности, мотивационно-потребностная сфера и мотивационные механизмы отличны от взрослых и формируются в онтогенезе в игре и в условиях, обеспечиваемых или специально организуемых родителями.</p>	<p>Интеллектуальная</p>
<p>5. Специально организованная деятельность родителей, направленная на удовлетворение потребностей детенышей и освоение ими взрослых форм поведения.</p> <p>5.1. Предоставляют условия для формирования взрослой структуры деятельности, мотивационно-потребностной сферы и мотивационных механизмов.</p> <p>5.2. Обучение детенышей взрослым формам поведения при их участии в соответствующей деятельности взрослых.</p> <p>5.3. Деятельность родителей направлена на развитие у детенышей новых форм поведения, родители действуют для получения удовольствия от взаимодействия с детенышами.</p> <p>5.4. Осознанная или культурно обусловленная деятельность родителей по удовлетворению потребностей потомства, освоению опыта, развитию структуры деятельности, мотивационно-потребностной сферы и мотивационных механизмов.</p>	<p>5. Удовлетворение потребностей, развитие взрослых структур деятельности, мотивационно-потребностной сферы, мотивационных механизмов, освоение видотипичных средств отражения происходит в процессе совместной деятельности со взрослым.</p>	<p>Высший уровень интеллектуальной стадии. Сознание.</p>

Рассмотрим приведенную схему более подробно.

Этапы преобразования онтогенеза в филогенезе

1. Субъект становится самостоятельным, то есть способным удовлетворять свои потребности, с рождения, структура деятельности, структура и содержание потребностно-мотивационной сферы и мотивационных механизмов не отличается от взрослой. Онтогенез заключается в накоплении индивидуального опыта путем научения или смены генетически заданных форм жизнедеятельности (метаморфоз с этой точки зрения — две «взрослых» формы жизни с разными функциями). Родительские особи не принимают участия в индивидуальном развитии детенышей.

2. Структура и содержание деятельности и потребностно-мотивационной сферы не отличаются от взрослой, но родительские особи организуют среду для физиологического созревания и получения индивидуального опыта детенышей.

3. Родительские особи частично принимают участие в удовлетворении потребностей комфортной и пищевой сферы детенышей. Содержание этих сфер (объекты потребностей, операциональный состав) у детенышей частично отличаются от таковых у взрослых особей, структура деятельности и мотивационные механизмы остаются одинаковыми (то есть зрелыми с рождения). До полового созревания молодые животные осваивают необходимый видотипичный опыт и взрослые формы поведения.

4. Родительские особи удовлетворяют основные потребности детенышей в процессе непосредственного взаимодействия с ними. Операциональный состав и предметы и объекты для этих потребностей качественно отличаются от взрослых, структура деятельности также отличается от взрослой. Появляется игровая деятельность как механизм онтогенетического развития структуры деятельности и мотивации и освоения видотипичного и индивидуального опыта. Формирование сложных видотипичных форм поведения осуществляется поэтапно на основе механизмов сензитивных периодов и обеспечено эволюционно ожидаемыми условиями развития.

5. Включение в онтогенез специфических форм взаимодействия развивающейся особи с родительской, в процессе которых развивается структура деятельности, потребностно-мотивационная сфера, специфические видотипичные потребности и мотивационные механизмы. Если на предыдущем этапе все это развивалось в самостоятельном взаимодействии особи с внешней средой, а родительские особи только организовывали условия для этого без специальной цели, а только на основе своих собственных потребностей, то теперь без специально организованной совместной деятельности взрослого с ребенком вообще не возникнут не только видотипичные структура и содержание деятельности, потребностно-мотивационной сферы и мотивационных механизмов, но и средства отражения.

Таким образом, с четвертого из выделенных этапов развития появляется принципиальное отличие психического развития: инфантильные формы взаимодействия субъекта со средой отличаются от взрослых качественно по структуре деятельности, структуре и содержанию потребностно-мотивационной сферы (прижизненное образование новых потребностей и конкретных потребностно-мотивационных сфер, в том числе и репродуктивной) и мотивационных механизмов (развитие процесса мотивации в игровой деятельности). Взрослые структура и содержание деятельности, потребностно-мотивационной сферы и мотивационных механизмов строятся в специфической форме деятельности — игровой. Удовлетворение потребностей детенышей и обеспечение условий для формирования взрослых особенностей психики и поведения обеспечивается родительскими особями. На пятом этапе продолжается эта же стратегия, роль родителей становится еще более существенной (включение в освоение средств отражения). Основной перелом направления развития онтогенеза происходит на четвертом этапе. Общностью двух последних этапов филогенеза онтогенеза является отличие инфантильных структуры деятельности, мотивационно-потребностной сферы и мотивационных механизмов от взрослой, наличие специфической ювенильной формы деятельности (игровой) и участие взрослых особей, осуществляемое в форме непосредственного взаимодействия с детенышами, в развитии взрослых особенностей этих образований. По этим отличиям можно в рабочем порядке, отдавая себе отчет о необходимости дальнейших исследований в этой области, считать выделение в онтогенезе периода детства, как качественно отличного от взрослого по критерию структуры деятельности, мотивационно-потребностной сферы и мотивационных механизмов, начиная с четвертого из выделенных этапов филогенеза онтогенеза (то есть со стадии интеллекта). Это позволит соотносить в сравнительном анализе системы психического взаимодействия матери с ребенком и самой материнской потребностно-мотивационной сферы, предчеловеческий и человеческий уровни развития.

Этапы преобразования заботы о потомстве в филогенезе Относительно эволюции материнских функций нас интересует эволюция тех форм поведения, которое обеспечивает успешное развитие уже появившейся в результате оплодотворения особи. Такое поведение может появляться на самом деле и до оплодотворения — как обеспечение необходимых для этого условий. В этом случае речь идет не о половом поведении, в результате которого родительские особи выделяют половые клетки в нужный момент и в подходящих условиях, а о поведении, подготавливающем условия для сохранения оплодотворенных яйцеклеток. Следует учесть, что такое разделение может быть проведено только как научная абстракция, так как само поведение является единым. Поскольку внутреннее оплодотворение является достаточно поздним достижением эволюции, то подготовка условий для развития потомства предполагается в некоторых случаях еще до самого оплодотворения. В таком случае это прямо относится к заботе о потомстве. С этого момента можно говорить о наличии такого поведения и выделять следующие этапы его развития:

1. Обеспечение родительскими особями условий, необходимых для созревания оплодотворенных яйцеклеток без изменения среды. Такие условия являются разными при наружном и внутреннем оплодотворении. При наружном оплодотворении родительские особи находят подходящие условия (состав воды, листья растений, других особей у паразитов и т.п.). Иногда такое поведение бывает необыкновенно сложным, например миграции рыб. Нередко на этом заканчивается не только родительское поведение, но и жизнь взрослой особи (некоторые виды рыб). При внутреннем оплодотворении материнская особь, в теле которой некоторое время развиваются оплодотворенные яйцеклетки, может сама держаться в определенных условиях. Поведение по поддержанию таких условий иногда требует очень сложно организованной деятельности, даже если мать среду никак не изменяет. Например, поведение в группе беременных самок высших млекопитающих связано с изменением своей активности, направленной на внешний мир (вкусовые предпочтения, изменение отношения к членам группы и т.п.). Это касается и высших приматов, включая человека. Иногда родительские особи никак не выделяют яйцеклетки или потомство из внешней среды, зачастую расценивая их как пищевые объекты. Сохранность потомства от родителей в этих случаях обеспечена самими условиями оплодотворения или рождения: яйцеклетки или детеныши уносятся течением, падают на дно или другим образом оказываются вне досягаемости для родителей (повремени рождения, а также «не подвластности» матери, находясь внутри ее тела).

2. Забота о подготовке и поддержании условий для развития яйцеклеток и потомства, включающая изменение среды. Сюда входят все формы построения гнезд, охраны территории, гнезда и потомства, поддержание условий инкубации (аэрирование воды около кладки икры дискусами, поддержание температуры и влажности для яиц у некоторых пресмыкающихся, насиживание яиц у птиц, запасание корма для личинок некоторыми насекомыми и т.п.). Такое поведение может иметь или не иметь своего продолжения после рождения детенышей. Основным является то, что для этого поведения контакт с потомством не нужен. Поведение регулируется другими факторами. Хотя некоторые из них связаны с существованием яйцеклетки или потомства, но сами родители их так не воспринимают (в данном случае речь идет об изменении запаха, влажности, температуры за счет развития потомства, которые действуют на родителей, регулируя их поведение, но самими родителями не связываются с потомством как отдельными, самостоятельными особями).

3. Третий этап развития поведения родителей по заботе о потомстве связан с необходимостью контакта с детенышами. Здесь от родительских особей требуется такая организация поведения, которая будет соответствовать особенностям поведения самих детенышей (помимо всего остального, перечисленного выше). Поскольку родители на ранних стадиях развития не могут представлять себе потребности детенышей, то они должны быть обеспечены своими потребностями, удовлетворение которых по результатам совпадает с удовлетворением потребностей детеныша (то есть речь идет об эволюционном замыкании, как совпадении эволюционно-ожидаемых условий для членов системы взаимодействия). Необыкновенно сложный путь развития такой синхронизации изучается в этологии. С точки зрения нашего анализа это следует рассматривать как качественное изменение заботы о потомстве, так как необходимо самого детеныша «снабдить» такими стимулами, которые будут вызывать поведение родителей, часто идущее в ущерб их собственному физиологическому благополучию (затрата энергии, переживание некоторых неудобств в комфортной сфере и т.п.). На этом уровне родители только обеспечивают условия среды для успешного развития детеныша, а все свои потребности он при этом удовлетворяет сам. В результате поведения родителей среда сама оказывается подходящей для удовлетворения этих потребностей, а у детеныша есть для этого готовые формы поведения. Это характерно для некоторых рыб, например, цихлидовых, крокодилов, выводковых птиц.

4. На следующем этапе родители удовлетворяют некоторые потребности детеныша, в первую очередь в пищевой и комфортной сфере, за счет непосредственного взаимодействия с ними. При этом родители воспринимают детенышей как отдельных особей. Такое поведение появляется только на высших стадиях развития — у птиц и млекопитающих. У общественных насекомых подобное поведение обеспечено инстинктивными механизмами: стимуляция от яиц и личинок обеспечивает необходимое поведение, но сами они не воспринимаются взрослыми как самостоятельные особи. У высших животных родительские особи удовлетворяют потребности детенышей в непосредственном контакте с ними и ориентируются на поведение детенышей. Детеныши при этом имеют такие особенности в своем внешнем виде и поведении, которые абсолютно точно провоцируют необходимое поведение родителей. Поскольку само поведение развивающихся детенышей высших животных необыкновенно сложно, то для родителей необходимо очень точно улавливать его изменение для успешного выполнения своих функций. На этой стадии поведение детенышей в основных функциональных сферах существенно отличается от взрослого. Осваивает детеныш взрослые формы поведения сам, родители лишь создают условия для этого: предоставляют корм, поддерживают условия среды, охраняют. Все остальное детеныш «нарабатывает» сам в процессе накопления опыта взаимодействия с миром. Одной из новых форм поведения, обеспечивающего в этих условиях развитие взрослых способов удовлетворения потребностей, является игра.

5. На пятом этапе, помимо всего прочего, у родителей возникает специально организованная деятельность, обеспечивающая освоение детенышем взрослых форм поведения. Они не только предоставляют условия для удовлетворения основных витальных потребностей, но и условия для научения. Такое поведение родителей также может быть разной степени сложности.

5.1. Родители обеспечивают только возможность развития, предоставляя необходимые объекты для этого. Кошки приносят котят мышей, но сами никогда на глазах котят не демонстрируют способов охоты, а только наблюдают за игрой детенышей. Чем более активно играют котята, тем более подвижную добычу приносит им кошка. Сюда же можно отнести игры родителей с детенышами, когда родители предоставляют потомству освоить в игре необходимые формы поведения. Это особенно развито у видов, рождающих одного детеныша, например у ластоногих, хоботных, приматов, некоторых копытных. Конечно, помимо игр с родителями, детеныши этих животных много играют самостоятельно и с ровесниками.

5.2. Появление поведения родителей, в результате которого детеныши могут обучаться взрослым формам поведения непосредственно от них. Здесь еще у родителей нет мотивов обучения. Они только позволяют детенышам участвовать в своей собственной деятельности и терпеливо, а часто с удовольствием относятся к недостаточно эффективным действиям своего потомства. Это относится к участию детенышей в гнездостроении (у человекообразных обезьян), в охоте у хищных, обработке пищевых объектов и т.п. Нет оснований предполагать, что родители представляют себе необходимость обучения детенышей и целенаправленно строят свое поведение. Во всех случаях они удовлетворяют свои потребности, часть которых такова, что совпадает с задачами обучения детенышей.

5.3. Появление поведения родителей, которое специально направлено на возникновение у детенышей новых форм поведения. Только у человека можно говорить, что такое поведение регулируется мотивом обучения, да и то далеко не всегда. Как показал анализ материнских функций, развитие у ребенка общения, освоение им внешнего мира в манипуляциях с объектами и даже освоение некоторых культурных способов удовлетворения потребностей не всегда предполагают специально организованный процесс обучения, а основаны на эмоциональном отношении матери к самому ребенку и особенностях удовлетворения его потребностей. Тем более это справедливо для предчеловеческих уровней развития. Однако подобное поведение появляется уже у высших животных. Описано оно для самок обезьян. Они, например, обучают детенышей самостоятельно передвигаться. Гориллы и шимпанзе, а также некоторые низшие обезьяны (гамадрилы, макаки и др.) сажают детеныша перед собой на вытянутых руках, отпускают руки и стимулируют детеныша самостоятельно добраться до себя. Заканчивается этот «сеанс обучения» объятиями и поцелуями, самка прижимает немного испуганного детеныша к себе. Довольно скоро детеныш воспринимает это как игру, бросается к матери со смехом и визгом. Именно такое поведение детеныша и является целью матери. Она доставляет самой себе удовольствие, которое достигается, когда детеныш приобретает необходимую форму поведения. В других случаях это связано с возникновением у детеныша способности некоторое время находиться вне контакта с матерью. При этом он должен быть спокоен и заниматься каким-то своим, интересным для него делом (на данном этапе онтогенеза это ориентировочно-исследовательская деятельность или игровая). Самки орангутанов подвешивают детенышей на ветви (или решетку клетки

в неволе), постепенно увеличивая время сепарации детеныша (Т. Марле, наблюдения автора). Сначала он пугается, но поскольку мать немедленно возобновляет контакт при первом же его писке, то довольно быстро, через 2-3 дня, с удовольствием обследует ближайшее окружение в присутствии матери. Интересуются иногда самки приматов пищевым поведением детенышей. Они сами кладут им в рот или дают в руки кусочки своей пищи, наблюдая затем, как малыш с ним действует. Однако, когда мать сама хочет есть, она решительно пресекает попытки детеныша брать ее пищу.

Эти примеры свидетельствуют о том, что для матери интересны изменения в поведении детеныша и она способна организовать свою деятельность так, чтобы они возникли.

5.4. Но только у человека возможно осознание потребностей самого ребенка и специальная организация поведения для их удовлетворения на этой основе. Кроме этого, появляется представление о том, какими качествами должен обладать ребенок, когда он вырастет. Как уже ясно, это не только поведенческие качества, но и свойства личности. Специально организованный процесс воспитания и обучения ориентирован уже не на удовольствие взрослого и даже не на удовольствие ребенка, а не эти будущие задачи. Однако осознание будущего не заменяет, а дополняет другие формы организации родительского поведения. Многие задачи решаются и без этого осознания.

Выделение уровней филогенеза онтогенеза и развития заботы о потомстве в филогенезе позволяет заключить, что начиная с внутреннего оплодотворения роли родительских особей начинают изменяться. Материнская особь становится сначала «вместилищем» для развития оплодотворенной яйцеклетки. У млекопитающих на материнской особи сконцентрированы все функции по обеспечению физиологических условий развития детеныша после рождения. Продолжение у высших млекопитающих развития мозга после рождения ставит мать и детеныша в новые условия. Мать обеспечивает теперь не только физиологические нужды, но и первые этапы развития отношений детеныша с миром. Это ярко проявляется у приматов, на которых и были получены первые результаты, положенные в основу теории привязанности. Первоначально это было связано только с биологической матерью. Человеческая история показала, что речь должна идти о самих функциях матери, которые могут быть обеспечены разными особями. До рождения это могут быть только женщины, хотя уже здесь возможны замены биологической матери (искусственное оплодотворение, донорские яйцеклетки, суррогатные матери). После рождения принципиально материнские функции могут выполнены любым субъектом. Проблема перераспределения материнских функций в разных культурах в настоящее время активно изучается в русле кросскультурных исследований. В этих работах показано, что конкретно-культурные модели такого перераспределения могут быть весьма различными: от концентрации всех функций только на матери до использования многих моделей (например, от 3 в Германии до 16 в России, по данным доклада Т. Майншперт на конференции «Социокогнитивное развитие ребенка», Москва, 1995 год).

Таким образом, перераспределение данных функций в разных культурах происходит различно. Однако сами они достаточно стабильны. Но несмотря на это любой субъект, выполняющий материнские функции, должен иметь основания и способности для их осуществления. Другими словами, зачем и как надо осуществлять заботу о ребенке.

Представление о любой потребностно-мотивационной сфере как организации поведения для удовлетворения лежащих в ее основе потребностей заставляет обратиться к самим потребностям, удовлетворение которых обеспечивает поведение матери. Возникновение на человеческом уровне способности осознавать свои потребности и потребности других людей (в данном случае — ребенка) необыкновенно усложняет как содержание материнской потребностно-мотивационной сферы, так и ее развитие, а наличие наряду с этим не представленных в сознании матери и общества некоторых материнских функций и особенностей развития ребенка предполагает сложный онтогенетический путь их обеспечения в поведении матери. Для представления о структуре и развитии материнской потребностно-мотивационной сферы в первую очередь следует обратиться к лежащим в ее основе потребностям.

3.2. Содержание и структура материнской потребностно-мотивационной сферы

Субъект материнской потребностно-мотивационной сферы

Для характеристики потребностей материнской потребностно-мотивационной сферы надо уточнить связь видовых, конкретно-культурных и индивидуальных аспектов материнства.

Можно сказать, что у материнства — «тройной» субъект, и это откладывает отпечаток на содержание материнской сферы у каждой конкретной матери. Субъектом «первого порядка», «потребностью» которого является продолжение рода, является вид *Homo sapiens*. Удовлетворяя эту

потребность вида, мать обеспечивает развитие ребенка как человеческого существа с характерными особенностями структуры деятельности, потребности в эмоциональном санкционировании «Другим» своих целей и способов их достижения, появление и развитие потребности в общении, построение рабочей модели мира, объекта привязанности, поведения привязанности. На самых ранних этапах развития эти особенности ребенка достаточно жестко определены функциями матери и их нарушение ведет к изменениям в общем психическом развитии ребенка по типу дефицитарности или искажения. Полное лишение ребенка материнских функций, которые обеспечивают появление всех этих структур, ведет к тяжелому госпитализму. Частичное нарушение отражается на развитии сферы общения, эмоциональной сферы, в первую очередь проявляющихся в ориентации на участие взрослого и позднее любых людей и общества в целом в регуляции деятельности ребенка в мире (нарушение содержания рабочей модели мира, но сама модель все же есть). Можно сказать, что задачей матери, реализующей «потребность вида в продолжении рода» является образование у ребенка видотипичных структур деятельности и рабочей модели «Я — Другой», именно со стороны самой структуры. Эти структуры, как было видно выше, характеризуются, в отличие от дочеловеческих стадий развития, включением «Другого» в санкционирование целедейственного звена в деятельности и опосредованностью «Другим» отношений ребенка с миром. В данном случае главное, что они должны быть. Если они не образуются вообще, ребенок не может включиться в освоение видотипичных средств отражения (искусственных знаковых средств — речи) и изменяется видотипичное развитие мозга. Речевые зоны не развиваются, и ребенок не становится человеком. Само взаимодействие ребенка со взрослым включает взрослого в процесс развития и на самом деле в «чистом» виде лишения ребенка этого взаимодействия не бывает, так как даже при выращивании детей с ранних этапов развития животными в какой-то мере, пусть очень измененно, но «Другой» есть. Если принимать во внимание концепции З. Фрейда, Д. Винникотта, Э. Эриксона, М. Кляйн и других, то «промежуточный объект», строящийся в субъективном мире ребенка на основе интериоризации качеств матери, участвующих в «разделении внутреннего и внешнего населения» и образовании модели «Другого» как посредника в удовлетворении потребностей ребенка, еще не предполагает полноценного образа матери как человеческого существа. Для реализации функций матери на этом этапе развития необходима своевременная и окрашенная любовью к ребенку забота. Теоретически это может осуществить и мать, не обладающая сознанием. Как известно, слепые дети, которые не могут использовать в развитии общения и эмоциональной сферы ориентацию на выражение лица матери, развиваются с задержками, но все же вполне по «человеческому» пути.

Гораздо большее влияние оказываем на развитие «невключение» речевых зон мозга. Их формирование начинается уже с середины внутриутробного периода, а знаковая система имеет не только звуковое обеспечение, но и мимическое, жестовое, позволяющее детям, глухим от рождения или растущим среди глухонемых, осваивать речь незвуковым путем. Как показали очень немногочисленные случаи «Маугли», полного отсутствия материала для построения основ рабочей модели «Я — Другой» быть не может [S.H. Stenglanz, A. Nash]. Всегда какие-то качества «Другого» есть. Существенное изменение эволюционно ожидаемых характеристик этих качеств нарушает развитие, но их полное отсутствие совпадает с границами жизни. Отсутствие необходимых условий на этом этапе касается именно речевой среды. Дети, выращенные животными с первых месяцев жизни и до окончания сензитивного периода развития речи (до трех лет), не овладевают речью и не способны к жизни в обществе. Таких случаев буквально единицы и недостаточно данных о сроках попадания детей к животным и продолжительности нахождения с ними. Можно сказать, что в условиях сохранения жизни ребенка возможности для появления видотипичных структур деятельности и рабочей модели мира всегда есть. Как мы видели, с точки зрения содержания развития к видотипичным особенностям (а значит, и к «потребности вида») можно отнести формирование у ребенка таких структур, которые вообще обеспечивают его успешное приспособление к жизни в условиях сообщества (базовые структуры отношения к миру).

Реализация видовой программы развития происходит в условиях конкретной культуры. Человек является не только представителем своего вида, но и представителем своей культуры. Можно сказать, что субъектом родительских функций «второго порядка» является общество, в котором родился и будет жить ребенок. Если для вида ребенок должен «вообще быть», то для конкретного общества ребенок должен «быть каким-то». Каким — это и есть содержание конкретно-культурной модели, в которой представлено не только, каким должен быть взрослый (модель личности), но и каким должен быть ребенок на каждом этапе своего развития, чтобы таким взрослым стать (модель детства). А также, какой должна быть мать и как она такой становится (модель материнства). С этой точки зрения мать, реализующая потребность общества в «получении» нужной модели будущей личности, обладает

качествами, обеспечивающими формирование у ребенка конкретных содержаний рабочей модели мира, себя в ней и «Другого». Это отражено в культурных моделях привязанности, национальных чертах характера, культурных особенностях эмоциональной сферы, общения и многом другом. Поскольку все эти содержания образуются в период построения основ рабочей модели «Я — Другой» и качества привязанности и связаны с появлением у ребенка выраженных в поведении реакций на разные воздействия взрослого, то можно сказать, что функции «субъекта второго порядка» включаются с середины первого полугодия и полноценно «звучат» уже со второй половины первого года жизни. Наиболее ярко они выражены в период «социализации», включения ребенком санкций взрослого в регуляцию удовлетворения своих потребностей (второй и третий год жизни). Поскольку первоначально конкретной единицей, предъявляющей такие требования к личности, ребенку и матери был род, то логично назвать эти функции «функциями рода».

Мать является в этом ряду «субъектом третьего порядка», непосредственно взаимодействующим с ребенком и все перечисленные задачи вида и рода выполняющим. Она также имеет в этом отношении свои потребности. Их особенность в том, что в конечном счете она ребенка выращивает не для себя, а для этих первых «субъектов». Но сама она во все эти задачи либо не посвящена вообще либо частично посвящена в задачи рода. Ее потребности являются «смешанными», они определяются тем, что она «хочет» и «знает». Как показывают многочисленные исследования культурных вариантов материнства и индивидуальных особенностей матери, хотеть и знать она может достаточно по-разному. Евро-американский миф о «матери-мадонне», опирающийся в психологии в первую очередь на Д. Винникотта и его последователей, и микропсихоаналитический миф о «матери-ехидне» (С. Фанти и др.) одинаково далеки от реальности. Мать в своих переживаниях относительно ребенка оказывается лишь на какой-то точке этого континуума. От того, где эта точка находится и как мать на эту точку попадает (то есть какие у нее потребности и каково их содержание и развитие), зависит «удовлетворение потребностей вида и рода».

Ребенок как объект материнства

Как было видно выше, сложность материнского поведения подразумевает большой набор ее собственных потребностей и длительный путь их развития. Функции матери изменяются в процессе развития ребенка, причем строго в соответствии с логикой этого развития. Она должна не только переживать свои эмоции, причем соответствующие не эмоциям ребенка, а своим задачам во взаимодействии с ним, но и правильно их «употреблять» для регуляции своего поведения. Этот вопрос вообще в психологии рассматривается по-разному. В некоторых случаях речь идет о «синхронизации» матери с состоянием ребенка, особенно на этапе симбиоза. У Д. Винникотта мать после рождения в течение первых недель находится в состоянии, позволяющем ей непосредственно переживать состояния ребенка и по ним определять, что ему необходимо. Д. Магагна говорит о том, что мать должна поддаться своим собственным эмоциям, причем их содержание должно обеспечивать ее «правильные» действия, а не само по себе переживание состояний ребенка. Более дифференцированный подход можно обнаружить у М. Кляйн. Мать принимает эмоции ребенка и возвращает их ему в измененном виде, который доступен для конструктивных переживаний ребенка. В различных подходах зачастую абсолютизируются разные эмоции ребенка (положительные и отрицательные) и разные функции матери по отношению к этим эмоциям ребенка. На деле мать в одном акте взаимодействия с ребенком «переходит» с одной функции на другую, причем с какой на какую и как — зависит от конкретной ситуации. Поведение матери на этих «переходах» углубленно проанализировано Э. Эриксоном и составляет тот материал, на котором ребенок строит «выстраданный способ решения конфликтов». Таким образом, сама мать переживает свои состояния гораздо сложнее, чем это представлено в разных теоретических подходах. Откуда берутся у нее эти переживания? И что они означают? Материнская любовь содержит и удовольствие, и страх, и боль, и агрессию, и раздражение, и мечты. Данные качества (причем это еще далеко не все) у нее есть в «разной пропорции». Ее отношение можно расположить на прямой от ненависти — через равнодушие — к граничащей с безумием восторженности. Представление о «достаточно хорошей матери» [Д. Винникотт] включает в себя необыкновенно тонкое сочетание самоотверженности и эгоизма, способности предоставить ребенку безграничную поддержку и любовь и своевременное ограничение своей опеки. Что заставляет мать все это делать? И что мешает ей делать это наилучшим образом?

Как показывают исследования материнского поведения, чаще всего нарушены бывают те компоненты, которые обеспечивают «правильное» эмоциональное состояние матери, ее отношение к ребенку, позволяющие ей употреблять свои знания относительно ухода и кормления именно так, как надо в данном случае и для данного ребенка. Если мы обратимся к материнскому поведению на

дочеловеческом уровне развития, то там «знаний» гораздо меньше. Есть опыт взаимодействия с детенышами (собственный и по наблюдению за другими самками), да и то далеко не всегда. Но отношение к детенышам все же возникает и регулирует поведение матери. Физиологические исследования показывают, что это отношение в большой мере регулируется гормональным состоянием самки в разные фазы репродуктивного цикла [Х. Хайнд, Д. Дьюсбери и др.]. Однако гормональный фон обеспечивает лишь условия для проявления поведения, повышая или понижая восприимчивость к определенной стимуляции. Исследования материнского поведения грызунов, хищных и других животных показали, что искусственное и естественное изменение гормонального фона обеспечивает количественные проявления реакций на детенышей (большая или меньшая сензитивность к стимуляции от них) и может регулировать такие качественные характеристики, как положительное или отрицательное эмоциональное отношение. Но сами действия матери определяются как поведением детенышей, так и ее собственными навыками. Другими словами, гормоны могут помочь любить или ненавидеть, но что с этими чувствами делать, определяют ситуация и прошлый опыт. Однако любое эмоциональное переживание не есть эмоция «сама по себе». Основной характеристикой эмоций является их предметная отнесенность. Эмоция — это всегда эмоция по отношению к чему-то. В данном случае следует задать вопрос: почему эмоции матери направлены именно на ребенка?

В этологии существует понятие «ключевых стимулов». Это такие качества и свойства среды и объектов, которые вызывают определенные эмоции субъекта и определенные действия по отношению к этим стимулам и объектам, их содержащим. В нашем случае объектом является ребенок. Происхождение реакции на ключевые стимулы различно на разных эволюционных уровнях развития. Только на низших стадиях реакция на ключевой стимул является полностью обеспеченной врожденными механизмами (нервные модели стимулов в антиципационных системах обеспечены самим развитием анализаторов и их функциональными связями с эффекторными органами). На высших стадиях развития образование антиципационных схем происходит прижизненно на «материале» внешней по отношению к развивающимся функциональным системам мозга стимуляции. Чем сложнее обеспечиваемое этими схемами поведение, тем дольше и вариативнее путь развития. Образующиеся нервные модели стимулов встраиваются в развивающиеся системы, регулирующие деятельность субъекта, на разных этапах этих систем. Эмоциональное значение стимулов образуется прижизненно, а «объединение» их на конкретных объектах, встраивание этих объектов в общую систему взаимодействия субъекта с миром, как уже ясно из предыдущей главы, — длительный и полный совпадений и несовпадений с «эволюционно ожидаемыми условиями» процесс развития ребенка. По крайней мере, относительно целостной регуляции деятельности по удовлетворению потребности речь должна идти о первых трех годах жизни ребенка. Однако так обстоит дело относительно тех видов деятельности, которые реализуются непосредственно в процессе этого развития. Деятельность, связанная с репродуктивной сферой, начнется вообще только после полового созревания. Эта ее особенность, а также необыкновенная сложность той ее части, которая является материнской сферой, позволяет говорить о гораздо более длительном пути развития как самих потребностей, так и способов их удовлетворения.

Исследования материнского поведения высших животных свидетельствуют о том, что в основе поведения матери лежит ее отношение к детенышам, которое определяет, что она будет делать по отношению к ним и как. Интересно, что соответствующее поведение вызывает не только сам детеныш (факт его существования), но и ситуация, в которой происходит взаимодействие. Известно, что стрессовые состояния самки во время родов и в послеродовой период значительно изменяют ее отношение к детенышам. В крайних случаях мать может съесть новорожденных, причем это далеко не всегда первородящие самки. Некоторые матери не проявляют интереса к новорожденному, особенно часто это возникает в условиях неволи. С другой стороны, мать может проявлять больше заботы о чужих детенышах, если стимуляция от них сильнее, чем от своих (явление гиперстимуляции). На этом основано поведение птенцов кукушки, которые намного «ярче» по этим признакам, чем собственные птенцы выкармливающих птиц. При нормальных условиях в многоплодных пометах родители птиц и млекопитающих больше внимания уделяют детенышам с более выраженным младенческим поведением. А поскольку в определенный период (связанный с обеспечением родительскими особями удовлетворения основных потребностей) такое поведение интенсивней у более крупных и раньше вылупившихся или рожденных детенышей, то они имеют явное преимущество. Так обстоит дело у хищных птиц, журавлей, многих млекопитающих. Однако недостаточно интенсивности стимуляции. Нужна и соответствующая ситуация. Птицы, гнездящиеся на деревьях, активно реагируют на крики птенцов в гнезде, засовывая им корм в раскрытые клювы, но не кормят выпавших из гнезда птенцов.

Поведение родителей резко меняется, когда птенцы подрастают и вылетают из гнезда. Некоторое время после этого родители кормят их вблизи гнезда, там, где не кормили выпавших ранее. Адаптивная роль этого поведения вполне понятна: обеспечить выращивание маленьких птенцов, совсем не умеющих летать, родители не смогут, а себя подвергнут опасности.

Не менее интересно поведение самок хищных псовых, живущих стаями и имеющих строгие сезонные рамки размножения. Дж. ван Лавик-Гудолл описала размножение у гиеновых собак в саваннах Африки. Стаи собак кочуют за мигрирующими стадами копытных. Сезон размножения собак связан с климатическими условиями, обеспечивающими в сезон дождей относительно оседлый образ жизни копытных. За это время самки стаи должны успеть родить и выкормить потомство. К началу миграций копытных щенки уже могут следовать за стаей. «Запоздавшие» с родами самки не могут следовать со стаей. Их детеныши съедаются другими особями на глазах у матерей, которые никак не защищают свое потомство, уходят со стаей и успешно размножаются в следующий сезон.

Отношение к детенышам и материнское поведение возможно не только у самой матери, но и нерожавших самок. У некоторых гиен детенышей рождает только доминирующая самка в стае, а остальные обеспечивают пищей, ласкают детенышей и играют с ними, сообщая воспитывая потомство. Такие формы помощи хорошо развиты у приматов, наблюдаются у некоторых видов соек, где на гнездовой территории живут родительская пара и некоторые из их потомков, не размножающиеся, но участвующие в выкармливании потомства

Все это свидетельствует о том, что материнское поведение, во-первых, связано с самим детенышем, а во-вторых, может проявляться по-разному в зависимости от ситуации. Относительно объекта материнского поведения — детеныша — в этологии говорят о специфических ключевых стимулах, которые вызывают адекватное с точки зрения продолжения рода поведение взрослых особей. Это поведение состоит в снижении агрессии, положительно-эмоциональном отношении, позволяющем допустить контакт детеныша с собой и стремиться к этому контакту, поведение охраны и заботы. Стимулы, по которым узнается детеныш как объект такого отношения и поведения, образуют гештальт младенчества (комплекс качеств, образующих целостный облик детеныша младенческого возраста) [К. Лоренц, Н. Тинберген].

Гештальт младенчества

Можно выделить три группы качеств, свойственных детенышам высших животных, у которых есть поведение заботы о потомстве, составляющие три компонента гештальта младенчества:

1. **Физические свойства.** К ним относятся особенности внешнего вида детенышей, их запах, голосовые реакции. Во внешнем виде выделяются пропорции частей тела (крупная по сравнению с телом голова, короткая шея, короткие и толстые конечности, общие округлые формы, соотношение толщины и длины тела) и лицевой части (высокий выпуклый лоб, большие, направленные вперед глаза, маленький нос, губы и подбородок, выпуклые щеки, маленькие, низкорасположенные уши), а также цветовая гамма (у некоторых животных окраска детенышей отличается от взрослой; для человека характерны чистые, пастельные тона кожи, яркие контрасты частей лица — румянец, яркие глаза и ресницы, губы). У детенышей отличный от взрослых запах, имеющий сходство у всех млекопитающих. Голосовые реакции детенышей имеют наиболее сходные межвидовые характеристики и устойчиво вызывают ориентировочную реакцию и стремление к контакту, купирование агрессии практически у всех взрослых животных. Однако полноценное поведение родительского типа не всегда проявляется у взрослых животных. Иногда оно изменено за счет прошлого опыта и выражается в растерянности, страхе, иногда агрессии. При полноценном развитии детеныши вызывают ярко выраженные положительные эмоции, стремление к контакту, охране и т.п. При этом реакция взрослых особей тем сильнее, чем интенсивнее выражены эти качества независимо от того, к какому виду принадлежит детеныш. Считается, что наиболее выраженными младенческими качествами обладает человеческий ребенок. По отношению к нему элементы родительского поведения со стороны взрослых животных разных видов наиболее выражены. У ребенка к этому компоненту гештальта младенчества относятся улыбка и взгляд в глаза, особенности структуры речи (гуление, лепет, построение слов и фраз).

2. **Поведенческие особенности.** Структура и динамика движений детенышей отличаются от таковых у взрослых особей. Они замедленны, неловки, недостаточно координированы, неадекватны по интенсивности окружающей среде и задачам деятельности. С этим связаны особенности прикосновений младенцев к взрослым особям и явно приятные переживания последних. К поведенческим особенностям относятся инфантильные позы, которые выражают отличную от взрослых роль детеныша во взаимодействии. Эти позы стимулируют взрослых к оказанию поддержки, провоцируют покровительство, у многих животных — поведение кормления. Некоторые инфантильные позы и

движения входят в ритуальные средства общения и брачные игры у птиц и млекопитающих. Их назначение — купировать агрессию, стимулировать покровительство, в брачных ритуалах некоторых птиц — самец осуществляет по отношению к самке поведение кормления

3. Инфантильная результативность. К ней относятся результаты жизнедеятельности и поведения детенышей, которые отличны от таковых у взрослых. Можно выделить три уровня инфантильной результативности:

—результаты физиологического функционирования ребенка: крик, звуки удовольствия, сопение, чавканье, пускание слюней и т.п., которые имеют отличие от таковых у взрослых особей и по отношению к детенышу вызывают положительно-эмоциональную реакцию и поведение, обеспечивающее его физический комфорт (вылизывание и т.п.);

—результаты инфантильного стиля движений: прикосновения особого характера, звуки, мимические выражения при контакте, не такая, как у взрослых, реакция на достигнутый результат (восторг, бурная радость и т.п.), на общение со взрослым, на контакт после дискомфорта (всхлипывания с придыханием, которое присуще практически всем млекопитающим и вызывает очень яркую эмоциональную реакцию взрослых), а также игровое поведение детенышей;

—инфантильный продукт деятельности: этот уровень инфантильной результативности наибольшее значение имеет у человека, однако его можно обнаружить и на более ранних стадиях развития: результаты деятельности детенышей отличны от взрослых по качеству, они менее совершенны, часто вообще непригодны «для употребления» и никому не нужны (детеныши хищных, участвуя в охоте взрослых, не способствуют успешности охоты, гнездо, построенное полугодовалым детенышем антропоидов, непригодно для ночлега, а продукты игровой, конструктивной и т.п. деятельности человеческих детей не только не нужны, но еще требуют для себя дополнительных затрат от взрослых).

Все компоненты гештальта младенчества имеют возрастную динамику. В каждом возрасте они представлены в разной пропорции и разные по качеству. Поведение взрослых соответствует этим возрастным особенностям, что обеспечивает своевременный переход от операций ухода к игровой деятельности, включению детенышей в деятельность взрослых, переход от ограничения активности к сепарации и предоставления самостоятельности. У приматов статус детенышей, обеспечивающий им особое отношение всех членов группы, ограничен двумя месяцами у низших и двумя годами у человекообразных. Интенсивное поведение нянчания вызывают у антропоидов детеныши до года, снисхождение и игровое поведение — до двух-трех лет, а на четвертом году они уже полностью лишены всех привилегий. У человека гештальт младенчества сохраняется дольше всех, а второй и третий его компоненты наиболее разнообразны.

В этологии и психологии есть интерпретация значения этой стимуляции как с эволюционной позиции, так и в отношении переживаний самих взрослых особей. Эволюционное значение гештальта младенчества позволяет взрослым отнести детеныша к «детской группе» и не ожидать от него поведения, соответствующего «правилам поведения» в сообществе. Кроме того, младенческая стимуляция купирует агрессию и обеспечивает проявление покровительства, если детеныш оказался без надзора матери. Для самой матери стимуляция от детеныша обеспечивает стимуляцию ее активности и направляет ее поведение нужным образом. У. Gewirtz отмечает, что стимуляция от ребенка служит подкреплением для взрослого, информируя его о хорошем самочувствии ребенка, его привязанности к взрослому, успешности выполнения взрослым родительских функций.

Гештальт младенчества является комплексным ключевым раздражителем, который вызывает у взрослых особей множество разнообразных переживаний и стремление к их возобновлению и сохранению. Однако эти качества не существуют в природе сами по себе, они принадлежат конкретным носителям — детенышам. Но детеныш обладает этими характеристиками в разном возрасте по-разному, кроме того, каждый раз в индивидуальных вариантах. Поэтому совпадение переживаний взрослых с задачами развития детеныша не может быть обеспечено раз и навсегда зафиксированными поведенческими и эмоциональными реакциями первых. Необходим гибкий инструмент, позволяющий изменять эмоции и поведение родительских особей. Кроме того, некоторые элементы гештальта младенчества «используются» в других формах поведения. Объединение всех компонентов гештальта младенчества на конкретном носителе — детеныше (образование объекта деятельности), по отношению к которому должно разворачиваться родительское, а не половое или групповое поведение, происходит в онтогенезе будущих родителей. Таким образом, объектом материнской потребностно-мотивационной сферы поведения (как варианта родительской) является объект, носитель гештальта младенчества. Взаимодействие с этим объектом не только доставляет удовольствие, но также требует проявления

заботы (кормление и уход) и охраны. В субъективном опыте матери ее собственные переживания оформляются в связанную структуру, которая отнесена к определенной области ее жизни и деятельности. Ценность этих переживаний для матери у человека является самостоятельной, но некоторые предпосылки такой структуры могут быть обнаружены и в субъективном опыте высших млекопитающих.

Все, о чем шла речь в этом разделе, относится к характеристике эмоционально-потребностного блока материнской потребностно-мотивационной сферы и включает объект деятельности (носитель гештальта младенчества) и содержание основных потребностей. Эти потребности можно разделить на три группы: потребность во взаимодействии с объектом, носителем гештальта младенчества; потребность в заботе об этом объекте (обеспечении его комфортного состояния) и его охране; потребность в своих собственных переживаниях, сопровождающих деятельность по удовлетворению первых двух (потребность в материнстве).

Потребности материнской потребностно-мотивационной сферы

Потребность во взаимодействии с объектом, носителем гештальта младенчества

Переживания взрослых от взаимодействия с детенышем уже достаточно подробно проанализированы. Эти переживания ценны сами по себе, они составляют содержание первой группы потребностей материнской сферы. Такие переживания можно получить как в непосредственном взаимодействии, так и в процессе ухода, кормления, воспитания и т.п. Отсутствия у матери переживания этого удовольствия при взаимодействии с ребенком описывается как «кормление без любви» у Д. Винникотта, как эмоционально-обедненное (альтернативное эмоционально-насыщенному) поведение матери, холодное, неэмпатийное взаимодействие, «невключенное» и т.п. в разных психологических подходах. Удовольствие матери от самого присутствия ребенка, контакта с его телом, проявлений его активности обеспечивает ее эмоциональную реакцию на каждое движение его тела и лица и наполняет эмоциями все ее действия, определяет стиль ее прикосновений к ребенку, а также ориентацию на результаты собственных действий и их оценку (повышают заинтересованность матери, развивают ее компетентность). Отвлечение матери от непосредственного переживания контакта с ребенком может иметь разные причины: особенности ребенка, провоцирующие ее тревогу, неудовольствие (признаки патологии, неадекватность младенческой стимуляции), особенности ситуации, в первую очередь семейной (неблагополучие в группе, низкий ранг самки у приматов повышает ее тревожность, она больше ограничивает активность детеныша, чаще его наказывает и т.п., у человека повышает тревожность матери и искажает ее чувства по отношению к ребенку), особенности самой матери (ее психическое здоровье, личностные качества и особенности развития материнской сферы).

Потребность во взаимодействии с объектом, носителем гештальта младенчества, является ведущей и генетически исходной потребностью материнской сферы. На ее основе строятся остальные потребности, она участвует в развитии операционального и ценностно-смыслового блоков.

Потребность в заботе и охране

В данном случае речь должна идти о совокупности потребностей, обеспечивающих кормление, уход, охрану детеныша от внешней угрозы и от опасных последствий его активности. В отношении этих потребностей для матери необходим опыт выполнения всех соответствующих деятельностей, который возникает в процессе взаимодействия с собственной матерью, наблюдением за взаимодействием других особей с детенышами, своим таким опытом до появления собственных детенышей. Однако есть формы поведения, которые не могут быть освоены в онтогенезе. Это грудное кормление и обработка новорожденного. Для осуществления такого поведения привлекается опыт из других видов деятельности, что является характерным для интеллектуальной стадии развития психики. Это опыт взаимодействия с неживыми и живыми объектами в ориентировочно-исследовательской, игровой, пищевой деятельности. Стимуляция от детеныша позволяет обеспечить соответствие поведения его особенностям: направить внимание матери на лицевую часть в послеродовой обработке, обеспечить положение детеныша, позволяющее ему добраться до соска, вовремя остановиться при съедании последа и Т.П. В дальнейшем — правильно держать и переносить детеныша, принимать позу для кормления, укачивать (у приматов), удалять экскременты и мочу (у хищных, грызунов и др.), отстранять детеныша при уринации и дефекации у приматов, обрабатывать поверхность тела, глаза и т.п. Подкреплением для матери является стимуляция от детеныша как «здорового и чистого» (это те качества гештальта младенчества, которые удовлетворяют ее основную потребность), а также прекращение его состояния дискомфорта. У человека к этому прибавляется ориентация на представляемый матерью образ здорового и довольного ребенка.

Кормление у млекопитающих со стороны матери требует лишь позволить детенышам сосать. Только приматы могут сами подносить детеныша к соску. Но удовольствие от акта сосания испытывают все самки, причем еще до прихода молока. Сразу после родов напряжения грудных желез и чувства облегчения от сосания еще нет, а удовольствие уже есть. Оно и обеспечивает соответствующее поведение самки. У человека с этим дело обстоит сложнее. Мать ориентируется, по крайней мере сначала, не на свое удовольствие, а на необходимость кормления для ребенка. Его реакции и ее переживания уже сами служат подкреплением и помогают переводить акт кормления в акт установления взаимосвязи.

Охрана детеныша связана с двумя типами поведения матери. Во-первых, она старается сохранить для себя объект, носитель гештальта младенчества. Первые реакции матери явно носят характер «охраны своего» объекта и только позже переходят в охрану детеныша, смыслом которой становится поддержание его собственного состояния. На ранних этапах развития детеныша мать реагирует на его удаление от себя и угрозу извне. Самки приматов в стаде постоянно подвергаются попыткам других особей отнять детеныша с целью «поняньчить» самим. Дж. ван Лавик-Гудолл описывает, как молодые самки обучаются, наблюдая за матерями, защищающими своего детеныша, и чуть позже, когда им доверяют младшего для нянчания, охраняют его от других подростков. Когда детеныш подрастает, ему может угрожать не только внешняя опасность, но и результаты собственной активности. Самки млекопитающих постоянно следят за поведением своих детенышей, экстраполируя возможные последствия и предупреждая их. Это распространяется и на детенышей других видов. Опыт отношений с миром позволяет им предупредить падение детеныша (например, с обрыва в природе или с дивана в доме), вытащить из воды, придержать приближающийся объект или отстранить детеныша и т.п. В наблюдениях за поведением самки орангутана с детенышем в Московском зоопарке описано, как самка во время игры детеныша с куском небольшого ствола дерева подставляла руку каждый раз, когда ствол накатывался на ногу детенышу.

В заботу о детеныше входят и элементы воспитания. Как уже указывалось выше, для животных это обеспечено реакцией матери на разные компоненты гештальта младенчества и стимулирует ее игру с детенышами, предоставление им объектов для манипуляций, участие детенышей в своей деятельности. У человека все обстоит гораздо сложнее, обучение и воспитание регулируются вполне осознанными целями матери. Однако средства, которые использует при этом мать, стиль запретов и поощрений зависят от содержания ведущей для материнской сферы потребности. Конечно, играют роль содержание культурных и семейных моделей и личностные качества матери, которые влияют на ее поведение при несовпадении этих моделей с ее собственным отношением к ребенку.

Потребность в материнстве

Это самый сложный класс потребностей матери. Он подразумевает рефлексию своих состояний и стремление к их переживанию в процессе взаимодействия с ребенком. У высших животных возможно только возникновение некоторых антиципации на основе своего опыта взаимодействия с детенышем. Неоднократно рожавшие самки вполне способны предвидеть, что их ожидает при появлении детенышей. Это способствует их более успешному материнскому поведению. Хорошо известно, что опытные самки в родах ведут себя спокойней и уверенней, явно зная, что им делать, и испытывая гораздо больше положительных эмоций сразу при появлении детенышей. Но только у человека возможно представление о том, что такое «материнское чувство» и разочарование от несовпадения реального переживания с этим представлением. В развитии материнского чувства участвует образ будущего ребенка, семейные и культурные модели материнства, собственный опыт. По содержанию класс потребностей в материнстве — это потребности в переживаниях, которые уже известны по своему опыту или представлениям и возникают при взаимодействии с ребенком и выполнении всех материнских функций.

Разобравшись в потребностях, лежащих в основе материнской потребностно-мотивационной сферы, можно перейти к характеристике содержаний составляющих ее блоков.

Содержание материнской потребностно-мотивационной сферы

Потребностно-эмоциональный блок

К этому блоку относятся стимулы гештальта младенчества, эмоциональное отношение к ним, объект — носитель гештальта младенчества и эмоциональное отношение к нему как целостному объекту. Компоненты гештальта младенчества и их пропорции у конкретного носителя могут вызывать разные эмоции матери, в результате младенцы первого полугодия и уже активные дети конца первого года оцениваются матерью по-разному, а результаты деятельности более старших детей вызывают реакцию от умиления их «детскостью» до раздражения Их несоответствием взрослому образцу. То же

самое относится ко всем проявлениям ребенка.

Компоненты гештальта младенчества могут быть «разнесены» по разным объектам: некоторые закрепляются на детенышах животных, некоторые переходят на образ полового партнера и т.п. Возможна и полная замена объекта (чаще всего животными для человека).

К этому блоку относятся все потребности матери. Эти потребности, в случае частичной или полной замены видотипичного объекта (у человека — ребенка), также могут удовлетворяться в разных, не связанных с ребенком деятельности. Исключением не является и потребность в материнстве, если соответствующие переживания «освоены» при взаимодействии с объектами-заместителями.

Операциональный блок

К этому блоку относятся операции ухода, кормления, общения, охраны, а также воспитательные средства, применяемые родителями. Особенностью операций ухода являются, помимо их инструментальной стороны, стиль осуществления, соответствующий физическим особенностям ребенка — в первую очередь, сила прикосновений, расположение рук при держании, пальцев при обработке ребенка и т.п. Лучше всего это обеспечивают движения бережные и ласковые. Умелость движений зависит от уверенности и компетентности матери. Таким образом, регуляция стиля движений, необходимых для ухода за ребенком, обеспечена отношением к нему матери и испытываемыми ею при взаимодействии с ним эмоциями. Характеристикой этих движений будут: уверенность, бережность, ласковость. Стилю прикосновений к ребенку уделяется много внимания в теории привязанности и телесно-ориентированной психотерапии. Д. Винникотт ввел понятие «холдинг», которое имеет широкий смысл (вся забота о ребенке) и узкий (стиль держания ребенка руками).

Особый класс операций составляют операции общения, к которым относится и мимика матери при эмоциональном общении. Это поведение матери является предметом исследования в теориях социального научения и в отечественных исследованиях общения матери с ребенком.

Эмоциональное состояние матери и его проявление в ситуации взаимодействия должны быть адекватны задачам этого взаимодействия. Эмоции матери сопровождают все ее действия, они позволяют ребенку ориентироваться в ситуации, в которой ему еще не ясны связи последовательности действий матери и происходящих с ним самим событий — с переживанием дискомфорта и перспективами его устранения, Э. Эриксон считает, что поведение матери в процессе взаимодействия с ребенком позволяет ему обрести веру в ее помощь и надежду на окончание неприятных переживаний и удовлетворение потребности. За счет этого ребенок научается переживать состояние дискомфорта. Сходного мнения придерживаются Д. Винникотт, М. Кляйн и др. Если обратиться к динамике состояний ребенка в процессе удовлетворения матерью его потребностей, то можно выделить три компонента эмоционального сопровождения матерью этого взаимодействия, наличие и форма сочетания которых будут зависеть от конкретных условий:

1. Эмоциональная реакция матери на выражение ребенком отрицательных эмоций, отражающих его дискомфортное состояние. Конструктивная функция эмоций матери в этом случае состоит не в синхронизации с эмоциями ребенка, а в их устранении. Для этого матери необходимы сострадание, жалость, уверенность в себе и т.п., но никак не страх, боль или гнев, которые переживает сам ребенок. Эмпатия для понимания потребностей ребенка необходима, но выражение матерью во взаимодействии с ребенком однокачественных с ним отрицательных эмоций не может быть расценено как адекватное ситуации. Этот момент достаточно подробно разбирается М. Кляйн и ее последователями.

2. Реакции матери на выражение ребенком положительных эмоций. В этом случае для матери адекватным является переживание эмоций такого же качества. Как показали исследования С.Ю. Мещеряковой, к трем месяцам у ребенка складывается устойчивая потребность в получении от взрослого положительных эмоций. Первой задачей применения ребенком средств общения (комплекса оживления) является обмен положительными эмоциями со взрослым. Однако дальнейшее включение взрослого в эмоциональное санкционирование результатов деятельности ребенка в их совместно-разделенной деятельности требует от взрослого весьма тонкой дифференциации своих реакций на положительные эмоции ребенка.

3. Эмоциональное поведение матери при устранении отрицательного эмоционального состояния ребенка, возникающего при физическом и эмоциональном дискомфорте. Здесь речь идет как раз об участии матери в освоении ребенком способности переживать дискомфорт с «верой и надеждой» на его устранение и возникновение уверенности в участии в этом матери.

Компоненты эмоционального сопровождения матери являются производными от содержания потребностей и особенностей ценностно-смыслового блока ее материнской сферы. Каждый компонент и их сочетание могут быть выражены у матери по-разному. Можно описать четыре основных типа

индивидуальных стилей эмоционального сопровождения матерью процесса взаимодействия с ребенком:

1. Адекватная реакция матери' на отрицательную эмоцию ребенка возникает чувство тревоги и жалости, которое быстро переходит в фазу «делового сосредоточения и уверенности»; положительные эмоции матери по интенсивности адекватны контексту взаимодействия; при устранении отрицательных состояний ребенка мать восстанавливает с ним контакт (обеспечивает эмоциональный комфорт), использует успокаивающие, ободряющие и обещающие интонации и высказывания, демонстрирует стимулы, «продвигающие» к моменту удовлетворения потребности ребенка (комментирует свои действия, объясняет, что будет дальше, интерпретирует состояние и поведение ребенка так, как будто он понимает значение ее действий, включает элементы эмоционального общения и т.п.).

2. Усиление эмоций ребенка (как отрицательных, так и положительных). При отрицательных эмоциях ребенка у матери возникает чувство тревоги, страха, растерянности, паники. Усиление положительных эмоций ребенка носит характер эйфорического переживания, неадекватного контексту взаимодействия. При удовлетворении потребностей ребенка мать синтонирует его состояние, не демонстрирует поддержки, не делает акцент на этапах «продвижения» к моменту удовлетворения потребности ребенка

3. Игнорирование эмоций ребенка. Выражается в поведении по типу «формального общения», может сопровождать как отрицательные, так и положительные эмоциональные реакции ребенка и процесс взаимодействия. В этом случае характерен сосредоточенно-деловой стиль поведения матери, она обращается с ребенком только как с объектом ухода, а не как с субъектом переживаний.

4. Осуждение эмоций ребенка. Выражается в соответствующих эмоциях матери от осуждения до агрессии, может сопровождать как отрицательные, так и положительные эмоции ребенка и процесс взаимодействия. При таком стиле отрицательные эмоции ребенка расцениваются как слишком сильные, к ребенку предъявляются неадекватные его возрасту требования «терпеливости» и т.д. При удовлетворении потребностей ребенка мать расценивает его действия как неуместные или мешающие ей. Положительные эмоции ребенка воспринимаются как неадекватные по интенсивности, неуместные, несвоевременные.

Описанные типы эмоционального реагирования матери могут сочетаться в разных соотношениях, давая в результате индивидуальный стиль эмоционального сопровождения, присущий матери. Генезис этого стиля зависит от истории развития материнской сферы женщины, причем одной из основных составляющих этого развития является реакция матери на компоненты гештальта младенчества (набор физических, поведенческих, результативных проявлений ребенка). Возрастные изменения гештальта младенчества обеспечивают динамику развития материнского стиля эмоционального сопровождения. Эта динамика также может быть разной, что зависит как от истории развития материнской сферы женщины, так и от конкретных условий актуального материнства. Можно выделить три основных типа динамики эмоционального сопровождения матери:

1) Развивающий тип, когда мать ориентируется на достижения в развитии ребенка, ее поведение стимулирует ребенка проявлять больше активности. Если ребенок не производит действий, ожидаемых матерью, она повторяет и модифицирует свое поведение, добиваясь ожидаемых результатов и радуясь им. Такое поведение матери описывается как поддерживающее, фасилитирующее, стимулирующее активность ребенка, в отечественной психологии рассматривается как ориентация матери на зону ближайшего развития.

2) Тип «следования за гештальтом младенчества». В этом случае мать достаточно отзывчива к ребенку, но ее поведение является как бы фиксирующим его достижения в развитии. В благоприятных условиях она осваивает новые формы взаимодействия и эмоционального реагирования вслед за появлением новых особенностей поведения ребенка, но не превосходит их.

3) Неадекватный тип. При таком типе динамика эмоционального поведения матери не соответствует динамике развития ребенка. Чаще всего это бывает при разном качестве компонентов ее эмоционального сопровождения и отношения к разным компонентам гештальта младенчества. В этом случае положительная реакция на ребенка в эмоционально-личностном общении может смениться на игнорирующий тип или даже осуждающий (раздражение), на попытки ребенка включить мать во взаимодействие с предметами в совместно-разделенной деятельности и т.п.

Ценностно-смысловой блок

Этот блок включает отношение матери к ребенку как самостоятельной ценности и ценность материнства как состояния «быть матерью». Обе ценности связаны как с потребностями материнской сферы, так и с культурными моделями материнства и детства. Эти ценности, поскольку им соответствуют содержания культурных моделей, сами участвуют в развитии потребностей

индивидуальной материнской сферы. Поскольку ценностно-смысловой блок конкретной потребностно-мотивационной сферы поведения в своем генезисе связан с общей структурой ценностно-смысловых ориентации личности матери, то естественно, что ценности ребенка и материнства интерферируют с другими ценностями матери, и эта интерференция является динамичной, изменяющейся в процессе жизни матери и ее взаимодействия с ребенком. Наибольшим влиянием «внедряющихся» из других потребностно-мотивационных сфер поведения ценностей подвержена ценность ребенка.

Можно выделить 4 основных типа ценности ребенка: эмоциональная (основное содержание взаимодействия с ребенком — положительно-эмоциональные переживания матери); повышено-эмоциональная (с вариантами: аффективная, эйфорическая или концентрация на ребенке всей потребности в эмоциональной привязанности при отсутствии других объектов эмоциональной привязанности у матери); замена самостоятельной ценности ребенка на ценности из социально-комфортной сферы (ребенок — как средство для достижения других ценностей: повышение социального и семейного статуса матери, избавление от страха одиночества в будущем, реже как источник материального благополучия и т.п.); полное отсутствие ценности ребенка.

Исследования взаимоотношений матери с ребенком дошкольного возраста и с детьми других возрастов позволяют говорить о соответствии эмоционального благополучия ребенка и его ценности для матери. Поскольку ценность ребенка является результатом развития всей материнской сферы на всех этапах онтогенеза матери, то можно считать, что для исследуемого культурного варианта — евро-американской модели материнства и детства — эмоциональная ценность ребенка является оптимальной, обеспечивающей формирование высокого уровня эмоционального благополучия ребенка. Предыдущий анализ филогенеза материнской потребностно-мотивационной сферы поведения позволяет предположить, что эмоциональная ценность ребенка вообще является ядерным образованием в ценностно-смысловом блоке и основана на потребности в эмоциональном контакте у матери и ее объединении с потребностью во взаимодействии с объектом, носителем гештальта младенчества. При заполненности потребности в эмоциональном контакте матери другими, кроме ребенка, объектами (собственной матерью, другими членами семьи и т.д.) ценность ребенка в процессе взаимодействия с ним приобретает специфическое и самостоятельное мотивационное значение, которое можно определить как ценность эмоционального взаимодействия с ребенком, имеющую свою специфику по сравнению с эмоциональным общением с другими партнерами. Эта специфика связана с особенностями ребенка, его инфантильными качествами, имеющими в эмоциональном взаимодействии самостоятельную мотивационную значимость, а также с отсутствием ответных ресурсных затрат матери, предполагаемых в общении с равным по возрасту партнером.

Привнесение в эмоциональную ценность ребенка элементов объекта эмоциональной привязанности, объекта привязанности, снижение эмоциональной ценности, привнесение элементов ценностей из социально-комфортной сферы (ребенок — средство обеспечения этих ценностей), из половой сферы может быть рассмотрено как формирование конкретно-культурного варианта ценности ребенка, соответствующего конкретно-культурной модели материнства и детства и обеспечивающего содержание материнских функций для формирования особенностей личности ребенка, соответствующих культурной модели. Однако наличие различных ценностей ребенка у матерей внутри одной культуры показывает, что в пределах одной конкретно-культурной модели существуют индивидуальные содержания ценностно-смыслового блока материнской сферы.

На основе собственных исследований автора и имеющихся в литературе данных сформулировано понятие внедряющихся ценностей (из других потребностно-мотивационных сфер), интерферирующих с ценностью ребенка. Эти ценности названы «внедряющимися» относительно содержания ценностно-смыслового блока материнской потребностно-мотивационной сферы. Внедряющиеся ценности могут быть доминирующими в субъективном пространстве женщины по отношению к появившейся ценности ребенка, и тогда тип их интерференции обозначается формулой « $i \rightarrow v$ ». Если доминирует ценность ребенка, в которую внедряются другие ценности, то это обозначается формулой « $v \rightarrow i$ ». Усиление интерференции обозначается двойными стрелками. Гармоничный баланс ценностей (ценность ребенка естественно встраивается в иерархию ценностно-смысловых ориентации) обозначается формулой: « $i = v$ ». Тенденция к победе какого-либо типа ценностей обозначается его знаком с дробью (например, « $i \rightarrow v/i$ »: ценность ребенка внедряется в другие изначально актуальные для женщины ценности и берет над ними верх).

Содержание внедряющихся ценностей обозначается (условно) следующим образом: ценности из социально-комфортной сферы (обеспечение физического и эмоционального комфорта, не связанного с ребенком, овладение профессией, стремление к развлечениям, общению с друзьями и т.п.); ценности из

личностной сферы (стремление к самореализации, половозрастной идентификации средствами, не связанными с рождением ребенка), ценности половой сферы (самостоятельная ценность сексуальных переживаний, не связанная с репродуктивной функцией).

Полученные при изучении беременных женщин, матерей с младенцами и детьми раннего и дошкольного возраста (Г.Г. Филиппова, В.И. Брутман, И.Ю. Хамитова и др.) данные позволили охарактеризовать соотношение ценности ребенка с внедряющимися и тип динамики этих соотношений, адекватная ценность ребенка с тенденцией к балансу ценностей; повышенная ценность ребенка с тенденцией к сдвигу в сторону исключительной ценности ребенка; недостаточная ценность ребенка с тенденцией к сдвигу в сторону ценности ребенка; недостаточная ценность ребенка с тенденцией к сдвигу в сторону внедряющихся ценностей. Ценность ребенка для матери устойчиво соотносится с уровнем эмоционального благополучия ребенка. В группе матерей с детьми-дошкольниками эмоциональная ценность ребенка сочеталась с высоким уровнем эмоционального благополучия у детей в 100 % случаев. Ценность ребенка, по содержанию выражаемая заменой из социально-комфортной сферы и неадекватно повышенная, преимущественно сочетались со средним уровнем эмоционального благополучия детей в 81,5% случаев, в единичных случаях с низким уровнем (например, при наличии острой разводной ситуации в семье). Снижение ценности ребенка сочеталось с самым низким уровнем эмоционального благополучия у детей — 1 и 0 баллов — в 77,8% случаев.

Динамика типа интерференции ценностей «ребенок — внедряющиеся» основана на особенностях онтогенеза материнской сферы матери и конкретном содержании ее взаимодействия с ребенком.

Сложно говорить о филогенетических предпосылках ценностей ребенка и материнства. На дочеловеческих уровнях развития речь может идти только о значении для матери ее реальных детенышей и влияния внешних условий и состояния матери на ее отношение к ним и поведение. Однако есть смысл говорить о существовании в сообществе общего, уже существующего до появления самой матери отношения к детенышам, которое включено в развитие ее материнской сферы

Проблема развития материнской потребностно-мотивационной сферы в онтогенезе

Все содержания материнской сферы, как уже ясно, существенным образом зависят от особенностей онтогенетического развития матери. В психологии выделяются разные формы опыта, участвующие в этом развитии. Д. Винникотт говорит, что способность матери «быть достаточно хорошей матерью» формируется на основе ее опыта взаимодействия с собственной матерью, в игре, во взаимодействии с маленькими детьми в детстве, а также в процессе собственной беременности и материнства. Д. Рафаэль-Лефф также считает, что женщина начинает становиться матерью с раннего детства. В Китае существует поговорка, что девочка не станет хорошей матерью, если не будет любить своего будущего ребенка с детства. Самым решающим считаются отношение с собственной матерью и семейная модель материнства. В зарубежной психологии выделилось самостоятельное направление, предметом которого являются материнско-дочерние отношения. Однако в книге Р.М. Shereshefsky и L.J. Yarrow «Psychological aspects of a first pregnancy and early postnatal adaptation» выделено более 700 факторов, влияющих на успешную адаптацию к беременности и материнской роли, среди которых устойчиво коррелирует с таковой успешностью только опыт взаимодействия с младенцами в допубертатном возрасте.

В биологии поведения важными для формирования материнского поведения считаются опыт отношений с матерью, опыт взаимодействия с детенышами до половой зрелости для видов, ведущих групповой образ жизни, и опыт собственного материнства.

Во всех исследованиях материнства отмечается, что простое выделение разных факторов и форм опыта в жизни женщины и общества не дает возможности полноценно представить развитие материнской сферы. Привлечение сравнительно-психологического материала и выделение материнства как самостоятельной потребностно-мотивационной сферы позволяет структурировать ее онтогенез как развитие соответствующих потребностей, операционального и ценностно-смыслового блоков. Такое развитие начинается с самого начала жизни матери и проходит ряд онтогенетических этапов.

3.3. Онтогенез материнской потребностно-мотивационной сферы

Общие замечания

На основании исследований по биологии и психологии материнства можно выделить шесть этапов развития материнской потребностно-мотивационной сферы в онтогенезе: этап взаимодействия с собственной матерью, игровой, этап нянчания, этап дифференциации мотивационных основ

материнской и половой сфер, взаимодействие с собственным ребенком и последний этап, на котором у матери образуется привязанность и любовь к ребенку как личности. Все эти этапы имеют разные возрастные границы и разную роль в возникновении и развитии содержаний всех блоков материнской потребностно-мотивационной сферы. Например, первый этап (взаимодействие с собственной матерью) для человека охватывает практически всю жизнь, включая не только ранний онтогенез, отношения с матерью в процессе взросления и воспитания собственного ребенка, но и влияние образа матери на материнскую сферу женщины до конца ее жизни.

Особенности материнской сферы являются относительно устойчивыми для каждой женщины. Однако они варьируются для каждого конкретного ребенка. К моменту рождения ребенка у матери есть некоторый «стартовый уровень» содержаний всех блоков материнской сферы, обусловленный историей ее развития, включая опыт, полученный с предыдущими детьми. Актуальное материнство (взаимодействие именно с этим ребенком) модифицирует содержание материнской сферы в зависимости от конкретных условий. Наиболее устойчивыми являются стиль эмоционального сопровождения, некоторые другие содержания операционального блока (операции общения, baby talk, воспитательные стратегии и др.). Более вариативен потребностно-эмоциональный блок (потребность во взаимодействии с ребенком, потребность в заботе и охране и особенно потребность в материнстве, наиболее подверженная опыту собственного материнства). Ценностно-смысловой блок является самым лабильным и зависит от развития всей личности и динамики других ценностей. Интерференция ценностей ребенка и материнства с другими внедряющимися ценностями существенно изменяется непосредственно в актуальном материнстве, то есть на пятом этапе онтогенетического развития.

Говоря о развитии материнской потребностно-мотивационной сферы, ее следует относить к конкретному ребенку, который является объектом этой сферы в данном случае. Содержание материнской сферы может различаться (в определенных индивидуальных рамках) у одной женщины относительно ее разных детей.

Первый этап. Взаимодействие с собственной матерью

Этот этап начинается с внутриутробного периода развития и продолжается практически всю жизнь женщины. Наиболее значимым является младенческий и ранний возраст, когда у ребенка сохраняется гештальт младенчества. Этот период жизни сам по себе является сензитивным для формирования базовых основ личности и отношения к миру. Исследования привязанности показали, что существуют внутрисемейные циклы непрочной привязанности, передающиеся по материнской линии. Разные формы непрочной привязанности матери являются источником непрочной привязанности ребенка [Ricks и др.]. Качество материнско-дочерних связей и его влияние на материнскую сферу женщины определяется, помимо привязанности, стилем их эмоционального общения, участием матери в эмоциональной жизни дочери, причем важным считается изменение такого участия со стороны матери в соответствии с возрастными изменениями эмоциональной сферы дочери. Большое значение имеет удовлетворенность матери ее материнской ролью [Shereshefsky and Yarrow, von Mens-Verhulst and all и др.].

Исследования на животных и человеке показали, что взаимодействие с собственной матерью меньше сказывается на родительском поведении будущих отцов, чем будущих матерей. Для мальчиков (и самцов у приматов) нарушения их отношений с матерью большее влияние оказывают на половую сферу и социальную, а также на развитие мотивации достижений. Для девочек же это прямо связано с их материнской сферой [Gomber and Mitchell, Shereshefsky and Yarrow и др.].

С. Фанти, М. Марконе и другие представители микросихоанализа считают, что начало развития будущего отношения матери к ее ребенку закладывается еще внутриутробно на основе первых эмоциональных конфликтов матери с плодом и продолжается в младенчестве. Во время беременности у женщины актуализируется этот эмоциональный опыт, который влияет на содержание ее собственного материнства.

Как было видно из анализа развития ребенка, возможность для реакций ребенка на стимуляцию от матери и ее встраивание в регуляцию своих отношений с миром реально появляется во второй половине внутриутробного периода. Однако участие этого опыта в развитии материнской потребностно-мотивационной сферы не может рассматриваться как прямое и непосредственное. Для уточнения этого процесса рассмотрим развитие всех блоков материнской сферы на этом этапе.

Потребностно-эмоциональный блок

Потребность во взаимодействии с ребенком как объектом — носителем гештальта младенчества объединяет переживания при физическом контакте, особенности самого процесса взаимодействия, эмоциональное общение. Все эти составляющие отличны от таковых при контакте с другими

партнерами. Их особенностью является устойчивый положительно-эмоциональный фон переживаний матери, который связан с компонентами гештальта младенчества. Он отражает эмоциональный смысл взаимодействия с объектом — носителем гештальта младенчества. Объект, которому этот гештальт свойственен, еще не может быть выделен в субъективном опыте плода и ребенка первой половины младенчества. Но сам эмоциональный смысл ситуации уже доступен. Ситуация возникает в присутствии некоторого набора стимулов, отражаемых в субъективном опыте ребенка. Это два ряда стимулов: компоненты гештальта младенчества и определенные изменения эмоционального состояния и поведения матери.

Реакция на сами компоненты гештальта младенчества имеет сложный генезис. До того момента, как ребенок столкнется с этими стимулами, принадлежащими конкретным объектам-носителям, некоторые характеристики этих стимулов он имеет возможность воспринять раньше от собственной матери. Это вкус и запах околоплодной жидкости и молока, цвет кожи лица и груди матери, некоторые характеристики ее речи (особенно *baby talk*, в котором есть элементы инфантильных вокализаций, имитация звуков самого ребенка), а также стимуляция от груди матери в тактильной модальности (упругость, гладкость кожи, подкожный слой жира, структура молочной железы). Изменения внешнего вида матери и состояния ее кожи в беременности таковы, что приближаются к инфантильным, большое количество жидкости в тканях, образование подкожной жировой прослойки и т.д. Судьба этих качеств в дальнейшем онтогенезе непростая, они участвуют в образовании объектов деятельности не только материнской, но и комфортной, половой, пищевой сфер. В данном случае следует отметить их роль в материнской сфере поведения.

Первоначально обладателем целостного гештальта младенчества является сам ребенок (явно или в представлении матери), а изменения в ситуации взаимодействия, которые доступны ребенку, происходят в стимуляции от матери. Это ее изменение своего эмоционального состояния, которое ребенок во второй половине внутриутробного периода определяет по ее гормональному фону и соответствующим изменениям в сердцебиении, вокализациях, стиле движений, прикосновениям, а также специфическим особенностям речи, характерным для взаимодействия с ребенком. В родах ребенок, обладая повышенной сензитивностью к восприятию стимулов от матери и способностью имитации выражения ее лица, получает первый реальный опыт переживания эмоционального смысла ситуации взаимодействия матери с ним самим. Поскольку поведение матери в родах и после них существенно зависит от ее отношения к ребенку и общего содержания материнской сферы [Grossman et al., Shereshefsky and Yarrjw, Fraiberg и др.], то новорожденный получает возможность подкрепить свои первые впечатления в послеродовом периоде. После рождения к уже освоенным стимулам прибавляются выражения лица матери и особенности общения. Ребенок имеет возможность перенести имеющийся эмоциональный опыт сначала на ситуацию своего взаимодействия с матерью, а затем, после развития предметного восприятия, объединять этот опыт с ситуацией взаимодействия взрослых с другими объектами — носителями гештальта младенчества. Эти объекты могут быть разными: другие дети, детеныши животных, игрушки, предметы обихода с соответствующими изображениями и т.п. Следует признать, что в современном обществе все большая доля приходится на игрушки и предметы обихода (то есть объекты-модели), гораздо меньше объектов — заместителей животных, встречаются объекты — заместители взрослые, которые сами демонстрируют во взаимодействии инфантильные черты, и другие взрослые проявляют к ним соответствующее отношение, но, видимо, меньше всего настоящих объектов — детей младенческого возраста. При обследовании беременных и матерей в женских консультациях и детских садах г. Москвы оказалось, что многие из них увидели впервые вблизи младенца и имели с ним контакт после полового созревания, а часто это был их собственный ребенок.

После окончания раннего возраста ребенок уже осознает себя как представителя «детской группы». В этом возрасте возможна рефлексия разницы эмоционального смысла взаимодействия матери и других взрослых с объектами — носителями гештальта младенчества и самим собой.

Таким образом, к моменту собственной первой встречи с целостным живым объектом — носителем гештальта младенчества у ребенка образуется достаточно сформированное представление об эмоциональном смысле самой ситуации такого взаимодействия. Позднее на основе опыта своих отношений со взрослыми, отношений матери и других взрослых к объектам, гештальт младенчества которых имеет разные возрастные варианты, возникает дифференциация эмоционального отношения к компонентам гештальта младенчества и степени их выраженности. Этому способствуют имеющиеся в культуре художественные средства воспитания и развлечения ребенка (сказки, картинки, мультфильмы и кинофильмы и многое другое). Особенности этих средств заключаются в том, что в героях специально

акцентируются определенные качества и дается их оценка. Отношение взрослых, опосредующее воздействие на ребенка этих средств, позволяет ему более конкретно выделить, какие именно компоненты гештальта младенчества и в каком сочетании и интенсивности связаны с какими модификациями эмоционального смысла взаимодействия с их носителями.

Модель поведения взрослых влияет и на образование самого объекта материнской сферы. Такой носитель гештальта младенчества, как детеныш высших животных, может в конкретных условиях жизни ребенка получить статус объекта для эмоционального взаимодействия, заботы, стать желанным в тактильном контакте и т.п. При этом те же самые качества у настоящего ребенка оказываются ближе к отрицательному полюсу. Например, непосредственное проявление матерью эмоций при возне со щенками, качество и количество тактильного контакта сильно отличаются от ее сдержанности в общении со своим ребенком и реакции на его инфантильную результативность. Разница отношений членов семьи к детям, основанная как на субъективных, так и объективных причинах (болезненность одного из детей, дети от разных отцов и т.п.), способствует большой дифференциации самих объектов материнской сферы. При неустойчивом, непредсказуемом со стороны ребенка отношении матери, которое зависит только от ее состояния, а не от объективных условий ситуации взаимодействия, развивается амбивалентное отношение к носителю гештальта младенчества.

Взаимодействие с собственной матерью и наблюдение за взаимодействием других взрослых с разными объектами — носителями гештальта младенчества касается и других потребностей материнской сферы. Как взрослые воспринимают и переживают необходимость заботы о ребенке, как перераспределяются их роли, способны ли они включать в этот процесс эмоциональное общение, как переживают эффективность своей заботы и т.п. — все это наполняет содержанием потребность в заботе и охране у самого ребенка.

Эмоциональное переживание взрослым ситуации взаимодействия с ребенком (как объектом — носителем гештальта младенчества) в процессе взаимодействия ребенка с матерью и другими взрослыми становится не только принадлежностью ситуации, но и свойством самого взрослого. Это имеет прямое отношение к наполнению содержанием потребности в материнстве. Дети прекрасно понимают состояние самих взрослых и стремятся это состояние разделить, особенно на ранних этапах развития общения. Достижением ситуативно-личностного общения является понимание состояния другого. Выделение в субъективном опыте ребенка состояния матери в ситуации взаимодействия с ребенком и в других ситуациях происходит уже к концу раннего возраста и хорошо выражено в сюжетно-ролевой игре детей-дошкольников.

Позднее, в период полового созревания, влияние оказывает отношение матери к возможности или к реальной беременности женщины, к прерыванию беременности, ее участие в подготовке к родам и в послеродовом периоде. В этом возрасте трудно разделить содержания потребностно-эмоционального и ценностно-смыслового блоков, испытывающих влияние от модели поведения и переживаний собственной матери.

Операциональный блок

В операциональном блоке на основе взаимодействия с матерью формируются стиль эмоционального сопровождения, компоненты baby talk, некоторые конкретные операции общения и ухода и эмоциональная окраска этих операций, придающая им необходимый стиль. Все содержания операционального блока достаточно полноценно выражены в поведении собственной матери и других исполнителей материнских функций и могут рассматриваться как семейная модель. От матери в большей степени зависят стиль эмоционального сопровождения и общий стиль тактильного контакта с ребенком. Такие операции общения, как глазной контакт, эмоционально-выразительные средства принадлежат не только материнской сфере и должны расцениваться как проецирующиеся в нее из сферы общения. Однако способы употребления матерью глазного и тактильного контактов во взаимодействии с дочерью отражаются на ее дальнейшем материнском поведении, хотя не прямо его повторяют. Более всего передается дочери использование взгляда в глаза как средства положительно-эмоционального контакта (или его отсутствие). Достаточно устойчиво передается от матери к дочери адекватный стиль эмоционального сопровождения. Остальные модификации этого стиля устойчиво ведут к изменению адекватного эмоционального сопровождения, но конкретный его вариант зависит от многих сопутствующих влияний: других взрослых, друзей, развития полового поведения, качества привязанности и особенностей сферы общения.

Достаточно полноценно осваивается во взаимодействии с матерью (и другими взрослыми, выполняющими материнские функции) способ речевого общения с младенцем — baby talk. Он может затем адекватно проявляться даже без дальнейшего «упражнения» во взаимодействии с маленькими

детьми. Как известно, элементы такой речи употребляются в эмоционально-насыщенном общении между взрослыми, по отношению к собственным родителям, половым партнерам и имеют смысл успокаивания, утешения, умиления и демонстрации покровительственного отношения и т.п. Употребление такого типа речи взрослыми можно рассматривать как их индивидуальную характеристику (по степени выраженности и ситуативности).

Ценностно-смысловой блок

Возникновение и развитие ценности ребенка происходит в два этапа сначала в процессе освоения эмоционального смысла взаимодействия с ним возникает ценность самого себя как ребенка. Отсюда берет начало переживание значения контакта взрослых с собой, общения, заботы о себе и т.п. В зависимости от содержания этих компонентов в поведении близких взрослых у ребенка может сформироваться стремление к проявлению только такой заботы, в процессе которой взрослые демонстрируют свое эмоциональное отношение к нему. В этом случае ребенок может стремиться сохранить свою зависимость или научиться попадать в ситуации, требующие повышенной заботы и внимания (болезнь, несчастные случаи и т.п.). Другим вариантом служит стремление ребенка к получению «отрицательного внимания», описанное в детской психологии. В каждом возрасте необходимо изменение акцента взрослых на содержание взаимодействия с ребенком.

Во взаимодействии с носителями гештальта младенчества и наблюдении за таким взаимодействием других взрослых образуется ценность ребенка для себя. Это развитие связано с ценностью себя как ребенка и может вести как к появлению стремления к взаимодействию, так и ревности, ненависти, брезгливости и т.п. Этот процесс в большей степени относится к последующим этапам развития. Пока речь может идти только об объединении ценности себя как ребенка с ценностью для взрослых других обладателей гештальта младенчества.

Относительно ценности материнства речь может идти только о возникновении модели материнства своей матери как субъекта, испытывающего определенные эмоции в ситуации взаимодействия с ребенком. Можно допустить, что ребенок, по крайней мере в конце раннего возраста, воспринимает отношение других к своей матери, как имеющей ребенка. Позднее включается оценка самой матерью отношения к себе других, как к матери, рефлексия дочерью степени удовлетворенности матери своим материнством. Все это входит в модель материнства собственной матери и ее соотношение с семейной и культурной моделями.

Таким образом, на первом этапе формируются эмоциональный смысл материнско-детского взаимодействия и эмоциональная реакция на стимулы гештальта младенчества, в основном его первый компонент, что является основой развития всех трех потребностей материнской сферы. Это происходит в процессе собственного взаимодействия с матерью и другими носителями материнских функций и при наблюдении за их взаимодействием с другими объектами — носителями гештальта младенчества. В операциональном блоке формируется эмоциональная основа операции ухода и стиля эмоционального сопровождения, запечатление ситуации и компонентов baby talk. В ценностно-смысловом блоке — основное содержание ценности ребенка и ценности материнства, транслируемые матерью и другими носителями материнских функций.

Второй этап. Развитие материнской сферы в игровой деятельности

Этот этап развития материнской сферы, несмотря на большое значение игровой деятельности в развитии психики ребенка вообще, мало исследован в плане развития материнства. Он интерпретируется в разных психологических подходах в зависимости от взглядов на роль игры в развитии личности (проигрывание личностных конфликтов в психоанализе, развивающая функция игры в отечественной психологии и т.п.). Однако все соглашаются с тем, что в сюжетно-ролевых играх в дочки-матери и в семью происходят конкретизация и развитие некоторых компонентов материнской сферы. С точки зрения отечественного подхода важным является включение содержания материнства именно в сюжетно-ролевую игру, в которой девочка принимает на себя роль матери. Это игры с куклой-младенцем или с другими детьми, где они исполняют роли матери и ребенка. В разновозрастных группах детей распространены игры в дочки-матери и в семью, где роль ребенка отводится младшим детям. По логике развития самой сюжетно-ролевой игры первоначально возникают сюжетно-отобразительные действия (кормление куклы, укачивание), а затем принятие на себя роли матери. Проживание в роли состояний своего персонажа, идентификация с ним, моделирование в игровых ситуациях реальных событий из жизни дает возможность «отработки» не только мотивационных основ, но и операционального состава материнской сферы. С этой точки зрения сюжетно-ролевая игра в дочки-матери не может быть заменена режиссерской (например, с Барби), последняя может рассматриваться только как дополнительный элемент в столь необходимом игровом опыте.

Потребностно-эмоциональный блок

В процессе игры с куклой-младенцем происходит дальнейшее образование объекта материнской сферы. Кукла является моделью ребенка, причем с акцентированными младенческими признаками. Такой акцент облегчает закрепление гештальта младенчества на ребенке. Условность игрушки позволяет свободно разыгрывать различные ситуации, наделять куклу разными свойствами и способностями, помогая формировать свой собственный образ младенца и способы взаимодействия с ним. Усиление конкретности в образе куклы, наделение ее определенными свойствами (движения, звуки и т.п.) обедняют собственную фантазию ребенка и «клишируют» игровые действия по обыгрыванию именно этих свойств. Приближенность образа к реальному младенцу и богатство атрибутики предпочтительна для детей старшего дошкольного возраста, однако только при условии полноценного развития игры с более обобщенной игрушкой.

В игре с куклой участвует и отношение взрослых как к самим куклам, так и к играм девочки. Конкретное влияние на развитие эмоционального отношения к ребенку можно усмотреть только в особенно ярких случаях извращения отношения взрослых. Например, выкалывание отчимом глаз кукле, выбрасывание любимой куклы в наказание и т.п. Понятно, что эти факты влияют на эмоциональное отношение к ребенку не сами по себе, а в сочетании со многими другими.

Содержание игр дошкольников свидетельствует, что девочки реально опробуют и модифицируют модель материнства своей матери, обогащая ее как собственной фантазией, так и опытом других детей.

Операциональный блок

В игре происходит конкретное упражнение всех операций материнской сферы поведения. Девочки проигрывают все свои впечатления от наблюдений за материнско-детскими взаимодействиями, активно употребляют baby talk, операции кормления и ухода. В старшем дошкольном возрасте этому способствует конкретная игровая атрибутика.

Ценностно-смысловой блок

Относительно ценностей ребенка и материнства влияние игрового этапа не требует подробных комментариев. В исследовании беременных и матерей с детьми дошкольного возраста количественное заполнение и качественные особенности этого этапа (содержание игр с куклами) соотносится с общей ценностью ребенка и материнства и является в этом отношении логическим продолжением первого этапа развития. Значение, которое придавалось кукле в народной педагогике, свидетельствует об осознании связи игры в куклы с развитием материнства. В России кукла передавалась от матери к дочери, специально изготавливалась для дочери. Куклу наряжали к празднику, вывозили в гости, на смотринах невесты она служила доказательством готовности девушки к роли хозяйки и матери. Эти традиции помогали сохранять и поддерживать культурную и семейную модели материнства. В современном обществе на этом этапе развития полноценной замены усмотреть не удается.

Третий этап. Няньчание

В биологии большое значение придается опыту взаимодействия молодых животных с детенышами младенческого возраста. Такую возможность получают подрастающие детеныши приматов и некоторых других стадных млекопитающих. Наиболее распространено няньчание у приматов. Детеныши младенческого возраста вызывают большой интерес у старших. Однако мать позволяет контактировать с младенцем только своим старшим детенышам. У шимпанзе мать сначала разрешает старшему только прикасаться к детенышу, а после трех месяцев — взаимодействовать с ним под своим присмотром. Примерно с четырех месяцев малыша доверяют старшему для самостоятельного няньчания. В него входит переноска детеныша, игра с ним, некоторые элементы груминга (взаимного обыскивания), который в основном носит характер контакта и ласки, охрана от посягательства других подростков. Кормление, уход за шерстным покровом и кожей детеныша, переноска на дальние расстояния, защита от серьезной опасности осуществляются матерью. На долю старшего детеныша (обычно это старшая дочь, реже младшая сестра) приходится то, что в наибольшей степени связано с общением и получением удовольствия от контакта, без груза ответственности за обеспечение жизненно важных для малыша функций.

В психологии отмечается только важность для женщины опыта взаимодействия с младенцами в детском возрасте. Результатом такого опыта является, помимо освоения некоторых навыков обращения с ребенком, появление к нему интереса и положительно-эмоционального отношения. К сожалению, границы сензитивного периода, особенности взаимоотношения с младенцами, содержание субъективного опыта и его роль в развитии материнской сферы недостаточно изучены. Исследования развития материнской потребностно-мотивационной сферы поведения в разных возрастах

(дошкольники, подростки, беременные, отказницы, матери с младенцами и детьми-дошкольниками) позволили более конкретно охарактеризовать этот этап.

Этап нянчания имеет достаточно четкие возрастные границы. Он начинается примерно с 4,5 лет, когда хорошо развита сюжетно-ролевая игра, и заканчивается к началу полового созревания. Наиболее сензитивным является возраст от 6 до 10 лет. К этому возрасту уже сформированы реакции на компоненты гештальта младенчества, их объединение на объекте-носителе, есть представление о специфике взаимодействия взрослых с младенцами и его обыгрывание с моделью-куклой. Дети хорошо дифференцируют возрастные характеристики других детей, в их собственном развитии появляется произвольность, превосходящая функция эмоций, планирование и способность отвечать за свои поступки. Именно в среднем дошкольном возрасте, освоив взаимодействие со взрослым в процессе ситуативно-делового общения (до конца раннего возраста), дети проявляют стремление к участию в «настоящей» деятельности взрослых, так как помимо желания у них есть уже для этого определенные возможности. Характерным для этого возраста является стремление и готовность ребенка к овладению социальными эталонами поведения, что проявляется в увеличении доли игр с правилами, окончании периода словотворчества и возникновении грамматически правильной речи, появлении образцов для поведения и т.п. Развитие потребности в эмоциональном общении со взрослым в ситуативно-личностном общении и освоение в младшем дошкольном возрасте эмоционального общения со сверстниками в совместных играх позволяет пяти-шестилетним детям усмотреть во взаимодействии с младенцем источник богатых впечатлений и удовольствия. Ярко проявляемые младенцами эмоции в общении, их инициатива и не ограниченный воспитательными функциями (как у взрослых) искренний эмоциональный отклик во взаимодействии и игре, возможность осуществить с реальным объектом освоенные в сюжетно-ролевой игре действия и переживания создают прекрасные условия для закрепления на живом младенце всех сформированных прежде компонентов материнской сферы. Следует отметить также, что к старшему дошкольному возрасту развитие сюжетно-ролевой игры характеризуется смещением интереса детей от условных игрушек к конкретным. Таким образом, живой младенец «попадает точно в цель» относительно всех сторон психического развития старшего ребенка.

Это подтверждается и кросскультурными исследованиями. В культурах, где в качестве нянек используются старшие дети, им в возрасте от 6 до 8 — 9 лет доверяют шестимесячных младенцев. После этого мальчики начинают участвовать во взрослой деятельности мужского населения, а девочки — в домашнем хозяйстве, продолжая опекать «своего» младшего или частично помогать в нянчании вновь появившихся младенцев. Естественный перерыв в родах у человекообразных обезьян составляет 4-5 лет, в примитивных культурах, где большая часть заботы о ребенке приходится на мать, этот разрыв примерно такой же. У новогвинейского племени манус, по описанию М. Мид, при рождении ребенка над матерью произносят заклинание: «Да не родить тебе следующего ребенка, пока этот не побежит и не поплывет». Имеется в виду научиться управлять пирогой, поскольку вся жизнь манус связана с водой. Только в культурах, где материнские функции распределяются между многими членами семьи и племени, возможны более короткие перерывы в родах. В этом случае каждый шестилетний ребенок получает «своего» младшего, имея возможность более или менее тесного и продолжительного контакта с младенцами неоднократно в течение дальнейшей жизни. Наиболее интересна последовательность введения старшего ребенка в контакт с младшим. В первые дни и недели в большинстве случаев у матери с новорожденным ограничен контакт с другими членами семьи. Последним либо вообще запрещено приближаться и дотрагиваться до ребенка, либо допускается ограниченный тактильный и эмоциональный контакт. В возрасте нескольких недель, когда у младенца появляются эмоциональные реакции на взрослых, старшие дети активно привлекаются к эмоциональному контакту и играм с младенцем, чуть позже им доверяют забавлять и успокаивать малышей, но только с шести месяцев, когда младенец может сам сидеть и начинает ползать, увеличивается перерыв в кормлениях и вводится прикорм, он передается старшим детям на более длительное время. Описания М. Мид, J.K. Nugent с соавторами, Weisner и Gallimor, Sternglanz и Nash и других исследователей свидетельствуют, что в течение первого и второго года основное обеспечение нужд ребенка осуществляет мать, а шестилетние няньки постепенно переходят с игр и взаимодействия к наблюдению за детьми и участию в уходе за ними.

Таким образом, и у высших животных, и при распределении материнских функций в традиционных культурах в этапе нянчания можно выделить два периода. Первый характеризуется налаживанием эмоционально-личностного общения и совместных игр с младенцами первого полугодия, а второй — осуществлением элементов заботы и ухода за младенцами второго полугодия и детьми раннего возраста. Последовательность этих периодов позволяет «наложить» необходимость заботы на

уже имеющееся эмоциональное отношение, а соответствующее возрастным особенностям старших детей распределение материнских функций — удовлетворить их потребность в сюжетно-ролевой игре и участии во взрослой деятельности, без форсирования ответственности за жизнь и здоровье малыша.

В современных нуклеарных семьях Европы и Америки дело обстоит иначе. Детям дошкольного возраста, у которых наблюдается наиболее явный интерес к младенцам без выраженного страха перед их беспомощностью, обычно не разрешается непосредственный контакт. Их чаще привлекают к «технической» помощи родителям, и они становятся сторонними наблюдателями взаимодействия матери с младенцем, где яркие эмоции членов диады воспринимаются как недоступное для себя удовольствие. Техническая сторона ухода таким образом выхолащивается, неизбежное уменьшение собственного эмоционального общения с родителями, их погруженность в удовольствие от младенца и недоступность этого для старшего ребенка служат прекрасной почвой для появления чувства ревности и формирования ценности ребенка и потребности в заботе по «уклоняющемуся» от оптимального пути. Понятно, что для ребенка помладше (до начала возраста, сензитивного для нянчания), в силу его возрастных особенностей, хорошо ясен смысл взаимодействия матери с младенцем, осязательно уменьшение внимания и любви родителей к нему самому и недостаточно освоены собственные переживания относительно гештальта младенчества и их носителей. Это также способствует появлению чувства ревности, влияющего на образование эмоционального отношения к младенцам, ценности ребенка и материнства.

У детей подросткового возраста интересы смещаются в сторону интимно-личностного общения со сверстниками и познавательной деятельности, а позже — в сторону полового развития. Однако в современных евро-американских семьях именно этих детей считают уже способными к самостоятельности и ответственности в уходе за младшими. Без предварительного закрепления эмоционального отношения к младенцам и в случаях неадекватного их возрастным интересам перераспределения материнских функций у подростков формируется отношение к ребенку как обузе и помехе. Характерно, что реакции на разные компоненты гештальта младенчества при этом различаются. Качества, относящиеся к первому и частично второму компонентам, становятся предпочитаемыми, а инфантильная результативность, требующая наибольших затрат со стороны носителя материнских функций, отвергается.

Если до окончания этапа нянчания опыта взаимодействия с младенцами не было, то часто возникает страх перед ними, так как подростки, а тем более взрослые оценивают имеющийся у них опыт как недостаточный для взаимодействия с маленькими детьми. Наиболее часто возникает страх повредить ребенка неумелым обращением, некомпетентностью в уходе и т.п. Это первое впечатление корректируется в случае дальнейшего участия в уходе за ребенком, однако впоследствии женщины его очень хорошо помнят. Если контакт был кратковременным, то страх перед младенцами сохраняется на всю жизнь и постепенно исчезает только на опыте взаимодействия с собственным ребенком.

Кратковременность контакта и его содержание могут оказать большое влияние на дальнейшее развитие материнской сферы. Если последующий опыт достаточно быстро и эффективно не «исправляет положение», то впечатления от орущего, плохо пахнущего, испачканного и т.п. ребенка остаются на всю оставшуюся жизнь. Причем чем позже они возникают, тем хуже. Полное выпадение опыта нянчания до полового созревания может привести к восприятию ситуации взаимодействия взрослых с младенцами как неестественной, неприятной; выражаемые взрослыми эмоции, особенности их речевого общения с младенцем воспринимаются как неуместные, раздражающие. Поведение и вид младенца не вызывают никаких положительных эмоций, нет стремления к контакту, прикосновению. Разумеется, опыт, получаемый на этапе нянчания, как и любой другой, не является изолированным. Он возникает на уже имеющейся основе и в дальнейшем преобразуется другими формами опыта. Однако качественные и количественные характеристики этого этапа развития материнской сферы логически связаны с семейной, культурной и материнскими моделями материнства и детства. Именно в оформлении взаимодействия старших детей с младенцами эти модели проявляются во всех своих особенностях. Поэтому этап нянчания является наряду с первым из выделенных этапов развития наиболее важным в формировании материнской сферы.

Теперь кратко обобщим этот этап по содержанию всех блоков материнской сферы.

Потребностно-эмоциональный блок

В актуальном взаимодействии с младенцем конкретизируется и дифференцируется отношение к компонентам гештальта младенчества и происходит их объединение на реальном объекте. Ребенок становится (или не становится) адекватным объектом деятельности для материнской потребностно-мотивационной сферы. Появляется конкретное, индивидуальное содержание потребности во

взаимодействии с этим объектом

Конкретизируется содержание переживаний от осуществления заботы о ребенке, оформляется реальная основа потребности в заботе и охране ребенка как объекта материнской сферы.

Возникают свои собственные настоящие переживания от взаимодействия с ребенком, заботы о нем, от того, как распределены функции между разными участниками взаимодействия с ребенком и как каждый участник эти функции оценивает. Все это становится непосредственной субъективной основой формирования потребности в материнстве.

Операциональный блок

В процессе реального взаимодействия с младенцем отрабатывается инструментальная сторона операций ухода и формируются их стилевые характеристики. Последние существенным образом зависят от ситуации взаимодействия и возраста старшего ребенка. Реакция присутствующих взрослых также имеет решающее значение. Предостерегающие возгласы и опасения старших не способствуют проявлению и закреплению уверенных и ласковых движений, даже в том случае, если собственного страха не было, и т.п.

Большое значение этот этап имеет для освоения операции общения и baby talk. Возможность полностью погрузиться в непосредственное эмоциональное общение с младенцем без сопутствующих задач по уходу, кормлению и т.п. в первом периоде нянчания позволяет дифференцированно воспринимать все изменения его мимики, движений, вокализаций, так как это полностью исчерпывает содержание такого общения. Исследования в рамках теории социального научения показали решающую роль такого дифференцированного реагирования матери на развитие взаимодействия в диаде. Реально взаимодействие в диаде в первые недели осуществляется в процессе удовлетворения потребностей ребенка, и мать не сосредоточена исключительно на своих эмоциональных переживаниях. Ее внимание, а соответственно и эмоции, распределяются между разными содержаниями этого взаимодействия. Однако мимика, движения лица, глаз, речь матери полностью совпадают с реакциями ребенка (разумеется, в диадах с ненарушенными взаимоотношениями). Эти особенности поведения матери выглядят как уже «готовые» к началу общения с ребенком, и в дальнейшем взаимодействии изменяются на основе адекватной реакции матери на возрастные изменения в поведении ребенка. Получается, что она непроизвольно сопровождает выполнение операций по уходу и кормлению уже имеющимися у нее поведенческими проявлениями своих эмоций, соответствующими возрастным особенностям перцептивного развития ребенка. Но задачами в этой деятельности матери являются именно уход и кормление, а не общение. Общение станет самостоятельной задачей позже, в конце второго месяца. Потребность же ребенка в общении возникает и развивается именно на основе выражаемых взрослыми эмоций [МИ. Лисина и др.]. В первом периоде нянчания эмоциональное взаимодействие является прямой и единственной задачей и в процессе такого взаимодействия отрабатываются особенности эмоционального поведения будущей матери, для которой не было достаточного материала на предыдущих этапах развития.

В нянчании возникает возможность развития собственного стиля эмоционального сопровождения. На него влияют следующие обстоятельства: наличная модель поведения взрослых с возможностью сравнения со своим непосредственным опытом; свои переживания от отрицательных эмоций ребенка и свой опыт от участия в их устранении; характер участия в разделении с младенцем его положительных эмоций, в частности, кому «достаётся награда» после избавления ребенка от дискомфорта. Необходимость успокоить плачущего младенца при недостаточной компетентности и поддержке взрослых ведет к образованию синтонирующего стиля переживания его отрицательных состояний, перенагрузка технической помощью в ущерб разделению положительных эмоций младенца — к игнорированию или осуждению его отрицательных эмоций и Т.П. В любом случае особенности протекания периода нянчания позволяют достаточно точно реконструировать «стартовый» стиль эмоционального сопровождения, характерный для женщины.

Ценностно-смысловой блок

На этапе нянчания конкретизируется ценность ребенка, образуется основа ценности материнства и возникает «стартовый» тип интерференции ценности ребенка с внедряющимися ценностями из других мотивационно-потребностных сфер.

Ценности ребенка и материнства, уже имеющиеся в некоторой форме на основе культурной, семейной и материнской моделей, взаимодействуют с собственным опытом и становятся своими собственными ценностями. Наиболее существенно влияет данный этап на формирование типа интерференции ценностей. Он зависит от возраста старшего ребенка, характера перераспределения материнских функций в семье и особенностей оформления взрослыми процесса взаимодействия

старшего ребенка с младенцем. Отношение родителей к разным аспектам взаимодействия с младенцем, их переживание изменений в распорядке жизни, общении с друзьями, перерыв в профессиональной деятельности матери, уменьшение заботы о себе и т.п. прямо связываются с разными особенностями ребенка и удовольствиями, от него получаемыми. Появление младшего ребенка в тот период, когда у старшего актуальны другие потребности (до или после сензитивного для нянчания возраста) провоцирует очень жесткую интерференцию внедряющихся ценностей с ценностью ребенка, и последняя становится помехой для реализации других, более важных. В этих случаях дело может поправить очень вдумчивая организация взаимодействия младшего и старшего детей.

Особенно следует отметить усугубление интерференции ценностей в условиях многодетной семьи, где детям просто физически не достается достаточно внимания родителей. При этом в наиболее неблагоприятных условиях оказываются самые старшие, на которых возлагается большая часть заботы о младших. В таких случаях возникает феномен «перебора заботы»: постоянная забота о нескольких младших детях в ущерб эмоциональному общению и одновременно другим актуальным возрастным потребностям старшего ведет к ослаблению самостоятельной ценности ребенка и усилению напряжения других не реализующихся в этих условиях ценностей. В дальнейшем ущемление других потребностей в связи с рождением своих детей переживается как неизбежная и очень серьезная потеря. Следует учесть, что в подобных случаях на этапе нянчания в достаточной степени насыщается и даже исчерпывается потребность во взаимодействии с детьми и заботе о них, а потребность в материнстве переходит (на примере матери и собственном опыте) скорее в обязанность.

Таким образом, этап нянчания состоит из двух периодов, правильная последовательность и содержание которых обеспечивают благоприятное развитие всех компонентов материнской потребностно-мотивационной сферы. На этом этапе закладывается тип интерференции ценностей материнства с ценностями из других сфер.

Четвертый этап. Дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер

Этот этап развития материнской сферы имеет большее значение для потребностно-эмоционального блока, чем для остальных. Относительно ценностно-смыслового блока можно говорить о конкретизации культурной модели связи половой и материнской сфер. Кроме того, угроза нежеланной беременности подвергает серьезному испытанию самостоятельную ценность ребенка и тип ее интерференции с другими ценностями.

Потребностно-эмоциональный блок

Предыдущий этап развития материнской сферы, который является для нее достаточно насыщенным, для половой сферы, напротив, считается менее значимым (в психоанализе он называется латентным, переходным между фаллической и генитальной фазами). При адекватной заполненности этапа нянчания впечатления от контакта с ребенком в тактильной сфере, которые по соматическому компоненту во многом совпадают с таковыми в половой, «закрепляются» на ситуации взаимодействия с ребенком как объектом материнской сферы. В результате возникновения в послеродовом периоде новых впечатлений от контакта с ребенком (контакт «кожа — кожа», грудное кормление — то есть стимуляция эрогенных зон), а также оргазмоподобные ощущения, возникающие при грудном кормлении (сокращения матки, вазомоторные явления и т.д.), интерпретируются не как ощущения, связанные с половой сферой, а как принадлежащие к материнской. Ребенок, который является уже реальным объектом материнской сферы, служит медиатором, определяет смысл ситуации, ведущие эмоции и характер возникновения ситуативных, обеспечивающих эмоциональное обусловливание новых впечатлений (механизм ведущих и ситуативных эмоций [В.К. Вилюнас]).

Если же до полового созревания переживания от тактильного контакта с ребенком не сформировались и не конкретизировались на нем как объекте материнской сферы, то путь их перевода в контекст реальной деятельности «остается свободным». Половое развитие, подкрепленное в этот возрастной период мощным гормональным обеспечением, «переводит на себя» значение тактильного контакта и все ощущения эрогенных зон. В дальнейшем их возникновение при взаимодействии с ребенком может переживаться как шокирующее, несовместимое с ситуацией и т.п. Существенно влияют на это особенности представления о возможном восприятии детьми половых отношений взрослых. Совмещение компонентов ситуаций, относящихся к половому поведению и к ребенку, собственный детский опыт относительно половых отношений взрослых и т.п. могут повлиять на развитие материнского чувства весьма необычным образом. Возможно ограничение тактильного контакта, купирование переживания экстаза кормления и другие особенности. К кому из детей такое отношение матери будет выражено ярче — к сыну или дочери, зависит от семейной модели супружеских отношений и собственного опыта развития половой сферы.

Операциональный блок

Относительно развития операций вряд ли можно сказать что-то новое. Можно предположить лишь дифференциацию ситуации применения речи типа baby talk, так как в некоторой модификации она может применяться в общении с половым партнером. Использование женщиной инфантильных интонаций и особенностей грамматического строя речи провоцирует по отношению к ней проявление покровительства и снижение агрессии со стороны полового партнера. Поскольку это рассматривается как адаптивное с эволюционной точки зрения социальное поведение для беременных и матерей с младенцами (Д. Джохансон и М. Иди, R. Foley и др.), то можно предположить, что освоение ситуации, в которой при взаимодействии с половым партнером адекватным является инфантильный стиль поведения, начинается на этом этапе и может иметь значение для актуализации инфантильных черт поведения в беременности (этот момент будет проанализирован позже).

Ценностно-смысловой блок

Как уже отмечалось выше, объединение в субъективном опыте ценностно-смысловых блоков половой и родительской сфер происходит только у человека. Оно является разным в разных культурах. Сам по себе факт связи половых отношений с рождением ребенка уже имеет значение. Но гораздо важнее то, как эти факты связаны в конкретной культурной и семейной модели. Представления о законнорожденности, перворожденности, рождении ребенка от любимого или нелюбимого партнера и т.п. доказывают, что безусловной ценности ребенка для общества практически не существует. Даже самые ярые противники искусственного прерывания беременности допускают такую возможность для зачатия в результате изнасилования. Понятно, что к самому ребенку это никакого отношения не имеет. В период полового созревания все эти проблемы становятся не просто существующими, а своими собственными. Исчезновение запрета на внебрачные половые связи, снижение возраста вступления в половые отношения, наряду с увеличением возраста зависимости от родителей, множественность моделей поведения в современном обществе и многое другое делают развитие ценностей материнства в период полового созревания необыкновенно сложным.

Следует отметить, что данный этап развития материнской потребностно-мотивационной сферы является наименее изученным.

Пятый этап. Взаимодействие с собственным ребенком

Этот этап является необыкновенно сложным для развития всех блоков материнской сферы. В нем можно выделить несколько самостоятельных периодов. Часть из них (беременность, роды, период грудного вскармливания) обеспечена эволюционными психофизиологическими, в том числе и гормональными, механизмами регуляции. Начинается этот этап с момента возникновения чувствительности для ребенка и с появления первых признаков беременности для матери. В данном случае речь идет о матери. Пятый этап — это непосредственная реализация матерью своих функций во взаимодействии с ребенком. Эти функции, как было видно ниже, не обязательно связаны с осознанием факта беременности. Однако у человека без этого факта никак нельзя обойтись. Более того, планирование беременности, ее желанность или нежеланность, представления о ребенке и своем материнстве до беременности, специальная организация зачатия и т.д. заставляют более внимательно отнестись к периодизации этого этапа.

В психологии выделяются разные стадии родительства: принятие решения о рождении ребенка, беременность, период становления родительства, период зрелого родительства, период «постродительства» (для бабушек и дедушек) [W.B. Miller]. В актуальном материнстве выделяются стадия принятия решения о сохранении беременности, период беременности до шевеления плода, период после шевеления, роды, послеродовой период [В.И. Брутман, М.С. Радионова и др.]. В гинекологии и акушерстве выделяются три триместра беременности, предродовой период, роды, послеродовой период. Любая периодизация связана с конкретными задачами исследования. Относительно развития материнской сферы поведения можно выделить девять периодов пятого этапа, которые и будут рассмотрены ниже. Поскольку в данном случае речь идет о материнской сфере, субъектом которой является сама мать, то целесообразно начать с момента идентификации матерью факта беременности. Переход к следующему этапу материнства связан с утратой ребенком гештальта младенчества, у человека происходит не полная утрата этих качеств, они преобразуются в другие возрастные особенности ребенка, еще длительное время ему присущие.

Феноменология пятого этапа, во-первых, необыкновенно сложна и многообразна, а во-вторых, это уже реализация всех содержания материнской сферы (всех трех ее блоков), сформированных на предыдущих этапах. Поэтому целесообразно не разбивать содержание материнской сферы на блоки, а представить целостное последовательное описание всех периодов данного этапа с выделением

возможных типологий поведения и переживаний матери. Такое изложение материала полезно еще и потому, что данный этап — это именно тот период материнско-детского взаимодействия, в котором начинает осуществляться психологическая работа с матерью и ребенком

1-й период Идентификация беременности

Этот период в большинстве случаев начинается и заканчивается еще до возникновения первых изменений в/физическом состоянии женщины и непосредственно связан с осознанием факта беременности. В редких случаях беременность не осознается, несмотря на уже присутствующий соматический компонент. Изменение в самочувствии, задержка менструации и т.п. могут интерпретироваться как разного рода недомогания. Вопрос о полном неосознании женщиной своей беременности в таких случаях является очень сложным. Имеющиеся в литературе данные, особенно касающиеся женщин, отказывающихся от ребенка, свидетельствуют, что речь должна идти о различных формах игнорирования признаков беременности как варианте личностных защитных механизмов. Причины и конкретные проявления этого феномена всегда индивидуальны [В.И Брутман, М С Радионова и др.]. В некоторых случаях идентификация беременности может произойти через несколько месяцев после зачатия, иногда только после начала шевеления плода.

Обычно предположение о возможности беременности появляется у женщины через 2-3 дня после задержки менструации. Конкретные сроки связаны с четкостью менструального цикла. В случаях если беременность планируется и тем более предпринимаются специальные меры для ее наступления (особенно при лечении от бесплодия или при жестком планировании зачатия), возможна идентификация биохимической беременности с помощью соответствующих анализов.

В обычных случаях возникновение первого подозрения уже провоцирует определенные переживания. До подтверждения факта беременности они всегда носят оттенок беспокойства, причиной которого может быть либо страх наступления беременности, либо страх ее не наступления. Какие меры и как быстро будет предпринимать женщина для уточнения наличия беременности, зависит от конкретных условий. Тревога по поводу беременности (как «отрицательная», так и «положительная») чаще всего ведет к наиболее раннему и точному установлению факта беременности. В случаях нежелательной беременности в сочетании с затруднениями ее прерывания возможно, напротив, длительное затягивание подтверждения беременности. При сочетании желательности беременности, ее естественном наступлении и личностной зрелости матери она прибегает к специальным мерам (например, осмотр врача, анализы) через 1 – 2 недели после появления подозрения на беременность. В наше время популярны стали индивидуальные тесты для определения беременности. Для «оптимальных» случаев характерно использование тестов через 3 — 4 дня после задержки менструации, после чего женщина обращается к врачу только через 3 — 4 недели (для постановки на учет в женской консультации). Таким образом, в среднем эти женщины посещают врача первый раз примерно в 7 недель (от 6 до 8 — 9, реже до 10 – 11). Сроки идентификации беременности составляют примерно одну неделю. В большинстве случаев за это время принимается решение о сохранении беременности или ее прерывании.

Исследования беременных, отказниц и матерей с детьми разного возраста показали, что момент идентификации беременности очень хорошо помнится, все связанные с ним переживания актуализируются очень точно, вне зависимости от его давности. Содержание и интенсивность этих переживаний, как будет видно ниже, непосредственно отражают значение этой беременности для матери и многие особенности ее материнской сферы. Можно выделить 8 вариантов переживания идентификации беременности.

1. Тревожное. При подозрении на беременность возникает сильная тревога, которая устойчиво сохраняется до подтверждения факта беременности и после него, часто даже усиливаясь. Впоследствии характерно яркое сохранение в памяти всех обстоятельств и своих действий, эмоциональное состояние актуализируется легко и отличается живостью и непосредственностью. Женщины склонны подробно и неоднократно обсуждать причины своих негативных переживаний, оправдывать их неожиданностью, тревогой за сохранение беременности (если беременность интерпретируется как желанная). Если беременность нежеланна, то тревога сопровождается другими переживаниями (досада, страх и т.п.).

2. Первая эмоция отрицательная (страх, тревога, ужас, растерянность, разочарование и др.) Она достаточно явно выражена и продолжается до уточнения факта беременности. После этого происходит смена эмоционального состояния на положительное: удовлетворение от подтверждения планов, радость, приятное удивление. Первые ощущения чаще всего не возвращаются. Средняя выраженность этого перехода характеризует женщину как достаточно ясно осознающую перемены в жизни и свою ответственность при общем положительном отношении к беременности. Резкая выраженность перехода

отражает амбивалентное отношение и наличие некоторых проблем в принятии беременности. Если в дальнейшем признаков амбивалентности не обнаруживается, то это означает, что противоречия получают свое разрешение на этом первом этапе и для их возобновления нужны серьезные причины в дальнейшем.

3. Слабо выраженные отрицательные эмоции, которые обычно не предваряют, а перемежаются с более выраженными положительными. Основное состояние можно описать как удовлетворение, радостное удивление, в сопровождении периодически возникающей озабоченности и сожаления. После уточнения наличия беременности возникает состояние «принятия факта» и сосредоточения на задачах, связанных с беременностью. Особо сильно выраженных положительных эмоций не наблюдается, хотя общая оценка своего состояния явно положительная. Большое значение имеют ожидания близких, отвечая которым женщина часто склонна преувеличивать свою собственную радость. Это наиболее благоприятный вариант переживания идентификации беременности, характеризующий женщину как зрелую, готовую к материнству, понимающую всю важность происходящих в ее жизни перемен и принимающую свою беременность как желательную, готовую перестраивать свою жизнь в ориентации на ребенка.

4. Эйфорическое состояние. Все переживания очень сильно выражены и абсолютно отсутствуют какие-либо признаки тревоги, озабоченности, сожаления и т.п. Чаще всего такое состояние характерно при недостаточной рефлексии неизбежных изменений в жизни, непринятии на себя ответственности, общей личностной незрелости. В этих случаях любое нарушение «идеального течения беременности» (как в отношении физиологии, так и внешних условий) ведет к появлению страха, резкой смене общего эмоционального состояния. Такие женщины обычно не готовы и к проблемам послеродового периода. Осложнения возникают к концу беременности, когда эти проблемы становятся реальными. На практике не встречается сочетания эйфорического типа идентификации беременности с последующим отсутствием проблем в материнстве.

5. Амбивалентное отношение. Характеризуется периодической сменой полярных эмоций, затягиванием решения о сохранении беременности. При осознании нежелательности беременности и невозможности ее прерывания возможны депрессивные или аффективные эпизоды, адресация к внешним причинам, мешающим принятию беременности. При этом обычны раннее появление соматических ощущений, связанных с беременностью, их сильная выраженность. В некоторых случаях в качестве причин своих состояний и переживаний расцениваются наличие соматических заболеваний, осложняющих беременность, семейные и социальные условия и т.п.

6. Слабо выраженное амбивалентное отношение с неоправданным затягиванием решения о сохранении беременности. Причинами, мешающими это сделать, могут быть недостаток денег, «горячая» путевка, заболевание типа простуды или просто «некогда было». Такое отношение можно выразить фразой: «Когда хватилась, уже поздно было». Последствия могут быть самыми разными: от благополучной коррекции в «хороших» условиях (которые индивидуальны для каждого случая) до отказа от ребенка, и зависят от конкретной ситуации.

7. Неправдоподобно длительная интенсификация беременности. Налицо уже все признаки беременности, однако они интерпретируются как отравление, нарушение менструального цикла, грипп и т.п. В таких случаях соматические ощущения часто бывают смазаны, живот начинает увеличиваться поздно, женщины говорят, что нарушения цикла у них бывают часто (хотя проверить это невозможно). Подробное обсуждение обстоятельств и самочувствия женщины позволяет заключить, что подозрения на беременность возникали, но активно подавлялись. Такое состояние чаще всего обнаруживается у женщин, впоследствии отказывающихся от ребенка. При сохранении беременности как желанной это очень редкие случаи, которые можно оценить как «нетипичные».

8. Аффективно-отрицательное переживание идентификации беременности, устойчиво сохраняющееся вне зависимости от решения о ее сохранении. В разных случаях в зависимости от обстоятельств и личностных особенностей женщины первые негативные эмоции могут переходить либо в игнорирование факта беременности, либо в депрессивное состояние, либо сохраняется эффе́ктивно-отвергающее отношение. Обычно в этих случаях беременность идентифицируется вовремя. Исключения составляют редкие случаи поздней идентификации, когда уже невозможно прерывание беременности, из-за нетипичных физических состояний (нарушение цикла, продолжение менструаций и т.п.) или у совсем юных беременных.

Следует сказать, что переживание идентификации беременности не влияет на дальнейшее развитие материнства, а только отражает «стартовое» содержание потребностно-эмоционального и ценностно-смыслового блоков материнской сферы.

2-й период. До начала ощущений шевеления.

Этот период охватывает вторую половину первого триместра и начало второго. Физиологически он характеризуется появлением симптоматики беременности, неприятными физическими ощущениями, изменениями в эмоциональном состоянии. Считается, что в первом триместре наиболее выражена тревожность, резкая смена настроения, появляется раздражительность, снижается общая активность. Физиологической основой этих изменений является гормональная перестройка. Адаптивное значение изменения эмоционального состояния состоит в ограничении контактов с внешним миром, что способствует сохранению беременности и успешному развитию плода на первых неделях, наиболее в этом отношении опасных. Такое же поведение наблюдается у всех приматов У орангутанов, у которых спаривание не регулируется появлением у самки внешних признаков овуляции и возможно в любое время, описанное состояние самки способствует распаду пары или, по крайней мере, прерыванию половых отношений.

Беременные женщины по-разному оценивают свои состояния, как физические, так и эмоциональные. Некоторые их интерпретируют как усталость, сонливость, желание побыть одной или «сваливают» все на тошноту и дурноту. Другие «цепляются» за каждую внешнюю причину для слез, обид и т.п. Характерные для первого триместра недомогания также оцениваются и переживаются по-разному. Этот период для матери весьма существенен в развитии ее материнской сферы. Появление ребенка становится реальным фактом. С другой стороны, еще нет никаких его конкретных признаков. Чувство матери свободно от внешней стимуляции, присущей живому ребенку, и как бы в «чистом виде» отражает все стартовые содержания материнской сферы. Однако она уже имеет возможность на своем опыте прочувствовать происходящие изменения и подготовиться к более серьезным. Можно сказать, что это первый опыт приспособления себя к нуждам будущего ребенка, опыт интерпретации своих переживаний с точки зрения себя как матери.

Если до появления возможности осознания беременности все регулировалось внутренними и внешними обстоятельствами, то теперь появляется возможность реального развития отношения матери к своему ребенку, так как она знает о его существовании и сроках его появления. В этот период представления о ребенке не очень конкретны, описание его затруднено и обычно носит описание своих эмоций и переживаний. Представления о будущем относятся к достаточно поздним периодам развития ребенка (младенец середины или конца первого года, более старший ребенок вплоть до подростка) и зависят от опыта женщины. Многие женщины еще не замечают существенных изменений в своем отношении к жизни и в интересах. Свое состояние оценивается только с точки зрения самочувствия.

По характеру переживаний симптоматики и эмоциональному состоянию можно выделить следующие варианты:

1. Оптимальный вариант. Эмоциональное состояние характеризуется периодическими, недлительными снижениями общего физического и эмоционального тонуса, повышенной раздражительностью, которые интерпретируются как усталость и следствие соматического недомогания. Источники плохого настроения женщина находит в несоответствующих ее состоянию и самочувствию условиях работы, быта, недостаточно внимательном или, напротив, слишком назойливом отношении близких. Ребенок представляется в возрасте около года или немного младше, активность по подготовке к родам и материнству слабая, в форме общих планов заняться этим позже.

Соматический компонент выражен достаточно четко, средний по интенсивности. Расценивается как неизбежное, вполне терпимое состояние. Женщина ориентируется на свои состояния с точки зрения того, какие конкретные способы можно использовать для оптимизации самочувствия, и активно их применяет. Живот обычных по срокам беременности размеров. Чаще всего соотносится со 2-м и 3-м типами идентификации беременности.

2. Усиленное переживание эмоциональных и соматических состояний. Все как бы «чересчур». Эмоциональное состояние характеризуется раздражительностью, недовольством по отношению к окружающим, Требовательностью. Их отношение оценивается как недостаточно внимательное, несоответствующее всей тяжести состояний беременной.

Образ ребенка либо отсутствует, либо, напротив, очень конкретен. Он представляется как идеальный младенец, «выстраданный» матерью.

Физические симптомы переживаются очень тяжело, как страдание, повышена чувствительность к своим состояниям наряду с недоверием к способам их облегчения. Возможности облегчения физических недомоганий не используются под разными предлогами. Живот нормальных размеров, заметен становится рано, редко бывает больше, чем ожидается по размеру ребенка и сроку беременности. Сочетается со 2-м, 4-м, 5-м, очень редко 3-м типами идентификации беременности.

3. Тревожное переживание состояний беременности с прогнозированием неблагоприятного исхода беременности для себя или ребенка. Любое изменение в состоянии оценивается как угрожающее, женщина постоянно прислушивается к себе, своим ощущениям. Тревожный фон настроения практически постоянный, периоды нормального настроения кратковременны и ситуативны. Нередки боли внизу живота, угроза выкидыша. Ориентация на неблагоприятные сведения от врачей и близких, игнорирование благоприятных.

Образ ребенка почти отсутствует, часто повторяются фразы типа «Главное, чтобы все обошлось, чтобы был здоровым». Иногда, при наличии в прошлом опыте встреч с детьми-инвалидами (или обладающими другими нарушениями) преследуют представления о возможных увечьях у своего ребенка. Повышается вера в приметы, актуализируются детские страхи перед цыганами, пророчествами и т.п.

Соматический компонент переживается остро, по типу опасной болезни, угрожающей здоровью и благополучию. Живот может быть слишком большой или слишком маленький для срока беременности. Сочетается в основном с 5-м и 6-м типами идентификации беременности.

4. Депрессивное состояние, периодически ослабляющееся или обостряющееся, практически без «проблесков». Общее переживание беременности как обреченности, при этом нередко на словах отношение к беременности и будущему ребенку как сверхценности. Нередки кошмарные сны, представления о гибели ребенка или своей в родах. Характерно полное отсутствие содержаний, относящихся к послеродовому периоду. Ребенок чаще всего вообще никак не представляется.

Физические симптомы переживаются как тяжелые, мучающие, не дающие расслабиться, успокоиться. Живот обычно недостаточных размеров по срокам беременности или обычный. Чаще всего сочетается с 5-м и 6-м, реже 8-м типами идентификации беременности.

5. Разные формы отвержения беременности при принятии решения о ее сохранении:

а) почти полное отсутствие всей симптоматики, как эмоциональной, так и физической, вплоть до «наоборот» (состояние бодрее и лучше, чем до беременности); живот появляется очень поздно, нередко значительно меньше по размерам, чем должен быть, при нормальных размерах плода; активное планирование жизни после периода беременности и минимально необходимого для ухода за ребенком; образ ребенка часто вполне четкий, в возрасте далеко послемладенческом, связан с его социальным статусом, будущими успехами в учебе и т.п.; обычно сочетается с 5-м, 6-м и 7-м типами идентификации беременности;

б) аффективно-отрицательное переживание всех симптомов как мешающих, неуместных, ненужных; необходимость подготовки к родам и послеродовому периоду вызывает раздражение, много претензий к врачам и близким, что сочетается с несоблюдением элементарных правил режима, питания и т.п.; при этом часто свое состояние интерпретируется как отношение не к ребенку, а к беременности как состоянию; живот обычных размеров; образ ребенка может быть идеальным в будущем, то, какой он сейчас, оценивается как «еще не человек»; обычно сочетается с 5-м, 6-м и 8-м, реже 7-м типами идентификации беременности;

в) особым случаем является устойчивое отрицательное отношение с возобновляющимися попытками прерывания беременности, при этом соматический компонент средне выражен, живот небольших размеров, представления о ребенке как нежеланном, наказании; сочетается с 8-м или 7-м типами идентификации беременности.

Все эти типы переживания второго периода беременности создают индивидуальные условия для следующего, достаточно серьезного в развитии материнской сферы — начала ощущений от шевеления ребенка.

3-й период. Появление и стабилизация ощущений шевеления ребенка

Первые ощущения шевеления ребенка начинаются в середине второго триместра. Этот период является наиболее благоприятным относительно физического и эмоционального самочувствия матери. Стабилизируется гормональный фон, исчезают симптомы недомогания, еще нет ограничения подвижности и увеличения физической нагрузки. Настроение становится более устойчивым и в норме переходит от астенического к стеническому. Женщина уже свыклась с фактом беременности, неизбежностью изменений, у нее было время представить себе не только то, что она теряет, но и то, что приобретет с рождением ребенка. Появление шевелений позволяет конкретизировать образ ребенка и дает богатую пищу для интерпретации его субъективных состояний.

Сами первые шевеления ребенка слабы и сначала трудно различимы. По своему физическому характеру они относятся к приятным ощущениям. Их интерпретация как пугающих или неприятных имеет только субъективные основания. Нередко женщина постоянно вслушивается в свои ощущения с

целью «поймать» начало шевеления. Факт начала шевеления и сами шевеления отлично помнятся в течение долгих лет. Исключение составляет общее игнорирующее отношение к беременности. Сроки начала ощущений шевеления могут быть от 15 недель до 28 — 30, в среднем 18 -22 недели. Слишком раннее шевеление чаще всего связано с тревожным переживанием беременности, слишком позднее — с игнорирующим. Эмоциональное отношение к шевелению и его физическое переживание весьма точно отражают содержание потребностно-эмоционального и ценностно-смыслового блоков материнской сферы и динамику этого содержания в беременности. Неприятные, а тем более болезненные ощущения от шевеления, как правило, появляются в сопровождении других проблем в физическом состоянии, семейном, социальном положении и т.п.

Помимо общего отношения к беременности и ребенку, ощущение его шевелений позволяет матери конкретизировать ее «стартовый» стиль эмоционального сопровождения. Усиливающий стиль эмоционального сопровождения выражается в переживаниях тревоги при шевелении, когда женщине постоянно кажется, что ребенок шевелится как-то не так, свои ощущения при этом расцениваются как свидетельство того, что ребенок недоволен, ему плохо, он боится и т.п. Положительное состояние ребенка реже отмечается и почти не интерпретируется. Осуждающий стиль проявляется в том, что мать часто ощущает шевеления как мешающие, не дающие заснуть, испытывает неудобство и стыд от того, что ребенок сильно шевелится в присутствии других людей. В этих случаях она недостаточно четко определяет, что ее поведение служит причиной хорошего или плохого состояния ребенка. При игнорирующем стиле эмоционального сопровождения женщина описывает свои шевеления как физиологические ощущения, без адресации к образу ребенка. Она не может сказать ничего ни о динамике, ни о характере шевеления, не представляет себе, что ребенок переживает, как он двигается. Адекватный стиль эмоционального сопровождения характеризуется четкой интерпретацией характера движений ребенка, соотношением их как со своей активностью и внешними событиями, так и субъективными состояниями ребенка. Мать использует не просто обращение к ребенку, а вполне конкретно интонирует свою речь адекватно представляемым состояниям ребенка. Она хорошо представляет, как именно двигается ребенок. Интерпретация состояний ребенка в основном положительная, его отрицательное состояние предполагается только в связи с конкретными причинами.

В этот период многие женщины отмечают изменение интересов, концентрацию на задачах беременности и послеродового периода, подготовке к материнству. В современных условиях характерным становится поиск дополнительной информации (книги, журналы, курсы для беременных).

4-й период. Седьмой и восьмой месяцы беременности

Третий триместр беременности как с медицинской, так и с психологической точки зрения, считается достаточно сложным. У женщины несколько ухудшается самочувствие, она быстрее устает, затрудняется двигательная активность, часто ухудшается сон. Отмечается некоторое повышение тревожности, страх родов, беспокойство по поводу послеродового периода. Наряду с этим ощутимо снижается интерес ко всему, не связанному с ребенком. Повышается активность, связанная с подготовкой к родам и послеродовому периоду. Общее ограничение физической активности и одновременное повышение нагрузки переживается по-разному. Некоторые женщины стараются использовать этот период, чтобы «набраться сил» перед родами и будущими заботами, связанными с уходом за ребенком. Другие переживают этот период как неприятный, тяжелый, остро реагируют на связанные с большим животом неудобства. Практически во всех случаях к концу этого периода возникает чувство, которое можно выразить словами «скорей бы уж все закончилось», но одни его интерпретируют как нетерпение увидеть ребенка, а другие — как избавление от неудобств беременности.

Образ ребенка становится значительно более конкретным, женщины достаточно легко представляют себе его внешний вид, особенности поведения, свои действия с ним. Этому способствует осознание близости рождения ребенка и стремление повысить свою материнскую компетентность. В последние месяцы беременности женщина освобождается от видов деятельности, требующих большой физической активности. Общее повышение беспокойства традиционно реализуется в деятельности, связанной с подготовкой к рождению ребенка. Такая деятельность не только заполняет время, но и способствует проработке образа ребенка и представлений о своих материнских функциях. Происходит постоянное общение с другими людьми по этому поводу, обычно с наиболее близкими, актуализируются все сформированные до этого представления о ребенке и материнстве. Уменьшение других видов деятельности, исключение тяжелых работ и неприятных впечатлений, присутствие родных и близких, повышение их внимательности, заботы и т.п. — все это можно в разных формах обнаружить в организации жизни женщины в последние месяцы беременности в традициях и обычаях

любой культуры. Такое оформление данного периода способствует положительному эмоциональному означиванию всех содержаний, связанных с ребенком и материнством. При общении с близкими, в первую очередь матерью и другими женщинами, происходит обмен воспоминаниями, впечатлениями, наряду с советами и прямым обучением в процессе подготовки предметов для ухода за ребенком. На самом деле это настоящая школа подготовки к выполнению материнских функций, подкрепленная актуальной мотивацией «ученицы». На таком фоне детализируется образ ребенка, что способствует дифференциации его активности, своих ощущений и налаживанию эмоционального взаимодействия. Как известно, практически во всех культурах такие «посиделки» сопровождаются пением. В настоящее время хоровое и индивидуальное пение для беременных считается одним из наиболее действенных приемов в подготовке к родам и материнству (М. Оден, М.Л. Лазарев, Н.П. Коваленко и др.). Таким образом, переориентация активности, концентрация всех содержаний жизни и деятельности на ребенке, проработка своих представлений и переживаний в конкретной деятельности и в общении с другими людьми, придание всему этому положительно-эмоционального фона, прямое обучение — вот то оформление третьего триместра беременности, которое сформировалось в общественном опыте. Все, что требуется помимо этого для появления ребенка, является задачей других членов семьи.

В течение беременности происходят изменения не только во внешнем виде и физиологии женщины. Изменяется ее отношение к обществу и семье. Она становится более зависимой от посторонней помощи, рассчитывает на эту помощь. На ранних стадиях развития человечества и у высших приматов будущая мать должна была рассчитывать также и на защиту себя и будущего потомства другими членами сообщества. Это требует проявлений зависимого поведения, провоцирующего покровительство и снисхождение от других. У беременных самок отмечаются черты внешнего вида и поведения, сходные с инфантильными: изменение пропорций тела, неуклюжесть движений, эмоциональная лабильность и импульсивность, свойственная детенышам, повышенная реакция на внешнюю угрозу, появление «детских» интонаций в голосе и других особенностей, требование покровительства и т.п. Все это стимулирует соответствующее отношение членов группы. После родов внимание других особей переключается на детеныша, который сам вызывает интерес и стремление защищать его (и самку вместе с ним).

С другой стороны, биологически обусловлено повышение агрессии к другим особям, необходимое для самозащиты и защиты своего детеныша. Все самки стадных животных, не исключая высших приматов, некоторое время после родов агрессивны к любым внешним воздействиям. Их спасает от ответных мер присутствие детенышей. У человека, напротив, повышение агрессии к близким неадаптивно, так как предполагается некоторое перераспределение материнских функций практически сразу после рождения ребенка, а вот повышение зависимости и необходимость всестороннего патронажа увеличиваются и становятся более продолжительными. Таким образом, появление двух альтернативных тенденций (стремление к контакту и агрессия) на последних сроках беременности у высших животных ведет к смене объектов этого поведения: стремление к контакту после родов переходит на детеныша, а агрессия — на членов группы. В рассматриваемый период агрессия пока еще обнаруживает себя как тенденция к беспокойству, повышению активности, периодической раздражительности к неуместному обращению со стороны других. Состояние беременной самки у стадных животных требует достижения тонкого баланса между тенденцией к зависимости и стремлением к контакту, с одной стороны, и тенденцией к агрессии — с другой.

Возможность переориентации этих тенденций прослеживается уже у высших приматов: самкам может помочь в родах и сразу после них собственная мать, старшая сестра или тетка, а у орангутанов отмечается даже помощь самца. Можно предположить, что традиционная организация активности женщины в последние месяцы беременности и ее эмоциональное наполнение помогают «перевести» возникающую эволюционно обусловленную тенденцию к агрессии в «нужное русло».

Таким образом, этот период отражает сложную динамику эмоционального состояния во время беременности, подготавливающую всю психику будущей матери к выполнению ее функций после родов.

В современной практике обнаруживается разное содержание жизни женщин в последнем триместре беременности. Характерно практически для всех повышение внешней активности, которая может быть описана как стремление привести в порядок свои дела и окружение. Образно можно назвать это время «периодом обустройства гнезда». Разница в том, что приводится в порядок. Как уже ясно, обычно это подготовка к рождению ребенка. Сюда, помимо приготовления вещей и получения необходимой информации, может входить выбор родильного дома, знакомство с разными практиками родов, организация приезда родных или своей поездки к ним на время родов и т.п.

Другим вариантом является повышение активности, направленной на содержания, не связанные с ребенком. Чаще всего это стремление закончить учебу, сдать экзамены, защитить диплом и т.п. Нередко беременность специально планируется к окончанию учебы, но немного «не вписывается» в задуманные сроки. Иногда странным образом оказывается, что все неотложные дела, связанные с учебой или карьерой, концентрируются именно в эти месяцы. Возможны появление острой необходимости провести ремонт, обменять квартиру, купить дачу или разобраться в семейных отношениях. Характерно, что все это интерпретируется как необходимое для будущего ребенка. Чаще всего объективной необходимости для этого нет, и иные женщины прекрасно распределяют свои дела по «традиционному» образцу.

Одним из проявлений такой «смещенной» активности на последних месяцах может считаться поведение женщин, отказывающихся от ребенка. При игнорирующем стиле переживания беременности наблюдается увеличение энергии, продолжение работы буквально до родов, другие «всплески» активности. Однако женщина оказывается совершенно не готова к рождению ребенка и его буквально не в чем и некуда взять из роддома. В других случаях изменения в активности не выражены, но для рождения ребенка все равно ничего не делается.

Обычно отсутствие, уменьшение или изменение интересов, связанных с ребенком, сочетается с разными другими проявлениями, свидетельствующими о сниженной ценности ребенка и материнства и высоком напряжении ценностей из других сфер поведения. Эти и другие клинические данные свидетельствуют, что изменение направленности активности беременной в «период обустройства гнезда» отражает динамику, происходящую в содержании ее материнской сферы.

5-й период. Предродовой

Физиологически этот период является очень важным. Происходят изменения в тканях, костной системе, обеспеченные гормональным фоном и способствующие гибкости и эластичности костно-мышечной системы. Одновременно идет накопление энергетических запасов организма для родов и послеродового периода. На поведении и эмоциональном состоянии это отражается как снижение активности, общее расслабление, некоторое эмоциональное «отупение». Все это влияет и на ребенка. Адаптивное значение этих изменений вполне конкретно. Ограничена активность и способность резкого эмоционального реагирования, что предохраняет от преждевременных родов. Ребенок не страдает от меньшей двигательной активности, хотя его возможности уже серьезно ограничены тесным пространством матки. У матери снижается страх перед родами и способность сконцентрироваться только на одном, доминирующем содержании (точнее, снижение способности переключения и распределения эмоций), что будет совершенно необходимо во время родов и послеродового взаимодействия с ребенком. Женщины тем не менее наиболее адекватно по сравнению с другими периодами оценивают свои возможности и представляют ребенка и свои действия с ним. По данным многих исследователей, адекватность представлений матери о родах и послеродовом периоде, своих возможностях и особенностях ребенка является существенным показателем успешного развития ее материнской сферы и дальнейшего благополучного отношения к ребенку [Г.В. Скобло, В.И. Брутман, А.Я. Варга, А.С. Спиваковская, Д. Рафаэль-Лефф, Р.М. Shereshefsky, L.J. Yarrow и др.].

При неблагоприятной динамике содержаний материнской сферы в беременности, напротив, возрастает тревожность, обостряются физиологические нарушения, женщина практически перестает ориентироваться на свои состояния, полностью полагаясь на мнение врачей. В результате, не задумываясь, подчиняется всем рекомендациям, вплоть до стимуляции родов. В таких случаях чаще всего возникают осложнения в родах и послеродовом периоде, более вероятны преждевременные роды. При игнорирующем стиле переживания беременности может не наблюдаться выраженного расслабления и снижения эмоциональности, что не отражается серьезно на родовом процессе. Однако у женщин, отказывающихся от ребенка, именно такой стиль переживания беременности часто сочетается с преждевременными родами [В.И. Брутман, М.С. Радионова].

Содержание материнской сферы в течение беременности претерпевает существенное изменение, которое отражается в переживании женщиной симптоматики беременности, в ее внешней активности и психическом состоянии. Все это определяет индивидуальный стиль переживания беременности. В него входят физическое и эмоциональное переживание момента идентификации беременности, переживание симптоматики беременности, динамика переживания симптоматики по триместрам беременности, преимущественный фон настроения по триместрам беременности, переживание первого шевеления, переживание шевелений в течение всей второй половины беременности, содержание активности женщины в третий триместр беременности. Наиболее характерным является переживание шевеления. Можно описать шесть вариантов стилей переживания беременности.

1. Адекватный. Идентификация беременности без сильных и длительных отрицательных эмоций; живот нормальных размеров; соматические ощущения отличны от состояний небеременности, интенсивность средняя, хорошо выражена; в первом триместре возможно общее снижение настроения без депрессивных эпизодов, во втором триместре благополучное эмоциональное состояние, в третьем триместре повышение тревожности со снижением к последним неделям; активность в третьем триместре ориентирована на подготовку к послеродовому периоду; первое шевеление ребенка ощущается в 16 — 20 недель, переживается положительно-эмоционально, приятно по соматическому ощущению; последующие шевеления четко дифференцированы от других ощущений, не характеризуются отрицательными соматическими и эмоциональными переживаниями.

2. Тревожный. Идентификация беременности тревожная, со страхом, беспокойством, которые периодически возобновляются; живот слишком больших или слишком маленьких по сроку беременности размеров; соматический компонент сильно выражен по типу болезненного состояния; эмоциональное состояние в первый триместр повышено тревожное или депрессивное, во втором триместре не наблюдается стабилизации, повторяются депрессивные или тревожные эпизоды, в третьем триместре это усиливается; активность в третьем триместре связана со страхами за исход беременности, родов, послеродовой период; первое шевеление ощущается рано, сопровождается длительными сомнениями или, напротив, четкими воспоминаниями о дате, часе, условиях, переживается с тревогой, испугом, возможны болезненные ощущения; дальнейшие шевеления часто связаны с тревожными ощущениями, тревогой по поводу здоровья ребенка и себя, характерны направленность на получение дополнительных сведений, патронаж.

3. Эйфорический. Все характеристики носят неадекватную эйфорическую окраску, отмечается не критическое отношение к возможным проблемам беременности и материнства, нет дифференцированного отношения к характеру шевеления ребенка. Обычно к концу беременности появляются осложнения. Проективные методы показывают неблагополучие в ожиданиях послеродового периода.

4. Игнорирующий. Идентификация беременности слишком поздняя, сопровождается чувством досады или неприятного удивления; живот слишком маленький; соматический компонент либо не выражен совсем, либо состояние даже лучше, чем до беременности; динамики эмоционального состояния по триместрам либо не наблюдается, либо отмечается повышение активности и общего эмоционального тонуса; первое шевеление отмечается очень поздно; последующие шевеления носят характер физиологических переживаний, к концу беременности характеризуются как доставляющие физическое неудобство; активность в третьем триместре повышается и направлена на содержания, не связанные с ребенком.

5. Амбивалентный. Общая симптоматика сходна с тревожным типом, особенностью являются резко противоположные по физическим и эмоциональным ощущениям переживания шевеления, характерно возникновение болевых ощущений; интерпретация своих отрицательных эмоций преимущественно выражена как страх за ребенка или исход беременности, родов; характерны ссылки на внешние обстоятельства, мешающие благополучному переживанию беременности.

6. Отвергающий. Идентификация беременности сопровождается резкими отрицательными эмоциями; вся симптоматика резко выражена и негативно физически и эмоционально окрашена; переживание всей беременности как кары, помехи и т.п.; шевеление окрашено неприятными физиологическими ощущениями, сопровождается неудобством, брезгливостью; к концу беременности возможны всплески депрессивных или аффективных состояний.

Разумеется, в каждом конкретном случае будут наблюдаться индивидуальные особенности, более или менее приближающиеся к описанным. Исследования показали, что стили переживания беременности соотносятся с ценностью ребенка для матери. Адекватный стиль переживания беременности соотносится с адекватной ценностью ребенка в 100 % случаев. Тревожный и амбивалентный стили чаще всего соотносятся с повышенной или пониженной ценностью ребенка, игнорирующий и отвергающий — с низкой ценностью ребенка и заменой ее на ценности из других потребностно-мотивационных сфер. Очень сложным является эйфорический стиль переживания беременности, при котором обычно ценность ребенка неадекватна (чаще всего замена на другие ценности), но внешне это не выражено. Приподнятое настроение и не критичное отношение к изменениям в жизни является следствием личностной незрелости и неготовности к принятию материнской роли.

6-й период. Роды и послеродовой период

В этот период происходит встреча с ребенком, что обеспечивает возможность изменений в

содержаниях материнской сферы, в первую очередь во взаимодействии ценности ребенка с «внедряющимися» из других сфер.

Процесс родов и послеродовой деятельности матери требует высокого уровня ее физической, интеллектуальной и эмоциональной активности. Способность расслабляться между схватками обеспечивает сохранение сил, окончание болевых ощущений при потугах и выходе ребенка — способность приступить к послеродовой обработке, эмоциональный подъем создает оптимальный фон для послеродового запечатления и образования положительного отношения к ребенку. Кросскультурные исследования и данные об эффективности психологической подготовки к родам свидетельствуют, что переживание родов и, в частности, более схваток зависит от психологического настроя женщины. От того, воспринимает ли она роды как «трудную творческую работу», «неизбежную муку» или «наказание» (которое может, с ее точки зрения, быть заслуженным или незаслуженным), зависят ее собственные ощущения и успешность родов.

В современной психологии и психотерапии считается, что отношение женщины к процессу родов существенным образом влияет на успешность родов, субъективное переживание боли во время схваток, а также отражает общее отношение к беременности, будущему ребенку, своей новой роли матери. Встречаются различные мнения по поводу того, какое отношение к родам принимать за «оптимальное». Представлением об этом желаемом отношении руководствуются специалисты, занимающиеся подготовкой беременных к родам. Встречаются следующие определения отношения к родам, «сладостные роды», «роды без боли», «роды как второе рождение женщины», «роды как путь самореализации», «роды как активный процесс творчества» и т.п. Однако Недостаточно исследований, в которых были бы проанализированы настрой женщины на определенное переживание родов, ее отношение к реальным родам и их связь с успешностью материнства. Видимо, это происходит потому, что большинство специалистов в области работы с будущими матерями, несмотря на декларацию своих целей как подготовки родителей к обеспечению физического и психического здоровья ребенка, готовят их именно к родам, как к конечной цели, а не к тому, что роды — это определенный, хотя и важный этап в жизни ребенка и его родителей, который на самом деле является началом их реальной совместной жизни. В результате такой позиции не дифференцируется отношение женщины к самим родам — и к ребенку и себе как матери в целом. Практика показывает, что именно отношение к ребенку и своей роли матери обуславливает отношение к родам. Сам по себе процесс родов лишь в отдельных случаях является причиной тревоги или страха для женщины и никогда — удовольствия.

Исследования, проведенные с беременными и родившими женщинами, сопоставление ожиданий от предстоящих родов с реальными переживаниями в родах и их оценкой женщиной, а также с отношением матери к ребенку после рождения и в разные возрастные периоды (младенчество, ранний возраст, дошкольный и более старшие возраста) позволили описать несколько вариантов отношения к родам и соотнести их со стилями переживания беременности, стилями материнского отношения и с успешностью материнства, которое оценивалась по уровню эмоционального благополучия ребенка, устойчиво сохраняющегося до конца дошкольного детства (Г.Г. Филиппова).

Наиболее оптимальным вариантом является отношение к родам, которое можно выразить формулой: **«роды — трудная творческая работа»**. В этом случае женщина настроена на длительную, тяжелую работу, готова к переживанию боли, осознает, что в родах необходима ее активность, однако главным считает не сам процесс, а его результат — рождение ребенка. Чаще всего такое переживание родов в целом соответствует предварительным ожиданиям женщины. Именно этот вариант отношения к родам соответствует адекватному стилю материнского отношения, предваряющему его адекватному стилю переживания беременности и высокому уровню эмоционального благополучия ребенка. Такие роды обычно не сопровождаются серьезными осложнениями, хотя и не являются слишком легкими.

Другие варианты отношения к родам сочетаются с отклоняющимися от адекватного стилями переживания беременности и материнского отношения. Они могут быть выражены следующими формулами: **«незаслуженное наказание»** (при эйфорическом настрое на роды); **«страшная кара за грехи»** (при тревожном отношении к беременности, низкой самооценке); **«роды как искупление вины»** (при амбивалентном отношении к беременности и ребенку); **«недостаточно суровое наказание»** (характерно для женщин, отказывающихся от ребенка), **«кошмар и позор, которые необходимо забыть»** (при настрое на роды как способ самореализации); **«рядовое, малозначимое событие»** (при игнорирующем отношении к беременности и ребенку). В этих случаях чаще всего обнаруживается несоответствие ожиданиям и реальных переживаний и родах.

Конечно, приведенные варианты следует рассматривать как определенную абстракцию, крайнее выражение реальной картины, которая в каждом отдельном случае будет содержать некоторое

сочетание элементов разных типов. Однако тенденция к определенной формуле всегда будет присутствовать.

Как уже было отмечено выше, в родах и послеродовом периоде происходит замыкание эволюционно ожидаемых условий для матери и ребенка, способствующих образованию эмоциональной взаимосвязи. Для матери эти условия возникают и поддерживаются в процессе послеродовой обработки ребенка и прикладывания к груди. Стимуляция от новорожденного в этих условиях, сопровождаемая физиологически обеспеченным обостренным и положительным эмоциональным состоянием, психологически обусловленная успешным достижением цели после необыкновенно трудной и важной деятельности родов и долгожданной встречей с ребенком, действует как ключевая, способствуя объединению всех сформировавшихся прежде содержаний на этом конкретном ребенке. Женщины в течение долгих лет помнят момент родов, ребенка, детали послеродового периода. Последующие 1,5 суток, которые считаются сензитивным периодом для развития взаимосвязи с ребенком, в эволюционном отношении предполагают непрерывный контакт новорожденным, насыщенный достаточно интенсивной деятельностью матери. Содержанием этой деятельности является бдительное внимание, обеспечение физического комфорта и поддержание благополучного эмоционального состояния ребенка за счет самого присутствия матери как ее «сенсорного мира». В современных условиях эволюционно ожидаемая стимуляция для матери отсутствует частично или полностью. В лучшем случае она имеет возможность контактировать с ребенком и кормить его, но практически всегда отстранена от обработки ребенка. Изменение эволюционно ожидаемой ситуации в этом периоде для матери состоит в следующем: перераспределение материнских функций, обедняющее стимуляцию, необходимую для возникновения эмоциональной связи с ребенком; «купирование» активной целенаправленной деятельности с полноценным операциональным составом, что создает необходимость «приложения» неизрасходованной энергии и нереализованных тенденций достижения цели и их замены другими содержаниями; замещение эволюционно ожидаемых впечатлений в сензитивный период обостренной чувствительности несоответствующими эволюционной задаче (образованию материнско-детской взаимосвязи); наличие частичной или полной сепарации матери и ребенка, как теперь хорошо известно, отрицательно влияющей на материнское чувство женщины и психическое развитие ребенка. Все эти особенности могут быть по-разному выражены, в зависимости от этого различным будет их вклад в динамику развития материнской сферы. В любом случае стимуляция от ребенка настолько сильна, что нередко способствует ощутимому изменению имеющихся тенденций.

Однако, как уже было отмечено в предыдущей главе, содержание родового и послеродового периода действует не само по себе, а на фоне уже имеющегося отношения матери к будущему ребенку. В отличие от предыдущего филогенетического уровня развития психики у человека временное отсутствие ребенка и изменение в материнских функциях после родов сочетается с сохраняющимся представлением матери о ребенке. Оно частично замещает и восполняет недостающую стимуляцию, «подправляя» изменение эволюционно ожидаемых условий. А как раз это представление наиболее связано с уже имеющимися особенностями материнской сферы роженицы. Это подтверждается данными M.J. Sveida, R.N. Emde и других о том, что особенности родов и послеродового контакта больше значения имеют при нежеланной беременности и других нарушениях материнского отношения и не влияют на развитие взаимодействия матери с ребенком при изначально [благополучной беременности и отношении матери к будущему ребенку.

При описании этого периода следует остановиться на особенностях прикладывания ребенка к груди. В традиционных практиках прикладывание к груди является естественным и закономерным этапом послеродового процесса. В настоящее время контакт с ребенком сразу после родов и прикладывание к груди также признаны необходимыми, но еще не везде применяются. Значение послеродового кормления для ребенка достаточно ясно: это наилучшие условия для восстановления эмоционального комфорта, освоения новых стимулов от матери, удовлетворения и развития сосательного рефлекса, активизации всех процессов жизнедеятельности. Меньше всего первые кормления связаны с удовлетворением пищевой потребности. Небольшое количество молозива необходимо главным образом для поддержания иммунной системы ребенка. Для матери первые кормления грудью также выполняют несколько функций. Трудно сказать, что здесь важнее. Стимуляция грудных желез способствует выработке молока, сокращению матки после родов, стимуляции физиологических и эмоциональных состояний, способствующих образованию психологической взаимосвязи с ребенком. Впоследствии отхождение молока в процессе кормления сопровождается образованием пролактина и окситоцина, которые стимулируют сокращения матки и

выработку эндорфинов, которые в свою очередь способствуют переживанию матерью удовольствия от акта кормления. Это рассматривается как гормональное обеспечение возникновения и упрочения эмоциональной взаимосвязи матери с ребенком [М. Коппег, К. Флейк-Хоб-сон и др.]. Образование и поддержание уровня пролактина связано с длительностью акта кормления и перерывами между кормлениями. М. Коппег отмечает в этой связи, что в традиционных культурах (племена Африки, Новой Гвинеи) ритм кормлений способствует поддержанию постоянного уровня пролактина в крови матери. Соматические ощущения при кормлении сходны с таковыми при оргазме, но менее интенсивны и почти не захватывают наружных половых органов. Продолжение стимуляции эрогенных зон только сокращениями матки без распространения возбуждения на область клитора и влагалища, при общем переживании состояния наслаждения («экстаз кормления») имеют сложную основу. Как уже обсуждалось выше возникающие при кормлении такие ощущения «переводятся» в материнскую сферу за счет присутствия в ситуации ребенка. Способствует этому их постепенное развитие в процессе кормлений в первые дни. Изменения в родовых путях препятствуют распространению возбуждения на наружные половые органы при сохранении всех остальных компонентов, в том числе и сокращений матки. Восстановление слизистой оболочки и кровоснабжения половых органов завершается к тому периоду, когда ситуация кормления и сопровождающие ее ощущения и впечатления уже «хорошо освоены» матерью (конец первой недели). Таким образом есть все физиологические и психологические условия для образования нового устойчивого паттерна поведения. Как известно, осложнения с кормлением после родов чаще всего ведут к ограничению грудного вскармливания и его преждевременному прерыванию.

Возникновение полноценного переживания кормления происходит далеко не всегда. Возможно успешное кормление ребенка до конца первого года без каких-либо переживаний, подобных «экстазу кормления». По отчетам матерей, такое состояние чаще всего сочетается с игнорирующим стилем переживания беременности и соответствующим отношением к ребенку в дальнейшем (разной степени выраженности). Полноценные переживания при кормлении наиболее характерны для гармоничных взаимодействий матери с ребенком, предыдущим адекватным стилем переживания беременности, адекватным и близкими к нему стилями эмоционального сопровождения матери и устойчивой эмоциональной ценностью ребенка. Но и у них могут быть отдельные кормления без выраженных субъективных переживаний. Для возникновения таких ощущений необходим психологический настрой матери на кормление, отношение к нему как эмоционально-насыщенному, интимному взаимодействию с ребенком. Как уже ясно, такое отношение возникает у матери не само по себе, а в сочетании физиологического обеспечения, содержания ее материнской сферы и условий родов и послеродового периода. Разумеется, большое значение имеет непосредственная ситуация кормления.

Таким образом, этот период является необыкновенно важным для вступления в следующий, совпадающий с периодом новорожденности у ребенка.

7-й период. Новорожденность

В этот период развитие содержаний потребностно-эмоционального и ценностно-смыслового блоков материнской сферы наиболее тесно взаимосвязаны и происходят на фоне общей жизненной ситуации. Период новорожденности во всех культурах выделяется и оформляется многочисленными правилами, обрядами, поверьями и т.д. Мать и ребенок всегда более или менее строго изолируются от внешнего мира и контактов с другими людьми. Помимо гигиенического значения в этом заложен глубокий психологический смысл. Обеспечивается центрация всей жизни матери на ребенке и своих переживаниях. Мать и новорожденный всегда территориально объединены, в некоторых культурах спят вместе, а у арапшей (горное племя в Новой Гвинее) материнские функции распределяются между матерью и отцом и в первые недели они спят втроем [М. Мид]. В этом племени считается, что родители создают душу ребенка совместно в первые месяцы после рождения. Контакт с другими людьми, помимо членов своей семьи, возможен, когда ребенок начнет улыбаться отцу (то есть по окончании периода новорожденности). В России первые 6 недель мать с новорожденным находились в бане под присмотром повитухи и близких родственниц. В мусульманских традициях мать с новорожденным первые 10 дней считаются нечистыми и до них вообще никому нельзя дотрагиваться, кроме тех, кто помогал в родах. В первые месяцы мать практически не прерывает контакт с ребенком, позже материнские функции распределяются между другими женщинами в семье.

Помимо территориального объединения с ребенком, для матери создаются условия, способствующие приданию всем ее переживаниям положительно-эмоционального значения и закреплению личностной ценности для нее этого периода жизни. Роженица полностью отстраняется от всех дел, кроме ухода за ребенком, или в крайнем случае может что-то делать по дому, практически не

прерывая с ним контакта. В новогвинейском племени манус матери разрешается выходить только ночью, чтобы искупаться [М. Мид]. Существующие в каждой культуре формы организации послеродового периода способствуют общему положительно-эмоциональному настрою матери, делая ребенка основной причиной происходящих в ее жизни приятных перемен. Нередко перед родами мать возвращается в свою родительскую семью и остается там первые месяцы жизни ребенка, чаще к ней приезжают ее родственницы по материнской линии. В некоторых культурах мать наряжают в девические одежды и причесывают соответствующим образом, устраивается торжество, центром которого являются мать и ребенок. Своеобразный возврат в «лучшую пору жизни» происходит за счет присутствия близких людей и концентрации наиболее приятных воспоминаний и эмоций, связанных с детством и жизнью в родительской семье. В психоанализе принято считать, что в беременности происходит идентификация матери с ее ребенком, мать как бы возвращается в свое детство, актуализируются ее собственные переживания, что помогает ей после родов достичь необходимой чувствительности к состояниям ребенка. В классическом психоанализе упор делается на актуализацию личностных конфликтов, не разрешенных в детстве, а Д. Винникотт и его последователи видят в этом основу для вхождения матери в специфическое послеродовое состояние «первичного материнского чувства». Как бы то ни было, этот момент очень верно «ухвачен» народными традициями, обеспечивающими наилучшие условия для сосредоточения матери на ребенке и своих переживаниях и придании им положительно-эмоциональной окраски и личностного смысла за счет ведущих и ситуативных эмоций.

Помимо такого эмоционального аккомпанемента, на упрочение ценности ребенка и образование конкретно-культурного варианта интерференции ее с другими ценностями влияет изменение социального и семейного статуса матери в связи с рождением ребенка. Наиболее это выражено в тех культурах, где статус жены и матери является различным. Например, в исламе женщина как жена — сосуд греха, существо второго сорта, для нее необходимо руководство мужчины. Женщина-мать, напротив, высший идеал, эмоциональные связи сохраняются пожизненно именно с матерью, ее статус в семье и обществе очень высок. С рождением ребенка она переходит в эту категорию. Кроме семейного и социального статуса, дети обеспечивают и связь с внешним миром, очень ограниченную для женщины в ортодоксальных исламских семьях. В культурах, где женщина ведет более активную социальную жизнь, наличие ребенка младенческого возраста служит причиной перераспределения ее жизнедеятельности таким образом, что она в достаточной мере обеспечена видами деятельности, связанными с личными удовольствиями (уход за ребенком и общение с ним), и ограничена в тяжелых работах. К ней проявляется повышенное внимание, обеспечиваются поддержка, защита от неприятных переживаний, вообще создаются наилучшие условия.

Описанные условия дают возможность матери сконцентрироваться на своих переживаниях в процессе взаимодействия с ребенком и кормления, не переориентируясь на техническую сторону, так как у нее всегда есть помощники, которые берут на себя именно эту часть материнских функций. Она также временно свободна от других своих функций жены и хозяйки. Ценность ребенка и своих собственных переживаний от взаимодействия с ним свободна от «внедряющихся» и подкреплена общим эмоциональным фоном ситуации. Иначе обстоит дело в нуклеарных семьях евро-американского типа, где, напротив, «внедряющиеся» ценности (необходимость выполнять функции жены и хозяйки, ограничение положительных впечатлений вместо их увеличения, недостаточность патронажа и т.д.) имеют все основания для ослабления ценности ребенка и мешают матери сосредоточиться на взаимодействии с новорожденным.

Традиционное оформление периода новорожденности создает благоприятные условия для освоения инструментальной стороны операций ухода и операций общения, так как всегда есть рядом опытные и знающие помощники. Мать может плавно перевести свою реакцию на первый компонент гештальта младенчества в эмоциональное отношение к стилю движений ребенка (второй компонент), так как не возникает неуверенности и страха перед движениями ребенка. Такие же условия создаются для реакции на третий компонент гештальта младенчества (инфантильную результативность). На основе этого формируются стилевые характеристики операционального состава материнской сферы. В операциях ухода большое значение имеют особенности тактильного контакта матери с ребенком («холдинг в узком смысле» по Д. Винникотту). На предыдущих этапах развития женщина обычно не имела опыта обращения с ребенком в первые дни и недели после рождения с полной ответственностью за него. Теперь от нее требуется точная идентификация потребностей ребенка, адекватная этому организация своих действий и соответствующая эмоциональная их окраска (уверенность, бережность, ласковость движений). Эти качества существенным образом зависят от общей материнской

компетентности и отношения к ребенку. Второе обеспечено типом оформления периода новорожденности, «накладывающимся» на стартовые содержания материнской сферы, а первое формируется непосредственно в процессе взаимодействия (разумеется, также на уже имеющейся основе). В развитии стиля операций ухода можно выделить следующие этапы, которые в общих чертах стабилизируются к трем неделям:

1. Первые реакции страха, опасения, растерянности или «трепетной осторожности», когда мать мало концентрируется на своих ощущениях от тактильного контакта, а в основном переживает смешанное чувство удивления, восторга или опасения и привыкает к внешнему виду и самому существованию ребенка. Это может проявляться в разных вариантах от отношения к ребенку, как «чуду», до панического страха перед ним.

2. Появление удовольствия от контакта и переход в «ласковую осторожность» или «тревожную осторожность» в зависимости от всей динамики содержаний материнской сферы и условий взаимодействия. На этом этапе возникает тенденция увеличивать или ограничивать тактильный контакт.

3. Появление уверенности в движениях и отделения инструментальной стороны операций от эмоциональных переживаний тактильного контакта в субъективном опыте матери. Тактильный контакт приобретает самостоятельный статус ласки. Мать начинает инициировать тактильный контакт, переводя его в средство общения. Обеднение эмоциональной ценности тактильного контакта под влиянием «внедряющихся» ценностей (необходимость перераспределения своих ресурсов между ребенком и другими функциями в семье и т.п., сниженная ценность ребенка, некомпетентность и т.д.) лишает тактильный контакт в процессе ухода самостоятельной ценности для матери и не способствует формированию его как средства эмоционального общения.

4. Обратное совмещение инструментальной и эмоциональной сторон тактильного контакта, возникновение индивидуального материнского стиля операций ухода.

Динамика развития стиля операционального состава может фиксироваться на каждом из этих этапов в зависимости от стартового содержания всей материнской сферы и условий периода новорожденности. Сходная картина существует относительно операций общения и стиля эмоционального сопровождения. Большое значение здесь имеет развитие компетентности матери. Как показали исследования материнско-детского взаимодействия, период новорожденности в этом отношении является решающим. Уже обсуждались связанные с этим позиции Д. Винникотта, М. Кляйн и других исследователей, признающих, что развитие компетентности матери обусловлено ее особым состоянием, позволяющим ей идентифицироваться с ребенком. В теориях социального научения этот процесс рассматривается как взаимное научение членов диады посылать и распознавать сигналы о своих состояниях в процессе взаимодействия [D.N. Stern, T. Field, A. Fogel, J. Gewirts и др.]. В отечественных исследованиях подробно проанализированы развитие эмоционального взаимодействия, складывающееся к концу периода новорожденности [М.И. Лисина, М. Ю. Мещерякова и др.], возникновение у матери различения интонационной структуры плача ребенка и его использование ребенком как средства взаимодействия [Н.Я. Кушнир] и другие особенности. Выше было подробно рассмотрено формирование у матери стиля эмоционального сопровождения. Теперь ясно, что на него влияет, помимо всей истории развития материнской сферы женщины, ситуация периода новорожденности. Существующая в этой ситуации тенденция взаимодействия ценностей стимулирует образование варианта эмоционального сопровождения относительно именно этого ребенка (в пределах, ограниченных индивидуальными характеристиками матери).

Условия периода новорожденности влияют и на другие операции общения (эмоциональное выражение лица матери, глазной контакт, baby talk). Заинтересованность матери внешним видом ребенка, способность и возможность сосредоточиться на его лице и «уловить» свои переживания при этом возникают только в том случае, если мать не отвлекают мысли, далекие от непосредственного взаимодействия. Мать может заметить изменения в мимике лица ребенка, движениях его глаз, губ. Она старается эти изменения уловить, удержать, стимулировать. Уже к трем неделям у таких матерей хорошо выражено «экспериментирование» с реакциями ребенка во время взаимодействия, которое выражается в изменении положения ее лица, удержании взгляда ребенка и возвращении своего взгляда, когда ребенок «теряет» глазной контакт, стимуляции изменений его мимики, которую мать интерпретирует как выражение удовольствия. Для этого требуются время и эмоциональный настрой матери. То же самое относится к речи. Ребенок рано начинает двигать губами и произносить звуки, на которые мать отвечает (помимо общего включения baby talk в процесс взаимодействия). Уже к двум месяцам можно отметить попытки ребенка изменить движения губ и интонации голоса в процессе

речевого контакта матери с ним. Замечая это, мать активно использует новые возможности для расширения средств общения. Появляется возможность освоить средства взаимодействия, отъединить свои переживания от задач ухода, что позволяет впоследствии не смешивать свое удовольствие от общения с ребенком со значением гигиенических или лечебных процедур. Особенно это важно в тех случаях, когда у ребенка есть проблемы в развитии. Акцептация матери на своем удовольствии. От контакта позволяет ей не демонстрировать ребенку свои переживания по этому поводу и не создавать общий неблагоприятный фон взаимодействия.

Разумеется, в условия периода новорожденности, помимо описанных, входят и особенности ребенка. Однако они имеют значение только в том случае, когда у новорожденного недостаточно или неадекватно выражены «эволюционно ожидаемые» для матери стимулы. Исследования процесса развития взаимодействия матери с ребенком в этом периоде показывают, что, во-первых, проявления необходимых форм поведения ребенка возникают постепенно и зависят от поведения матери, а во-вторых, существуют достаточно широкие индивидуальные границы этих проявлений. Отрицательно влияют на динамику развития материнского поведения и ее чувств к ребенку достаточно сильные нарушения во внешнем виде и поведении последнего (уродства, серьезная перинатальная патология, нарушения психики, в том числе и симптомы аутизма, свойственные недоношенным особенности внешнего вида и поведения, в частности непринятие ребенком прилегающей лозы при взятии на руки, отрицательная реакция на контакт и т.п.).

Все описанные особенности периода новорожденности для матери позволяют ей сформировать основу для налаживания с ребенком тех отношений, которые описываются как симбиоз, диадические отношения, совокупная деятельность. Для матери это представляет собой способность адекватно воспринимать и на эмоциональном уровне переживать состояние ребенка. На основе этого понимания и в зависимости от содержания ее материнской сферы мать удовлетворяет потребности ребенка, о которых имеет представление (в физическом комфорте и пище), и те, о которых не имеет такого четкого представления и удовлетворяет их как свои (потребность в контакте, эмоциональном взаимодействии). Как уже ясно, для удовлетворения «знаемых» матерью потребностей ребенка так же необходимы ее собственные, от которых зависит качество ее действий.

В процессе взаимодействия с ребенком и освоения своих собственных переживаний стабилизируется и закрепляется возникшее еще в беременности отношение к ребенку как части себя, но в то же время самостоятельному существу. В данном случае можно говорить о «симбиотической фазе» и «фазе сепарации» для матери относительно значения для нее именно этого ребенка. Такое отношение к ребенку обсуждается с двух точек зрения: возникновения чувства «мой ребенок» и появления отношения к ребенку как самостоятельному субъекту, личности, имеющему право на свои собственные переживания и дальнейшую самостоятельность. Возникновение чувства «мой ребенок» В. И. Брутман рассматривает как берущее свое начало в беременности и основанное на сложном комплексе соматических переживаний и представлений женщины о своем ребенке. Уже представление о ребенке как «части меня», образующееся в процессе смутных неосознаваемых ощущений, имеет основания для выделения его как части, которая затем оформляется в образ ребенка как нечто целостное. В течение беременности женщина «сродняется» с соматически-сознательным комплексом представлений о ребенке, и возникает чувство «мой ребенок» и «я — мать этому ребенку». После рождения дифференцированность этих представлений, помимо способности к переживанию состояний ребенка, дает возможность выделить его как самостоятельного субъекта. Индивидуализация ребенка, отношение к нему как к субъекту является одной из существенных характеристик материнского отношения. Она позволяет матери приспосабливаться к особенностям ребенка и гибко варьировать режим [Д. Рафаэль-Лефф], видеть в ребенке субъекта общения [О.А. Смирнова, С.Ю. Мещерякова], стимулирует в дальнейшем успешность фазы сепарации [D. Stern] и развитие Я – концепции [М. Малер, Н.Н. Авдеева], установление оптимальных детско-родительских отношений в более старшем возрасте [А.С. Спиваковская, А.Я. Варга и др.].

Нарушения во взаимодействии матери с ребенком в период новорожденности имеют последствия не только для ребенка, но и для развития материнской сферы. Это касается и последствий сепарации, особенно длительной. Одной из форм такой сепарации является разделение матери с ребенком при преждевременных родах. Необходимые для матери условия не только нарушаются, но и усугубляются за счет опасности для ребенка. В таких условиях нередко резкое ослабление стремления матери к контакту с ребенком, нарушение грудного кормления и т.д. [О.Р. Ворошнина и др.]. Другим вариантом, осложняющим развитие материнского чувства, является рождение близнецов [Е.А. Сергиенко с соавторами].

При анализе периода новорожденности необходимо остановиться на явлении послеродовой депрессии. Она известна давно, ее описание встречается в медицинских трактатах начиная с IV века нашей эры. Послеродовая депрессия в слабой форме отмечается почти у 50% женщин, сильно выражена в 1% случаев [Г.В. Скобло, О.Ю. Дубовик]. Послеродовая депрессия может быть выражена в форме редких кратковременных эпизодов или постоянно повторяющихся и длительных состояний. Она возникает чаще всего в период новорожденности и может длиться от 2-3 недель до 5 месяцев. Чаще всего, особенно при слабой и средней выраженности, проходит сама. Физиологическим основанием послеродовой депрессии является гормональная перестройка после родов. Однако эта перестройка происходит у всех женщин, а депрессия возникает не у всех. Ее начало и выраженность не зависят от интенсивности гормонального фона, но существенно зависят от двух следующих факторов: а) индивидуальный стиль переживания женщиной гормональных изменений, сопровождающих разные фазы репродуктивного цикла (депрессивные состояния в пубертате, выраженный депрессивный характер предменструального синдрома, склонность к депрессиям в первый триместр беременности); б) условия беременности и периода новорожденности, способствующие резкому понижению ценности ребенка на фоне сильного напряжения «внедряющихся» из других потребностно-мотивационных сфер матери. Явления, поведенчески сходные с послеродовой депрессией, наблюдаются и у высших животных, в частности у приматов. В этих случаях мать полностью теряет интерес к детенышам и последние погибают. Обычно это сопровождается неблагоприятными для выращивания потомства условиями во внешней среде или в сообществе. В таких случаях единственная возможность сохранить мать как репродуктивно-зрелую особь до «лучших времен» — это избавить ее от потомства. У человека влияния внешних неблагоприятных условий, способствующих возникновению депрессии, всегда индивидуальны и выражаются в потере ребенком своей самостоятельной ценности для матери. Однако для нее абсолютно невозможно отказаться от ребенка (в данном случае не имеются в виду женщины, отказывающиеся от ребенка). Особенность послеродовой депрессии состоит в потере (или невозникновении) чувств к ребенку. Помимо фрустрации этого чувства, которое всегда в какой-то мере знакомо и ожидаемо для матери, возникает резкое чувство вины или ущербности, так как неизбежна оценка своего состояния по сравнению с имеющимися культурной и семейной моделями материнства. При послеродовых депрессиях, помимо психотерапевтического и при необходимости медикаментозного лечения, обязательно поддерживающее и внимательное отношение членов семьи. Для матери большое значение имеет, если она уверена, что ребенку оказывается необходимый уход, он обеспечен любовью и вниманием, которые она не может ему предоставить.

Описание периода новорожденности показывает его необыкновенную важность и значение для развития материнской сферы. Происходит стабилизация всех содержаний; освоение и развитие операционального состава; конкретизируется отношение к компонентам гештальта младенчества; возникновение переживаний от взаимодействия с ребенком формирует окончательное содержание потребности в материнстве и потребности в заботе о ребенке; интерференция ценностей, конкретизируясь в условиях периода новорожденности, приобретает свое устойчивое содержание. Все это создает основу для перехода к следующему периоду пятого этапа, на котором мать и ребенок становятся «партнерами», разделяющими между собой совместную деятельность. Основные функции матери на этом этапе — эмоциональное санкционирование целедейственного звена в развитии структуры деятельности и формирование у ребенка привязанности и базовых структур отношения к миру.

8-й период. Совместно-разделенная деятельность матери с ребенком

В этом периоде у матери уже есть определенный стиль эмоционального сопровождения взаимодействия с ребенком и устойчивая реакция на первый и второй компоненты гештальта младенчества, а также на первый уровень третьего компонента (результаты физиологической жизнедеятельности ребенка). Все это составляет основу дальнейшего развития ее переживаний и поведения в ситуациях, где требуются ее функции как объекта привязанности и участия в деятельности ребенка в качестве эмоционального санкционера успешности достижения целей.

Образование у ребенка к концу первого полугодия объекта привязанности и соответствующего поведения проявляется в выделении матери среди других людей (имеется в виду не в субъективном мире ребенка, а во внешне выраженном поведении) и обращении к ней за поддержкой. Ребенок радуется приходу матери больше, чем другим людям, в ее присутствии быстрее успокаивается, к ней обращается при дискомфорте или в незнакомой ситуации. Ответное поведение матери обеспечивает уверенность ребенка в ее доступности и адекватности ее реакции. Большое значение имеет то, как мать реагирует на обстановку и поведение ребенка, который постоянно смотрит на ее лицо и по нему

определяет значение ситуации. Здесь стиль эмоционального сопровождения матери формирует у ребенка повышенную тревожность и, возможно, чрезмерную зависимость от матери, если она усиливает его отрицательные эмоции, чувство эмоциональной изоляции и избегающей привязанности при игнорирующем и осуждающем стиле эмоционального сопровождения. Если у матери адекватный стиль эмоционального сопровождения, то она оказывает ребенку своевременную поддержку, быстро компенсируя его неуверенность и обеспечивая возобновление интереса к окружающему миру. Исследования культурных вариантов привязанности показали, что особенности поведения матери в ситуациях ухода и возвращения, ее реакция на испуг ребенка в новой ситуации и т.п. различаются в разных культурах и ведут к формированию у ребенка соответствующей формы привязанности [М. Мид, Lamb at all, и др.].

Включение матери в эмоциональное санкционирование целедейственного звена в структуре деятельности ребенка в этом периоде только начинается и происходит в процессе введения поощрения и запрещения активности ребенка. В дальнейшем, к концу периода, происходит расхождение этой функции в два направления: а) обеспечение ориентации на предлагаемые культурной моделью цели и средства удовлетворения потребностей; б) формирование стиля переживания успеха-неуспеха для будущей структуры мотивации достижений. Первое направление активно реализуется в следующем периоде, со второго года жизни, а второе развивается в процессе ситуативно-делового общения со второго полугодия и до окончания раннего возраста. Поведение матери в этих случаях основано на ее реакции на второй компонент гештальта младенчества (инфантильный стиль движений) и формировании отношения к разным уровням третьего компонента — инфантильной результативности. Самые первые регулирующие санкции матери проявляются в ее стиле поощрения и запрещения активности ребенка. Этот феномен исследовался Н.Н. Авдеевой, которая показала, что до трех месяцев ребенок реагирует с разной интенсивностью положительно как на разрешение, так и на запрещение со стороны взрослого, затем начинает различать эти воздействия и реагировать на них усилением или торможением своей общей активности. В конце первого полугодия младенец начинает вычленять действия, которые запрещаются или поощряются, а в начале второго активно требует эмоциональной «санкции» взрослого в совместной деятельности. Затем реакции взрослого включаются в процесс ситуативно-делового общения, то есть используются непосредственно по назначению. После 8 — 9 месяцев и более активно к концу первого года ребенок, на основе собственного опыта взаимодействия с миром, сопоставляет реакцию взрослого и свои возможности и формирует индивидуальные стратегии реакции на запрещение. Функции матери здесь состоят в гибком сочетании поддержания общей уверенности ребенка в ее устойчивом благожелательном отношении, формировании ориентации ребенка на ее эмоции в процессе достижения целей и развитии самостоятельности. Это возможно в том случае, если ее собственные переживания соответствуют таким задачам.

В процессе взаимодействия с ребенком в предыдущем периоде у матери есть условия для перевода ее интереса с непосредственного контакта на интерес к активности ребенка, а затем результатам этой активности и переживанию ребенком полученных результатов. Реакции ребенка в развивающемся эмоциональном взаимодействии с матерью интерпретируются ею как то, что ребенок радуется контакту, хочет его и сам проявляет активность для его инициации и продолжения. Освоенные в процессе эмоционально-личностного общения способы совместного переживания положительных эмоций позволяют матери перейти на следующий этап — разделять с ребенком радость от его собственной активности, пока двигательной и связанной с процессом ухода и кормления. Затем яркая ориентация ребенка на действия матери с окружающими объектами, его интерес к предметам, которые держит в руках мать, и действиям с ними (начало развития ситуативно-делового общения) служат материалом для перевода интереса матери к совместным действиям с ребенком, в которых он ярко демонстрирует особенности своей инфантильной результативности. Переживания самого ребенка от достижения целей и получения ожидаемых впечатлений являются мощным подкреплением, ради которого производятся различные эмоциональные игры, забавы и т.п. Успехи ребенка в манипулятивной деятельности, его новые реакции на мир, узнавание предметов и ситуаций и т.п. продолжают этот процесс. Таким образом, в благоприятных условиях само развитие ребенка обеспечивает перевод интереса матери с переживаний от контакта с ним на удовольствие от результатов его активности.

Однако реальная жизнь требует ограничения активности ребенка и введения не только поощрения, но и запрещения его действий и предупреждения их результатов. В зависимости от содержания материнской сферы и особенностей материнско-детского взаимодействия мать может по-разному использовать запрещающие и поощряющие санкции. При адекватном стиле эмоционального

сопровождения, устойчивой ценности ребенка и благоприятных условиях взаимодействия мать в первые месяцы подкрепляет любую активность ребенка, к трем месяцам, когда ребенок уже может что-то схватить сам, перевернуться и т.п., организует его окружающее пространство так, чтобы ничего опасного не могло произойти. В таких условиях необходимости для запрещения, которые ребенок в этом возрасте воспринимает как обобщенную отрицательную оценку своей активности и себя, просто не возникает. Возможен только «перехват» действий ребенка и направление их в другую сторону, но не запрещение. Позже мать начинает включать запрещение, но, избегая неприятных для нее отрицательных реакций ребенка, сразу переключает его активность, используя имеющуюся у него тенденцию предпочтения предметов, с которыми она сама действует. На этой основе формируется эмоциональное обеспечение ситуативно-делового общения, и матери становятся интересными действиями ребенка, она создает условия для их результативности. Это позволяет ей, с одной стороны, поддерживать его инициативу, а с другой стороны, относиться к «нарушению запретов» так, чтобы обеспечить безопасность ребенка и не ограничивать его самостоятельность. Освоенные уже способы распределения своих эмоций, переключения активности ребенка и т.д. позволяют не ужесточать меры воздействия. В этом возрасте (во втором полугодии) перераспределение материнских функций уже более широко используется, в традиционных культурах большую часть времени ребенок проводит с теми, у кого нет других задач и интересов, кроме участия в его деятельности (старшие или младшие члены семьи). Это позволяет матери включаться при необходимости для обеспечения функций объекта привязанности и только частично — во взаимодействие ребенка с предметным миром.

При игнорирующем или осуждающем стиле эмоционального сопровождения мать своим отношением обесценивает достижения ребенка для него самого, ей мешают его движения и их результаты, она не старается заранее организовать ситуацию взаимодействия так, чтобы не возникало необходимости запрещающих санкций. Активность ребенка становится не желанной, а, напротив, докучливой. Мать старается по возможности заменить себя дублерами или игрушками. В результате она не имеет возможности освоить удовольствие от постоянно меняющихся способностей ребенка. Чем старше он становится, тем больше ресурсов (физических и эмоциональных) требуют от нее результаты деятельности ребенка, а потребности в них для себя нет. В таких случаях мать чаще использует запрещения, чем поощрения. Стиль запретов может быть разным: от механического ограничения активности ребенка, неподкрепления его инициативы до прямого наказания. В конце первого года резкое повышение активности ребенка воспринимается матерью как непослушание, своеволие, капризы. Как показало исследование Н.Н. Авдеевой, у детей, в зависимости от стиля поведения взрослых (использования поощрения и запрещения), развивается стратегия ориентации на подкрепление своей активности (ориентация на поощрение и поддержку) или угнетение инициативности, ориентация в регуляции своего поведения на запреты. Последнее характерно для детей, воспитывающихся в детских закрытых учреждениях. Это уже имеет прямое отношение к формированию основ мотивации достижений. Исследования более старших детей показывают, что в условиях строгой регламентации поведения взрослыми, недостаточной поддержки собственной активности ребенка снижены мотивация на успех, самооценка, уровень притязаний.

Таким образом, к концу первого года стабилизируется стиль поведения матери не только в отношении ее функций как объекта привязанности, но и в эмоциональном санкционировании деятельности ребенка. В следующем периоде эти ее особенности реализуются во введении культурных норм и правил поведения, а также создают основу для развития нового интереса к ребенку как субъекту собственного отношения к миру, развивающейся личности. В течение беременности и первого года жизни ребенка образуется и стабилизируется общий стиль материнского отношения.

Психологические исследования свидетельствуют, что в становлении и реализации материнско-детского взаимодействия центральным и определяющим является материнское отношение. Именно оно лежит в основе всего поведения матери, тем самым создавая уникальную для ребенка ситуацию развития, в которой формируются его индивидуально-типологические и личностные особенности. Считается, что «нормы материнского отношения» нет, так как содержание материнских установок различается в разных культурах и социальных группах и меняется от эпохи к эпохе. В то же время всегда существовали явления, которые во все исторические периоды считались отклоняющимися проявлениями материнского отношения. Они могли носить более скрытые или открытые формы.

Само понятие «материнское отношение» не является в настоящий момент строго определенным и общепринятым, но тем не менее достаточно популярен как предмет психологического исследования. При этом обычно выявляется определенная типология поведения и переживаний матери. Выделение подобных стилей и типов (отношения, поведения, взаимодействия матери с ребенком) проводилось в

психологии неоднократно (Д. Винникотт, Д. Рафаэль-Лефф, Н.Н. Авдеева С.Ю. Мещерякова, А.Я. Варга, А.Д. Кошелева, О.В. Баженова с соавт., Г.В. Скобло с соавт., В.И. Перегуда и др.). На основе этих исследований сформулированы критерии выделения стилей материнского отношения и описаны сами стили (ГГ. Филиппова). Стили материнского отношения выделены по критериям: стиль эмоционального сопровождения; степень субъективизации ребенка; использование средств контроля при определении состояния ребенка; уровень развития и скорость появления материнской компетентности; легкость приспособления к новому ритму жизни и освоения новых обязанностей; изменение режима своей жизни и жизни семьи как «приспособление к индивидуальному ритму жизнедеятельности ребенка» или приучение ребенка к режиму, устанавливаемому взрослыми; удовлетворенность собой, ребенком, отношением к себе и ребенку близких людей. По этому показателю выделены 5 стилей материнского отношения:

1. Адекватный стиль (адекватный стиль эмоционального сопровождения, отношение к ребенку как субъекту, ориентация на себя и состояние ребенка, высокая, рано появившаяся материнская компетентность, удовлетворенность материнством и отношением других).

2. Тревожный стиль (усиливающий или слабо осуждающий стиль эмоционального сопровождения, ориентация на мнения других, усиленное внимание к негативным сторонам поведения ребенка и своего состояния, поздно появившаяся компетентность, сложность налаживания режима, неуверенность в себе, неудовлетворенность собой и другими, опасения за развитие ребенка).

3. Эмоционально отстраненный, регулирующий (игнорирующий стиль эмоционального сопровождения, отношение к ребенку как объекту, ориентация на приучение к режиму, на знания о развитии ребенка и мнения других, поздно появившаяся компетентность, претензии к особенностям ребенка, неудовлетворенность условиями, отношением других, нехваткой времени на себя, необходимостью все силы отдавать ребенку).

4. Амбивалентный (неустойчивый, с резкой конфронтацией ценности ребенка и внедряющихся, с противоположными тенденциями эмоционального сопровождения отрицательных и положительных состояний ребенка, неравномерная компетентность к разным проявлениям ребенка, конфликт между своими состояниями и необходимостью подчиняться мнению других, недостаточная субъективизация ребенка, неудовлетворенность собой, отношением других к ребенку и к себе, осуждение себя наряду с оправданием).

5. Аффективно отвергающий (ценность ребенка низкая или отрицательная, стиль эмоционального сопровождения сочетает в себе игнорирование и осуждение вплоть до агрессии, низкая компетентность и низкий уровень удовлетворения потребностей ребенка).

В исследованиях беременных, матерей с младенцами и детьми дошкольного возраста было подтверждено соответствие стиля переживания „беременности стилию материнского отношения. Сопоставление данных, полученных в лонгитюдном исследовании (с начала беременности до 6 месяцев после родов) 51 женщины, проведенном на базе женской консультации, показало, что адекватный стиль переживания беременности соотносится с адекватным стилем материнского отношения. Женщины с тревожным, амбивалентным и эйфорическим стилями переживания беременности составляют группу, у которой в зависимости от конкретный условий послеродового периода развиваются тревожный, амбивалентный или отвергающий стили материнского отношения. Игнорирующий стиль переживания беременности и эмоционально-отстраненный, регулирующий стиль материнского отношения соответствуют друг другу в беременности и после родов. Ценность ребенка коррелирует одновременно со стилями переживания беременности и стилями материнского отношения, а также с уровнем эмоционального благополучия ребенка. В среднем ценность ребенка для матери и уровень эмоционального благополучия ребенка коррелируют друг с другом и со стилями переживания беременности и материнского отношения в пределах от 82 до 98% (коэффициент Гилфорда от 0,64 до 0,88). Исследования девиантного материнского отношения (особенно это касается данных о переживании беременности женщинами, отказывающимися от ребенка [В.И. Брутман, А.Я. Варга, М.С. Радионова, ГГ. Филиппова, И.Ю. Хамитова и др.]), показывают, что группу риска составляют женщины с игнорирующим типом переживания беременности, который практически не изменяется на протяжении всех трёх триместров и после родов. Именно игнорирующий стиль переживания беременности является наиболее трудным для коррекции, он в свою очередь ведет к такому же типу девиантного материнского отношения (эмоционально-отстраненному, регулируемому), который также плохо поддается коррекции в более старших возрастах ребенка (эмоционально-подавляющий, авторитарный, регулирующий).

9-и период. Возникновение интереса к ребенку как личности

Этот период приходится на второй год жизни ребенка. Функции матери здесь довольно сложные. Первое полугодие второго года для ребенка считается сензитивным для изменения формы привязанности. Это связано с необходимостью нового отношения матери к его активности, сочетанию обеспечения безопасности и самостоятельности. Излишняя тревожность и ограничение активности ребенка ведут к тому, что его вера в надежность мира и защиту матери могут поколебаться. Нечувствительность матери к проблемам ребенка, возникающим в связи с расширением его взаимодействия с миром, когда он вынужден сам справляться со своими страхами и фрустрациями, способствует развитию избегающей привязанности.

Функции матери требуют от нее теперь гораздо больше ресурсов и включенности в деятельность ребенка, в первую очередь игровую. Здесь все большее значение приобретает перераспределение материнских функций в семье. Для матери должна быть возможность развивать свой интерес к внутренней субъективной жизни ребенка, без ущемления остальных ее интересов, которые теперь, после окончания грудного кормления и актуализации других задач жизнедеятельности, становятся более явными. Участие матери в играх ребенка и его действиях с предметами дает ей возможность увидеть изменения в его способностях и реакциях на свои результаты. Теперь он уже сам ставит цели и добивается их достижения. Имея собственную модель этого его поведения, мать подкрепляет или не подкрепляет поведение и переживания ребенка, продолжая свою функцию эмоционального санкционера в новых условиях его самостоятельной деятельности. Для этого у нее должны быть мотивация участия в игровой деятельности ребенка и интерес к его собственным способам постановки и решения игровых задач. Раскрывая для себя его постоянно изменяющийся внутренний мир, мать, во-первых, начинает видеть в ребенке растущую и развивающуюся личность, а во-вторых, у нее появляется интерес к его индивидуальному, самостоятельному пути развития. Она позволяет ему быть не «запрограммированным» и научается получать удовольствие именно от этих новых для нее изменений в ребенке. Если ей удастся сформировать такое отношение, то она находит единственно верный для ее ребенка способ воспитания при введении правил и норм поведения, соответствующих ее культурной модели. Как было отмечено выше, в каждой культуре есть принятые способы воспитания. Но каждый раз они должны быть претворены в жизнь в соответствии с индивидуальными особенностями ребенка. Все это возможно при благоприятном развитии в предыдущих периодах. Устойчивая ценность ребенка и адекватный стиль эмоционального сопровождения матери, базирующийся на стартовой положительной реакции на все компоненты гештальта младенчества, сформированные на всех этапах онтогенеза материнской сферы, обеспечивают возможность развития личностного отношения к ребенку и поддержания его эмоционального благополучия практически при любых условиях. Другие варианты содержания материнской сферы более подвержены модификациям в зависимости от условий актуального материнства. Эти модификации каждый раз индивидуальны и не могут быть строго типологизированы. Причины нарушений материнско-детских отношений и прогноз их развития должны строиться с учетом всех особенностей онтогенеза материнской сферы матери и особенностей ее взаимодействий с ребенком.

Шестой этап. Отношения с ребенком после окончания возраста, с характеристиками гештальта младенчества

После раннего возраста ребенок теряет ярко выраженный комплекс гештальта младенчества. Однако остаются и достаточно сильно выражены последние уровни третьего компонента — инфантильной результативности. Сформировавшееся у матери отношение к их особенностям позволяет ей оказывать покровительство и заботиться о ребенке, получая в качестве подкрепления его успехи, не только свидетельствующие о взрослении, но и те, которые доставляют ей удовольствие непосредственно сейчас. Весь предыдущий багаж ее переживаний обеспечивает ее включенность в игровую, социальную жизнь ребенка, нахождение необходимого баланса строгости и мягкости, а главное — интерес к личности ребенка. На рубеже раннего возраста особенно важны функции матери в стабилизации индивидуальной структуры мотивации достижений. Х. Хекхаузен подчеркивает значение материнского стандарта — представления матери о способностях и возможностях достижения целей ребенком. В. В. Лебединский считает, что участие матери в игровой деятельности ребенка и ее поддержка эмоций ребенка в процессе достижения целей в игре участвуют в формировании его уровня притязаний.

Как показывают исследования взаимоотношений матери с ребенком в дошкольном возрасте, после трех лет стиль материнского отношения является устойчивым и прямо соотносится с уровнем эмоционального благополучия ребенка, особенностями развития познавательной мотивации, стилем переживания стрессовых ситуаций [А.Д. Кошелева, В.И. Перегуда, Г.А. Свердлова, И.Ю. Ильина и др.].

3.4. Особенности развития материнской сферы в современных условиях

Соотношение биологических и культурных механизмов развития материнской сферы

Рассмотренный онтогенез материнской потребностно-мотивационной сферы показывает всю сложность взаимодействия биологически обусловленных и культурных механизмов развития материнского поведения. Сложившиеся в эволюции и преобразованные человеческим сознанием особенности формирования у матери потребностей и навыков взаимодействия с ребенком обеспечивают создание эволюционно ожидаемых условий развития для него как представителя своего вида и как члена конкретной культуры (понятие эволюционно ожидаемых условий развития сформулировано Е.А. Сергиенко). С другой стороны, особенности развития ребенка создают эволюционно ожидаемые условия для формирования материнского чувства и поведения. Совпадение этих условий позволяет двум самостоятельным субъектам выполнять свои задачи в системе общего взаимодействия. Потребности матери и ребенка и особенности поведения каждого из них замыкаются в единый комплекс, образуя систему из двух комплиментарных составляющих, которые тем не менее не смешиваются и продолжают свое развитие как самостоятельные субъекты. Совпадение задач жизнедеятельности в условиях взаимодействия и взаимное обеспечение эволюционно ожидаемых условий друг для друга имеют вид эволюционного замыкания. При эволюционном замыкании необходимо адекватное обеспечение взаимных функций, создающих эволюционно ожидаемые условия для членов системы. Теоретически эти функции могут быть осуществлены дублерами, и если последние их успешно выполняют, то развитие второго члена системы не нарушается. Относительно системы «мать — ребенок» функции матери для ребенка могут быть перераспределены между разными их носителями, начиная с оплодотворения. Успешность выполнения материнских функций зависит от содержания материнской сферы их носителя, а не от биологической связи членов системы. Для матери функции ребенка также могут быть заменены полностью (приемный ребенок) или частично (замена объекта деятельности материнской сферы).

Изменение содержания самих функций вследствие различных условий, влияющих на развитие этих функций у самих членов системы — как у матери, так и у ребенка, ведет к последствиям двоякого рода:

1. Модификация содержания системы. Модификация может проявляться на индивидуальном и культурно-специфическом уровнях. Специфические особенности каждой культуры создают конкретные, соответствующие географическим и историческим требованиям особенности модели взрослой личности, детства и материнства. Индивидуальные изменения обеспечивают вариативность материнского поведения, которое ориентировано на индивидуальные особенности конкретного ребенка и служит источником развития будущего взрослого члена общества, не выходящего за рамки видотипичных особенностей онтогенеза и существующих в данной культуре вариантов личностного развития. Критерием «нормальности» этих модификаций является общее эмоциональное благополучие ребенка, которое позволяет ему успешно адаптироваться к разнообразным особенностям своего конкретного общества.

2. Дефицитарность системы. Представление о дефицитарности развития в условиях нарушения эволюционно ожидаемых условий сформулировано Е.А. Сергиенко при анализе раннего онтогенеза зрительной перцепции и закономерностей формирования антиципации как механизма регуляции взаимоотношений субъекта с миром. При изменении эволюционно ожидаемых условий, нарушающих ход развития взаимодействия членов системы «мать — ребенок», могут происходить изменения, ведущие к общему нарушению развития ребенка. Эти изменения могут затрагивать разные уровни развития, их особенность состоит в том, что формирующиеся способы взаимодействия с миром менее эффективны, адаптивность к изменениям в среде снижена, эволюционно предполагаемое развитие отдельных функциональных систем и их связей не достигает оптимального видотипичного уровня. В данном случае речь идет о дефицитарности базовых структур отношения к миру, которая выражается в снижении эмоционального благополучия ребенка. Это создает неблагоприятные условия для его общего психического развития. В отношении матери дефицитарность развития может быть обусловлена изменениями в поведении ребенка (разные формы изменения гештальта младенчества и онтогенетические особенности детей с физической и психической патологией).

Таким образом, относительно видотипичных и конкретно-культурных функций Матери речь должна идти об индивидуальных и культурных особенностях материнской сферы, создающих условия для модификации развития системы «мать — ребенок», которые необходимы для соответствия

индивидуальным особенностям ребенка и постоянно меняющимся содержаниям культурно-исторического опыта. В этих условиях необходима возможность прижизненного формирования и ситуативного изменения материнской сферы женщины в соответствии с конкретными особенностями ее культуры и самого ребенка.

Особенность развития материнской сферы женщины в человеческом обществе состоит в том, что общество и сама мать частично осознают материнские функции, активно включаются в их выполнение и этим могут изменять эволюционно ожидаемые условия для ребенка. Это, в свою очередь, ведет к изменению поведения ребенка, а значит, и эволюционно ожидаемых условий для матери. Как в этом случае происходит эволюционное замыкание и что из этого получается, изучается в русле различных направлений психологии материнско-детского взаимодействия. Для ребенка крайними вариантами дефицитарности развития являются госпитализм, ранний детский аутизм и другие нарушения, а для матери — полная потеря материнского чувства (отказ от ребенка без объективной необходимости, послеродовая депрессия и т.д.).

Осознание материнских функций ведет к внедрению в их регуляцию как общества, так и самой матери. В каждой культуре есть целый институт материнства, который в качестве составной части включает в себя способы воспитания женщины как матери. Эти способы рассчитаны на то, что часть содержаний своих функций мать будет осознавать, а часть — нет. Соответственно, в общественном сознании также не все функции матери полностью осознаются, часть из них представлена в форме поверий, примет, суеверий и т.п. Все это вместе может быть охарактеризовано как конкретно-культурный «путь к модели» материнства, которое само по себе есть инструмент, созданный природой и обществом для «производства» ребенка как представителя своего вида и своей культуры. В обществе постоянно происходят изменения модели материнства и детства, соответствующие изменению в самих общественных отношениях. Изменяется и отношение женщины к своей роли матери. В современных условиях эти изменения настолько стремительны, что имеющийся «путь к модели» материнства, складывающийся в общественной практике в течение десятков тысяч лет и включающий в себя способы формирования у матери наряду с осознаваемыми — неосознаваемых ни ей самой, ни обществом материнских функций, не успевает измениться соответствующим образом. Для примера рассмотрим такие изменения, касающиеся самой матери и культурных моделей материнства.

Современные особенности изменения в материнской потребностно-мотивационной сфере на индивидуальном уровне

Логика материнско-детского взаимодействия требует изменений в регуляции психической деятельности матери. Она должна частично отказаться от сознательных способов регуляции своей деятельности и пользоваться интуицией и своими эмоциями. Это обусловлено особенностями ребенка и уникальностью задач матери во взаимодействии с ним. Можно выделить три основных аспекта этого взаимодействия, требующих изменения в ее эмоциональной и интеллектуальной сферах:

1. Обеспечение матерью своих функций в течение беременности, после родов и в период новорожденности требуют от нее пребывания в специфическом состоянии, позволяющем ей естественным образом и без явного осознания взаимодействовать с другим субъектом, у которого еще нет не только сознания, но и развитых, дифференцированных способов взаимодействия с миром вообще. Ей необходимо ориентироваться на свои эмоции, по которым она чувствует состояние ребенка. Кроме того, ей предстоит осваивать в совместной с ребенком деятельности способы эмоционального общения с ним. Концентрация на ребенке, способность изменять свое состояние непосредственно вслед и по причине изменений его состояния, нечувствительность к возможным влияниям со стороны, уводящим мать от переживания стимуляции от ребенка, обеспечивают то необходимое соответствие эмоций матери контексту взаимодействия, которое создает для них обоим эволюционно ожидаемые условия. Другими словами, для матери важно не прогнозировать последствия, а быть с ребенком, по словам Н.Б. Кедровой, «здесь и теперь». Доминирование в сознании матери представления о последствиях ее поведения для будущего ребенка, всегда связанных с ее конкретной моделью ребенка как будущего взрослого, «заслоняет» непосредственную стимуляцию от самого младенца, которая и обеспечивает условия для проявления и изменения эмоций матери. Конечно, совсем без осознания здесь не обойтись. Однако происходящие в беременности изменения в эмоциональной сфере женщины обеспечивают тонкое сочетание эмоциональной регуляции ее деятельности с высоким уровнем интеллектуальной интуиции, необходимой для выполнения сложной и ответственной задачи ухода за ребенком.

В беременности под воздействием гормональных изменений эмоциональная сфера женщины становится более лабильной, импульсивной. В то же время женщина становится очень чувствительной к

нарушению эмоционального комфорта и стремится избегать неприятных переживаний. Лабильность и склонность к положительным эмоциям, связанным со своими состояниями и соматическими переживаниями, позволяют быстро переключаться на то, что сейчас наиболее приятно, и поддерживать это состояние. Импульсивность способствует ситуативному следованию за стимуляцией от ребенка. Повышенная эмоциональная сензитивность необходима для эмоционального взаимодействия с ребенком и непосредственного переживания его состояний. Интересно, что все эти характеристики сами по себе соответствуют особенностям эмоциональной сферы ребенка. Такая «эмоциональная инфантилизация» в беременности уже отмечалась выше.

2. Особенности материнско-детского взаимодействия требуют не только импульсивности и перехода на чувственный уровень регуляции. Необходимо и соответствующее отношение к матери и ребенку членов семьи и общества в целом. Этому способствуют некоторые инфантильные черты внешнего вида и поведения будущей матери, прогрессирующие в беременности. Необходимость защиты, повышение зависимости от членов общества в обеспечении пищей, создание благожелательной атмосферы, способствующей благополучному течению беременности и развитию отношений матери с ребенком, оцениваются многими исследователями как специфически человеческие особенности материнства. Еще до осознания обществом всех тонкостей влияния на мать этих обстоятельств изменение отношения к беременной стимулировалось присущими ей теперь инфантильными чертами как во внешнем виде (изменение пропорций тела и лица, цвета и упругости кожи и т.п.), так и в поведении (элементы поведения зависимости, требования внимания, выражения лица и речи). Инфантильные характеристики эмоциональной сферы также могут быть отнесены к этим признакам.

В этом отношении интересны изменения в речевом поведении, связанные с общей инфантилизацией поведения и эмоциональной сферы. Речь всегда отражает эмоциональное состояние. При поведении, имитирующем детские черты, что характерно в ситуации требования поддержки и покровительства, речь приобретает особенности, близкие по интонационному составу, расстановке пауз, изменению грамматической структуры и Т.П. к речи ребенка. Эти же особенности присущи речевому поведению baby talk, которое используется в материнском поведении. Помимо участия в развитии операционального состава материнской сферы, эти характеристики речи в беременности создают стимульную среду для развития у ребенка избирательности к адекватному речевому поведению взрослых во взаимодействии с ним.

3. Постепенно увеличивающаяся в течение беременности концентрация интересов матери на ребенке, снижение интереса к другим областям жизни в совокупности с переходом на интуитивный стиль интеллектуальной регуляции деятельности создают картину сужения содержаний интеллектуальной сферы и ограничение использования дискурсивного мышления. Исследования В.И. Брутмана и М.С. Радионовой показали также снижение чувствительности к логическим противоречиям у беременных в третьем триместре. На самом деле речь должна идти не о регрессе интеллектуальной сферы, а о концентрации ее на определенных содержаниях и ориентации на интуитивный и эвристический способ обработки информации. Исследования в психологии мышления именно эти особенности позволяют отнести к творческим способностям. Общее повышение творческого потенциала отмечается у беременных, начиная со второго триместра (в практике психологической подготовки к материнству).

Все эти особенности осознаются в современном обществе не только окружающими, но и самой женщиной. Повышение зависимости, потеря самостоятельности, изменение в эмоциональной сфере по инфантильному типу, в интеллектуальной деятельности, сужение интересов и их концентрация на себе и ребенке могут расцениваться самой женщиной и обществом как общая деградация. Свое собственное стремление пребывать в этом состоянии и получаемое от него удовольствие также могут пугать женщину. Положительные аспекты этих изменений — обогащение субъективного опыта женщины, ее общее психическое развитие, освоение новых форм интуитивной регуляции взаимодействия с миром и Т.П. чаще всего недооцениваются.

Таким образом, осознание происходящих в себе перемен и их интерпретация могут осложнять естественный процесс развития материнской сферы, понижать ценность ребенка и создавать условия для усиления влияния «внедряющихся» ценностей из других потребностно-мотивационных сфер женщины. Современные тенденции изменения роли женщины в семье и обществе в этом отношении пока не могут считаться благоприятными.

Модель материнства и «путь к модели» в условиях современного общества

Конкретно-культурная модель материнства — как содержание всех блоков материнской сферы женщины — ориентирована на развитие у ребенка соответствующего конкретно-культурного варианта

его социально-комфортной сферы. Воспитание необходимого содержания материнской сферы обеспечено различными средствами в каждой культуре и может быть описано как «онтогенетический путь к модели». Этот путь обеспечивает наличие как видотипичных, так и конкретно-культурных материнских функций без осознания матерью самих этих функций и их роли в развитии социально-комфортной сферы ребенка, его сферы общения и неспецифических мотивационных основ его образа мира. Ситуация в современном евро-американском обществе может быть охарактеризована как «потеря пути к модели» материнства, сочетающаяся с расширением и появлением открытого содержания самой модели социально-комфортной сферы субъекта, не обеспеченной соответствующей моделью материнской потребностно-мотивационной сферы. В настоящее время наблюдается тенденция поиска нового «пути к модели», основанная на осознании как потребностей материнской сферы, так и особенностей психического развития ребенка.

Модель материнства и обеспечение ее формирования в онтогенезе женщины («путь к модели») в каждой культуре достаточно жестко выражены и соответствуют столь же определенной модели развития взрослого члена общества. М. Мид в этой связи отмечает, что количество альтернатив (то есть вариантов личностных особенностей взрослых членов общества, социальных и семейных ролей), с которыми столкнется ребенок при вступлении в самостоятельную жизнь, довольно ограничено. В традиционных культурах условия онтогенеза создают возможность адаптации ребенка к большому количеству вариантов, чем содержится в его культуре, так как происходит перераспределение материнских функций, ведущее к образованию у ребенка множественных привязанностей, их непрерывности и прочности. В условиях современного общества евро-американского типа наоборот, существует несоответствие обеднения и ригидности формирования привязанности ребенка в раннем онтогенезе, с одной стороны, и множественности моделей поведения (социальных и семейных), с которыми ребенок столкнется во взрослой жизни, — с другой. Концентрация всех материнских функций на матери создает условия для формирования привязанности, ориентированной только на один объект. Это не соответствует новым требованиям к личности как свободной, самореализующейся и независимой. Кроме того, сужение объектов привязанности и обеднение вариативности материнских функций (так как все сосредоточено в одном субъекте — матери) также ведет к меньшей вариативности развития ребенка.

Налицо новая модель личности, не обеспеченная соответствующей моделью материнства. Усугубляет положение разрыв межпоколенных связей, потеря традиционных способов передачи опыта и оформления материнско-детского взаимодействия. Женщина на пороге материнства оказывается неосведомленной об элементарных особенностях развития ребенка и своих функциях в уходе за ним и общении. Кроме того, уменьшение количества детей в семье ведет к тому, что часто первый младенец, с которым встречается мать, — это ее собственный ребенок. В этих условиях молодые родители обращаются к поиску недостающей информации. Помимо возникновения потребности в повышении своей родительской компетентности, происходит осознание недостаточности в эмоциональных переживаниях, неготовности к возникновению материнских чувств. Все это ведет к направленному, осознанному развитию не только информационных, но и эмоциональных основ материнской сферы. Ее построение становится задачей самого субъекта материнства. Женщина интересуется тем, что она должна чувствовать, какую роль это играет в развитии ребенка, зачем ей это надо самой и что надо делать для развития этих чувств. Подготовка к материнству теперь не ограничивается ведением беременности и сведениями об уходе за ребенком и кормлении. В нее входят развитие эмоциональной сферы, интуиции, освоение способов общения с ребенком до рождения и т.п. Разумеется, этот новый «путь к модели» еще только начинается. Но, возможно, он приведет не только к новой модели материнства и формированию соответствующих содержаний материнской сферы женщины, но и окажется эффективным для воспитания ребенка, обладающего высоким уровнем эмоционального благополучия и способностью к активной и счастливой жизни в новых условиях развития общества. Сведения об эффективности родов и послеродового развития взаимодействия с ребенком у матерей, прошедших психологическую подготовку к материнству, подтверждают это мнение. Успешность родов, благополучная ситуация с грудным кормлением достигают в этих случаях 80 — 90 %, что намного превышает средние показатели [Н.П. Коваленко, Г.И. Брехман, А.И. Захаров, О.Л. Троянина, Е.М. Фатеева и др.].

Все это свидетельствует о необходимости психологической помощи и увеличении социального запроса на ее получение в современном обществе. Организация психологической службы такого рода в нашей стране пока еще дело будущего.

Вопросы для обсуждения

1. Место материнства в потребностно-мотивационной сфере женщины.
2. Содержание потребностно-эмоционального блока материнской сферы.
3. Содержание ценностно-смыслового блока материнской сферы.
4. Содержание операционального блока материнской сферы.
5. Онтогенетические этапы развития материнской потребностно-мотивационной сферы.
6. Особенности развития материнской сферы после рождения ребенка.
7. Конкретно-культурные и индивидуальные особенности материнства.

Глава 4

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ МАТЕРИ И РЕБЕНКУ

4.1. Проблема психологической помощи в материнстве и существующие формы психологической помощи

Экспериментальные исследования разных этапов развития материнской сферы на разных группах испытуемых (беременные, матери с детьми, лонгитюдное исследование женщин с начала беременности до второго полугодия жизни ребенка, матери с детьми и отказницы, дети разного возраста) показало, что динамика изменения основных показателей содержания материнской сферы в беременности зависит от наличного типа и динамики интерференции ценностей «ребенок-внедряющиеся» (Г.Г. Филиппова, В.И. Брутман, И.Ю. Хамитова). Сам тип интерференции и начальная ценность ребенка, имеющиеся у матери к началу пятого этапа, формируются в онтогенезе на всех предыдущих этапах развития. Связь этих содержаний с личностными особенностями матери и содержанием ее социально-комфортной сферы обуславливает ситуативное развитие ценности ребенка в конкретных условиях пятого этапа.

Изучение динамики пятого этапа развития материнской сферы и реконструкция предыдущих этапов показали, что каждый раз динамика типа интерференции ценностей «ребенок-внедряющиеся» будет зависеть от конкретного содержания, развития и реализации всех компонентов материнской сферы и не может быть сведена к жесткой формализации. Таким образом, предложенный подход позволяет диагностировать именно индивидуальное развитие и обеспечивает необходимый индивидуальный подход для психологического вмешательства.

На основе изучения онтогенеза и динамики преобразования всех компонентов материнской сферы на пятом этапе развития выявилось, что базовыми содержаниями ценности ребенка являются эмоциональная ценность и замена ценности ребенка на ценности социально-комфортной сферы (Г.Г. Филиппова). Из них под влиянием интерференции с внедряющимися ценностями и в конкретных условиях материнско-детского взаимодействия дифференцируются все варианты окончательной ценности ребенка. В период беременности наиболее прогностичными показателями, характеризующими динамику интерференции ценностей «ребенок-внедряющиеся», являются отношение к шевелению и стиль переживания беременности.

Полученные в экспериментальных исследованиях данные позволяют предположить, что уже в беременности возможно прогнозирование снижения ценности ребенка и сдвига интерференции ценностей в сторону внедряющихся, конфронтирующих с ценностью ребенка и материнства, а также выявление положительной динамики интерференции ценностей. Это позволяет проектировать индивидуально ориентированное психологическое вмешательство. Кроме того, в беременности возможен прогноз недостаточной материнской компетентности и неблагоприятного содержания таких компонентов материнской сферы, как стиль эмоционального сопровождения, субъективизация ребенка, использование своего состояния и ориентация на состояние ребенка как средств контроля развития ребенка, гибкость приспособления к режиму и т.п. что позволит проводить направленную коррекцию и психотерапию.

Переживание беременности и динамика стиля переживания беременности отражает ценность ребенка, тип интерференции ценности ребенка с другими значимыми для женщины ценностями, является прогностическим для выявления особенностей материнского отношения и динамики ценности ребенка после родов. Это позволяет строить гипотезу о возможных осложнениях материнско-детского взаимодействия в родах и после родов. После рождения ребенка отклоняющиеся от адекватного стили переживания беременности конкретизируются и процессе послеродового периода и переходят в устойчивые стили материнского отношения. В беременности возможно предсказать содержание

некоторых компонентов материнского поведения (например, стили эмоционального сопровождения, использование средств контроля при определении состояния ребенка, динамику ценности ребенка и некоторые другие) и степень отклонения стиля материнского отношения от адекватного. Кроме того, в беременности возможен прогноз возникновения послеродовых депрессий или психозов на основе прогнозируемого резкого снижения ценности ребенка или тенденции к исключительной ценности ребенка в сочетании с общей динамикой стиля переживания беременности и склонности к депрессивным или психотическим состояниям.

Изучение психологического состояния женщин во время вынашивания ребенка (В.И. Брутман, А.Я. Варга, М.С. Радионова, Г.Г. Филиппова, И.Ю. Хамитова и др.) позволяет предположить, что в беременности есть собственная, присущая ей динамика обострения и ослабления имеющихся у женщины проблем. В первом триместре актуализируются и остро переживаются проблемы с собственной матерью и другими объектами привязанности, проблемы отношений с мужем. Во втором и третьем триместрах появляется выраженное избегание отрицательных эмоций, проблемы первого триместра явно ослабевают, актуальными становятся страх перед родами и своей некомпетентности в послеродовом периоде. В начале третьего триместра выражен «синдром обустройства гнезда», который проявляется в повышении активности, стремлении упорядочить имеющиеся проблемы. Направление активности в этот период на подготовку к родам и послеродовый период соотносится с благоприятной динамикой течения беременности и ценности ребенка, активность, не связанная с ребенком, — с неблагоприятной динамикой. К концу беременности чаще всего ослаблены страх родов, своей некомпетентности, снижается напряжение всех остальных проблем. Обратная ситуация отражает выраженную неблагоприятную динамику переживания беременности и ценности ребенка.

Показано, что особенности материнской сферы являются относительно устойчивыми для каждой женщины. Однако они могут варьировать относительно каждого конкретного ребенка. К моменту рождения ребенка у матери есть некоторый «стартовый уровень» содержания всех блоков материнской сферы, обусловленный историей ее развития, включая опыт, полученный с предыдущими детьми. Актуальное материнство (взаимодействие именно с этим ребенком) модифицирует содержание материнской сферы в зависимости от конкретных условий. Наиболее устойчивыми являются стиль эмоционального сопровождения, некоторые другие содержания операционального блока (операции общения, baby talk, воспитательные стратегии и др.). Более вариативен потребностно-эмоциональный блок (потребность во взаимодействии с ребенком, потребность в заботе и охране и особенно потребность в материнстве, наиболее подверженная опыту собственного материнства). Ценностно-смысловой блок является самым лабильным, так как зависит от развития всей личности и динамики других ценностей. Интерференция ценностей ребенка и материнства с другими внедряющимися ценностями существенно изменяется непосредственно в актуальном материнстве, то есть на пятом этапе онтогенеза материнской сферы.

Современные исследования позволяют использовать объективные критерии для диагностики стиля переживания беременности и прогноза стиля материнского отношения, ценности ребенка и ее динамики. Одним из основных критериев успешности материнства является способность матери быстро и адекватно реагировать на состояния ребенка (респонсивность и сензитивность) и качественно удовлетворять его потребности (в том числе и в эмоциональном общении). Для этого матери необходимо чувствовать эмоциональное и физическое состояние ребенка, ориентируясь на свое состояние, а не на рациональные способы контроля, то есть уметь синхронизироваться с эмоциональным состоянием ребенка. Одним из наиболее древних и эффективных средств эмоциональной синхронизации является интонирование вокализаций партнера по общению, которое хорошо выражено у млекопитающих, в том числе и у приматов. Эта форма поведения используется во внутривидном взаимодействии и ярко выражена во взаимодействии матери с детенышем. В речевом общении взрослых с ребенком такое интонирование является одним из компонентов baby talk. Наличие интонирования вокализаций ребенка позволяет матери определить эмоциональное состояние ребенка, сформировать средства невербального взаимодействия с ним, повысить субъективизацию ребенка, предоставить ему свидетельство своего эмоционального участия и возможность для освоения средств общения. Распознавание матерью интонаций плача ребенка является объективным показателем ее материнской компетентности (исследование Н.Я. Кушнир). Новорожденные дети чувствительны к интонациям голоса взрослого, они предпочитают совпадение источника голоса и зрительной стимуляции (лица матери). Использование интонации при передаче эмоционального смысла ситуации является онтогенетически ранней по сравнению со смысловой. Дети дошкольного возраста при затруднении в объяснении эмоций используют интонации (исследование Н.В. Соловьевой). Все это

позволяет предположить, что интонирование матерью вокализаций ребенка является одним из показателей ее материнской компетентности и благоприятной направленности на ситуацию взаимодействия с ребенком. В беременности можно выявить появление такого изменения голоса матери, его связь с ситуацией взаимодействия с ребенком.

Общая инфантилизация эмоциональной сферы женщины в беременности (лабильность эмоций, импульсивность, избегание отрицательных эмоциональных состояний, капризность) выражена уже во втором триместре, когда появляются ощущение шевелений и реакция матери на них. Эти изменения в эмоциональной сфере отражаются в речи. Отклонения от адекватного стиля переживания беременности сами по себе свидетельствуют о проблемах с материнством. Такие отклонения могут отражаться в речевом поведении беременной в двух вариантах:

1. Ослабление проявления инфантильных компонентов интонаций речи.
2. Не проявление этих компонентов в ситуации взаимодействия с ребенком.

Оба эти случая могут быть выявлены объективными методами. Это проявится в не появлении интонационных компонентов baby talk в рассказе о ребенке (своем или опыте общения с младенцами), его шевелении, а также в момент шевеления ребенка, в процессе речевого взаимодействия с внутриутробным ребенком, в ситуации рисуночного теста. Общее эмоциональное отношение к ребенку, характеризующее ценность ребенка и стиль переживания беременности, также отразится во всех этих случаях в интонации речи женщины (и в других выразительных средствах).

Недостаточная выраженность интонационных компонентов baby talk связана с онтогенезом материнской сферы (в первую очередь, нарушение 1-го, 2-го, а также 3-го этапов онтогенеза материнской сферы), недостаточной ценностью ребенка вообще, сильным напряжением внедряющихся ценностей, снижающих ценность именно этого ребенка.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что психологическая помощь матери и ребенку на разных этапах развития материнства и материнско-детского взаимодействия должна строиться с учетом всех особенностей содержания и развития материнской потребностно-мотивационной сферы женщины.

Своевременная диагностика содержания и развития материнской сферы позволяют выявить группу риска (нарушения материнско-детского взаимодействия, девиантное материнство, послеродовые депрессии и т.п.) «а первых месяцах беременности и даже в период планирования беременности (в центрах планирования семьи, в женских консультациях). Опираясь на представление об онтогенетических этапах материнской сферы, можно строить профилактическую и коррекционную работу в закрытых детских учреждениях. Диагностика и направленная психологическая помощь по проблемам материнства необходимы для ситуации усыновления ребенка. Самостоятельным направлением является изучение материнства у психически больных женщин, для которых становится возможным психологическое сопровождение беременности, родов и послеродового периода с целью уменьшения риска психических нарушений у ребенка после рождения.

Психологическая помощь для женщины по проблемам материнства может осуществляться в рамках разных форм психологической практики. Чаще всего это не специализированные психологические службы. Можно выделить четыре направления психологической практики, где женщина может получить более или менее полноценную и квалифицированную помощь по проблемам материнства:

1. Подготовка к родам и материнству (курсы для будущих родителей, школы подготовки к родам и т.п.).
2. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование и психотерапия.
3. Психологическая помощь матери и ребёнку.
4. Комплексная психологическая помощь по проблемам материнства.

Каждое из этих направлений основывается на разнообразных психологических подходах и техниках консультирования и терапии и более или менее включает проблематику материнства. Остановимся на них несколько подробнее.

Подготовка к родам и материнству

Такая подготовка осуществляется разными медицинскими и психологическими организациями, а также неформальными объединениями родителей и индивидуально практикующими специалистами (психологами, акушерами и т.п.). Это могут быть курсы и школы для будущих родителей и другие, которые в основном ставят своей целью подготовку беременных женщин и семейных пар к родам. В такую подготовку входит обучение технике расслабления, дыхания, регуляции своих эмоциональных состояний, освоение разных навыков для облегчения родов, в том числе «родового голоса» и т.п. Обычно включаются занятия по повышению родительской компетентности, гимнастика, разные формы

творческой деятельности.

В некоторых случаях программа более широкая, с акцентом на психологическую подготовку к родам и материнству. Используются разные формы групповой работы, направленной на развитие творческих способностей, личностный рост, развитие эмоциональной сферы, снятие тревоги, проработку образа ребенка, своих ожиданий от родов, используются методы пренатального обучения и налаживания взаимодействия матери с ребенком в течение беременности.

Занятия в таких школах проводятся групповые, часто совместные для будущих матерей и отцов. Включаются методы арттерапии, групповой психотерапии, музыкальной и телесно-ориентированной терапии, аутотренинг, хоровое и индивидуальное пение и т.п., частично адаптированные для целей подготовки к родам и материнству. Разработаны некоторые оригинальные методы, например проработка образа ребенка и своих ожиданий от родов с помощью медитаций, рисунков, других видов творческой деятельности, групповое обсуждение проблем беременности и родов, освоение родового голоса и пение колыбельных песен и др. Проводится тренинг поведения в родах, взаимодействия с ребенком, семейных отношений.

За рубежом такие школы и курсы достаточно широко распространены и чаще всего проводятся на базе родильных домов или местных медицинских учреждений. В нашей стране также существуют авторские программы подготовки к родам. Это направление получило название перинатальной психологии, создана Ассоциация перинатальной психологии и медицины России, объединяющая специалистов Москвы, Санкт-Петербурга, Иванова, Перми, Рыбинска, Братска и других городов. Однако государственной программы и единой стратегии организации подготовки к родам еще нет.

Недостатком этой формы психологической помощи, помимо ее недостаточной распространенности и малодоступности для населения, является ориентация на роды как основную и часто конечную цель. Хотя в большинстве случаев речь идет о налаживании взаимоотношения с ребенком и вся подготовка строится с позиций Обеспечения для него лучшего будущего, тем не менее контакт со специалистами после родов прерывается и дальнейшие проблемы материнства Мать будет решать либо самостоятельно, либо вынуждена обращаться к другим специалистам. Кроме того, такая подготовка ориентирована на групповую работу, часто вообще без использования индивидуального консультирования. Обычно не проводится предварительная индивидуальная диагностика особенностей материнской сферы, и женщины в процессе групповых занятий сами прорабатывают свои проблемы. Разумеется, этот способ также является очень эффективным, особенно в тех случаях, когда подготовка к родам совмещается с ведением самих родов.

Индивидуальное и семейное психологическое консультирование и психотерапия

Проблемы материнства могут решаться в рамках общей семейной и индивидуальной консультационной и психотерапевтической работы. В данном случае важно, насколько психолог знаком с проблемами беременности и материнства. Часто применяются психоаналитические и микропсихоаналитические подходы к консультированию и терапии, ориентированные на проработку личностных проблем матери, а также клиент-центрированная и семейная терапия и консультирование.

В зарубежной практике беременность рассматривается как кризисное состояние, требующее психологической поддержки. Широко используются различные диагностические методы — личностные, проективные, для определения уровня и динамики тревожности и т.п. Выбор терапевтических техник основывается на индивидуальных особенностях женщины и характере существующих у нее проблем. Нередко используются комплексные методы оказания помощи, включающие услуги гинекологов, психологов, психиатров, педиатров и т.д. В нашей стране подобные методы применяются в исследовательских и диагностических целях (работы Г.В. Скобло и О.Ю. Дубовик, О.В. Баженовой, Л.О. Баз, О.А. Копыл, Г.В. Козловской и др.).

Недостатком этих форм психологической помощи является их несистематичность, разорванность с работой других специалистов, имеющих отношение к ведению беременности, родов, педиатрическими службами. Мать оказывается перед необходимостью обращаться к разным специалистам по разным поводам, связанным с материнством. Лучше обстоят дела при комплексном подходе, но, к сожалению, он слишком редко бывает доступен для женщины. Следует отметить и то, что в этих случаях не применяется групповая работа, что также стимулирует родителей к поискам дополнительных форм решения своих проблем.

Психологическая помощь матери и ребенку

Чаще всего этот вид психологической помощи ориентирован на дошкольный и более старший возраст ребенка. В нашей стране для родителей с детьми раннего возраста такая помощь оказывается психологами детских дошкольных учреждений или в специализированных центрах, очень редко — в

психологических консультациях. Консультирование для матерей с младенцами, а тем более новорожденными, не говоря уж о пренатальном периоде, практически не проводится. Исключение составляют отдельные специалисты при научно-исследовательских учреждениях. За рубежом этот вид помощи более распространен, однако для родителей с самыми маленькими детьми он также менее доступен и чаще всего совмещен с педиатрической практикой.

При оказании такого рода психологической помощи широко используются методы диагностики развития ребенка, его эмоционального благополучия, диагностика родительского отношения и взаимодействия матери с ребенком. Этот род психологической практики традиционно ориентирован на проблемы ребенка, мать, и ее психологические проблемы рассматриваются (и корректируются) с позиций оптимизации условий развития ребенка.

Чаще всего это детско-родительское или семейное консультирование, которое проводят специалисты в области психического развития ребенка. Нередко в этих случаях открывающиеся для матери ее собственные проблемы побуждают ее обращаться к другим специалистам. Такое положение относительно проблем материнства снижает эффективность этого вида психологической помощи.

Комплексная психологическая помощь по проблемам материнства

В настоящее время еще нет такой развитой и самостоятельной службы. На основе опыта перечисленных выше форм психологической практики можно охарактеризовать задачи и содержание подобной формы психологической помощи. Такая служба должна объединить необходимую помощь матери и ребенку во всех возрастах, начиная с планирования беременности, а может быть, и еще раньше, включая консультирование по формированию материнской сферы в онтогенезе.

В настоящее время можно сформулировать основные особенности организации и работы такой службы.

Цели: оказание психологической помощи матери и ребенку на всех этапах развития их взаимодействия, включая проблемы материнства как потребностно-мотивационной сферы матери.

Задачи: оптимизация содержания и динамики развития материнской сферы женщины, включая мать и ребенка как членов единой системы.

Основные особенности: оказание помощи на всех этапах одними и теми же специалистами; комплексная организация помощи, включающая психолога-специалиста в области психологии материнства и детства одновременно, гинеколога-акушера, педиатра, возможность консультирования другими специалистами (психоневрологом, психиатром, эндокринологом и др.); участие в ведении родов; патронаж после родов; оказание помощи по мере необходимости в дальнейшем. Центральной фигурой, объединяющей работу всех специалистов и осуществляющей преемственность работы на всех этапах развития материнско-детского взаимодействия, является психолог.

Содержание:

- диагностика индивидуальных особенностей материнской сферы;
- психологическая помощь в беременности и взаимодействии с ребенком;
- повышение материнской компетентности;
- помощь в решении семейных психологических проблем;
- психологическое и акушерско-гинекологическое ведение беременности;
- подготовка к родам;
- организация групповых занятий в беременности, для родителей и детей;
- индивидуальное консультирование;
- патронаж специалистов после рождения ребенка.

Организация психологической помощи: наиболее приемлемым представляется организация такого рода комплексной психологической помощи в местных центрах, связанных с медицинскими учреждениями (женскими консультациями, родильными домами, детскими поликлиниками) и детскими дошкольными, а возможно, и образовательными учреждениями. Возможно участие в образовательных программах средних учебных заведений.

В настоящее время речь может идти только о перспективах организации подобной психологической службы. Другим вариантом может быть консультационная работа психолога при женских консультациях. В этих случаях необходима связь психолога с родильными домами и детскими поликлиниками, а также возможность консультирования матерей после рождения ребенка.

4.2. Структура и содержание психологического консультирования

Индивидуальное консультирование по проблемам материнства начинается чаще всего в период

беременности и может охватывать послеродовой и более поздние периоды материнско-детского взаимодействия. Хорошо, если оно может сочетаться с групповой работой (подготовка к родам, школа для родителей и т.п.). Консультирование включает в себя несколько сеансов, количество и продолжительность которых зависят от конкретного случая.

При общем ведении беременности целесообразна следующая последовательность этапов консультирования, каждый из которых может включать один или больше сеансов:

1. Этап планирования беременности. Проводится диагностика содержания и онтогенеза материнской сферы женщины, определяется «стартовая» ценность ребенка, содержание «внедряющихся» ценностей и тенденция их интерференции с ценностью ребенка. При анализе онтогенеза выявляются возможные нарушения онтогенетических этапов (недостаточность опыта, его неадекватное для задач материнства содержание). При необходимости предпринимаются профилактические или коррекционные меры.

2. Первый триместр беременности. Проводится дополнительная диагностика содержания материнской сферы и динамики ее развития в начале беременности. Обсуждаются ситуация идентификации беременности, стиль переживания соматической симптоматики, содержание и динамика эмоционального состояния. Строится первая психологическая гипотеза динамики развития материнской сферы в беременности и интерференции ценности ребенка с «внедряющимися».

3. Второй триместр беременности. Обсуждается первое шевеление ребенка, отношение к шевелению в дальнейшем. Проводится диагностика динамики развития материнской сферы, уточняется первоначальная гипотеза, строится прогноз особенностей родов и послеродовых взаимодействий с ребенком. Обсуждаются возможность и способы установления взаимосвязи с ребенком на основе ощущений от шевеления.

4. Третий триместр. Проводится дальнейшая диагностика динамики развития материнской сферы. Проектируется пренатальное взаимодействие с ребенком. Уточняются гипотеза и прогноз родов и послеродового периода.

5. Предродовой период. Основная цель — уточнение гипотезы и прогноза родов и послеродового периода и психологическая подготовка к родам.

6. Послеродовой период. Патронаж на дому. Обсуждение родов, первого впечатления от взаимодействия с ребенком, существующих проблем. Налаживание контакта с ребенком, процесса кормления. Уточнение гипотезы и прогноза стиля материнско-детских отношений. Делается прогноз возможного возникновения послеродовой депрессии.

7. Окончание периода новорожденности. Диагностика динамики развития материнской сферы и актуального материнско-детского взаимодействия. Общая диагностика психического развития ребенка. Помощь в решении возникающих проблем взаимодействия с ребенком.

8. Дальнейшие консультации по мере необходимости, желателен контроль в конце каждого полугодия жизни ребенка.

В процессе консультаций вводятся необходимые воздействия. Их форма зависит от результатов диагностики. Во время беременности обязательно включаются способы подготовки к родам и материнству, учитывающие возможность групповой работы. При необходимости предпринимаются индивидуальные меры психотерапии и психокоррекции.

4.3. Диагностика и проектирование коррекции

Психологическая помощь в материнстве включает в себя не только консультирование и элементы психотерапии, но и коррекционные мероприятия. Это обусловлено тем, что на самом деле клиентом психолога в данном случае является не только мать, но и ребенок. Поэтому вся работа является сочетанием индивидуальной и семейной форм психологической помощи, с ее специфической ориентацией на мать и ребенка как единую систему.

В диагностику входят: определение содержания материнской сферы, истории ее развития, актуальной динамики; диагностика психического развития ребенка; диагностика материнско-детского взаимодействия.

Коррекционные и терапевтические мероприятия зависят от особенностей каждого конкретного случая и предполагают опору на наиболее благополучные аспекты материнской сферы, развития ребенка и материнско-детского взаимодействия. Для коррекционных целей по возможности следует использовать наряду с индивидуальной и групповую работу.

Поскольку диагностика и коррекция развития ребенка и детско-родительских отношений

достаточно подробно представлены в научной и учебной литературе, остановимся на самой материнской сфере.

Методы диагностики

1. Клиническая беседа в форме полуструктурированного интервью.

Проводится в обычной принятой в психологическом консультировании форме. Особенность ее состоит в необходимости учитывать состояние женщины в беременности и связь всех ее переживаний с состоянием ребенка. В беседу включаются необходимые для сбора информации темы.

Общая структура беседы:

- обсуждение проблем, с которыми женщина обратилась к психологу;
- диагностика содержания материнской сферы и ее онтогенеза;
- выявление содержания ценности ребенка;
- выявление «внедряющихся» ценностей;
- выявление типа и тенденций интерференции ценностей;
- определение особенностей данного этапа развития материнской сферы.

Во время беседы обсуждаются желанность и степень планированное™ беременности, предположения или воспоминания о родах и послеродовом периоде (в зависимости от ситуации), представление о ребенке, свой детский опыт, взаимоотношения с матерью, все впечатления относительно собственных детей и опыта взаимодействия с младенцами до рождения своих детей и т.д.

2. Включение методов психодиагностики:

- генограмма с проработкой материнской линии желательно в трех поколениях для построения семейной модели материнства и детства;
- анкетирование для уточнения формальных данных и оптимизации сбора информации;
- определение особенностей самооценки с помощью модифицированного метода Дембо-Рубинштейн, включающего четыре набора из 6 шкал (здоровье, красота, счастье, характер, удача, ум) для оценки себя, своей матери, отца ребенка и ребенка (Г.Г. Филиппова); с помощью этого метода получается дополнительная информация об отношениях в семье, ценности ребенка и ее интерференции с другими ценностями;
- проективные рисуночные тесты «Моя семья», «Я и мой ребенок» (Г.Г. Филиппова), «Я — ребенок и моя мама» (Г.Г. Филиппова) и на другие темы в зависимости от ситуации;
- проективные методики: тест «Фигуры», тест «Эпитеты» (В.И. Брутман, Г.Г. Филиппова, И.Ю. Хамитова) и др.
- сочинение о своем ребенке с использованием контентанализа;
- наблюдение за поведением матери в диагностически значимых ситуациях и при взаимодействии с ребенком, в зависимости от периода материнства;
- диагностика уровня тревожности (при необходимости);
- включение дополнительных методов для уточнения гипотезы.

На основе диагностики выделяется психологическая проблема, требующая психологического вмешательства, выявляются наиболее сохраненные и хорошо выраженные компоненты материнской сферы, определяются необходимые меры помощи. Проектирование коррекционных мероприятий строится на основе прогноза динамики материнской сферы и особенностей ситуации.

Проектирование коррекционных мероприятий

Коррекционные мероприятия включают консультирование, индивидуальную и групповую терапию, терапию материнско-детского взаимодействия, семейное консультирование и терапию, психокоррекцию развития ребенка. Содержание и формы психологического воздействия зависят от возраста ребенка и выявленных при диагностике особенностей материнской сферы женщины (и, разумеется, особенностей развития ребенка).

В коррекцию материнской сферы входят:

- изменение имеющихся содержаний материнской сферы;
- направление динамики интерференции ценностей в сторону оптимизации баланса ценностей ребенка и внедряющихся;
- освоение матерью недостающих форм опыта;
- изменение эмоциональной окраски имеющихся субъективных переживаний;
- тренинг взаимодействия с ребенком, эмоционального сопровождения, тактильного контакта и т.п.

Для коррекционных целей могут применяться разные методы в зависимости от особенностей женщины и опыта психолога.

Особое внимание следует уделить налаживанию взаимодействия матери с ребенком в пренатальном и раннем постнатальном периоде, в отношении которого недостаточно разработанных методов. Возможно применение метода гаптономии (тактильно-голосовое взаимодействие с ребенком во второй половине беременности) и других методов пренатального воспитания. В послеродовом периоде обязательно включение семейного консультирования.

При возникновении послеродовой депрессии необходима психологическая работа с семьей, помощь в оптимальном распределении материнских функций. Для матери полезно найти те моменты взаимодействия с ребенком и такие переживания при этом, которые доставляют ей удовольствие, и налаживать контакт с ребенком, опираясь на них.

При трудностях с грудным кормлением следует учитывать, наряду с его пользой для ребенка и развития материнско-детского взаимодействия, возможное деструктивное влияние на динамику материнской сферы насильственного стимулирования грудного вскармливания. В каждом случае необходимо учитывать конкретные особенности ситуации. ,

Особенности применения перечисленных методов диагностики и коррекции входят в специальные курсы по подготовке специалистов в области психологического консультирования и психотерапии.

Вопросы для обсуждения

1. Существующие формы психологической помощи по проблемам материнства.
2. Особенности психологической помощи в материнстве.
3. Особенности диагностики содержания и развития материнской сферы.
4. Особенности психологической коррекции материнской сферы.

ЛИТЕРАТУРА

Обязательная

1. Авдеева Н.Н., Мещерякова Н.Ю., Ражников В.Г. Психология вашего младенца: у истоков общения и творчества. М.: Изд-во АСТ, 1996.
2. Баженова О.В. Диагностика психического развития детей первого года жизни. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
3. Батуев А.С. Физиология плода и детей. М.: Просвещение, 1998.
4. Бертин А. Воспитание в утробе матери или рассказ об упущенных возможностях. СПб.: МНПО «Жизнь», 1992.
5. Божович Л.И. Избранные психологические труды. М., Межд. пед. акад., 1995.
6. Брутман В.И. и др. Раннее социальное сиротство. Учебно-методическое пособие. М., 1994.
7. Брусиловский А.И. Жизнь до рождения. М.: Знание, 1991.
8. Валлон Ф. Психическое развитие ребенка. М.: Просвещение, 1967.
9. Винникотт Д.В. Разговор с родителями. М.: «Класс», 1994.
10. Винникотт Д.В. Маленькие дети и их матери. М.: «Класс», 1998.
11. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 4. М.: Педагогика, 1984.
12. Лебединский В.В. и др. Эмоциональные нарушения в детском возрасте. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
13. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986.
14. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1989.
15. Мозг и поведение младенца. М.: Ин-т Психологии РАН, 1993.
16. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М.: Роспедагентство, 1996.
17. Развитие личности ребенка/ Под общей ред. А.М. Фонарева. М.: Прогресс, 1987.
18. Сергиенко Е.А. Антиципация в раннем онтогенезе человека. Дисс. докт. психол. наук: М., 1997.
19. Флейк-Хобсон К., Робинсон Б.Е., Скин П. Развитие ребенка и его отношений с окружающими. М.: Центр общечел. цен., 1993.
20. Фонарев А.М. Внутриутробное развитие ребенка. М.: Минздрав СССР. Ин-т усовершенств. врачей, 1968.
21. Шпиц Р.А. Первый год жизни ребенка. М.: ГЕРРУС, 2000.
22. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1989.

23. Эмоциональное развитие дошкольника / Кошелева А.Д. М.: Просвещение, 1985.
24. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато АСТ, 1996.

Дополнительная

1. Абрамова ГС Практическая психология. Екатеринбург: «Деловая книга», 1998.
2. Абрамченко В.В. Психосоматическое акушерство. СПб.: Сотис, 2001
3. Авдеева Н.Н. Развитие образа самого себя у младенца. Дисс. канд. психол. наук. М., 1982.
4. Азбука любви. Книга для родителей / Кошелева А.Д. М., Просвещение, 1996.
5. Алешина Ю.Б. Индивидуальное и семейное консультирование. М., 1994.
6. Андреева Н.Г., Соколова Л.В. Этот удивительны и младенец. СПб.: Лань, 1999
7. Арнаутова Е.П. Педагогическая коррекция детско-родительских отношений в условиях повторного брака матери. Дисс. канд. пед. наук., М., 1996.
8. Аршавский И.А. Роль эндокринных желез матери в механизмах антенатального развития организма. // Становление эндокринных функций в зародышевом развитии. М.: Наука, 1966, с. 280 – 295
9. Баженова О.В., Баз Л.Л., Копыл О.А. Готовность к материнству: выделений факторов, условий психологического риска для будущего развития ребенка // Синапс 1993, № 4.
10. Баз Л.Л., Скобло Г.В. Особенности общения со взрослыми младенцев от матерей с послеродовыми депрессиями // Психология сегодня. Ежегодник Рос. психол. об-ва, т. 2, вып. 3. М., 1996, с. 133 — 134.
11. Баскина Ю.В. Методика диагностики родительских отношений (методика включенного конфликта). Дисс. канд. психол. наук. М., 1992.
12. Бобошко И.Е., Рябчикова Т.В., Жданова Л.А. Опыт использования психотерапевтических методов профилактики задержки внутриутробного развития плода у женщин с патологически протекающей беременностью // Охрана здоровья семьи. Иван. НИИ материнства и детства. Иваново, 1996, с. 156 – 162.
13. Брусиловский А.И., Георгиевская Л.С. История развития эмбриологии человека. Симферополь, Крымск. мед. ин-т, 1990.
14. Брутман В.И., Панкратова М.Г, Ениколопов С.Н. Некоторые результаты обследования женщин, отказывающихся от своих новорожденных детей. // Вопросы психологии, 1994, № 5, с. 31 – 40.
15. Брутман В.И., Радионова М.С. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности. // Вопросы психологии, 1997, № 7, с. 38 – 47
16. Брутман В.И., Варга А.Я. Хамитова И.Ю. Влияние семейных факторовна формирование девиантного поведения матери // Психологический журнал. № 2, 2000, с. 79 – 87.
17. Варга Ф.Я. Структура и типы родительского отношения. Дисс. канд. психол. наук. М., 1987.
18. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
19. Волков В.Г., Садкова Ю.С., Шабалина Н.В. Индивидуально-психологические особенности беременных с угрозой выкидыша // Акт. вопр. транс-фуз. и клин, мед.: матер, науч.-практ. конф. Киров: НИИ гематол. и перелив, крови по итогам работы в 1994 г., Киров, 1995, с.74 – 75.
20. Ворошнина О.Р. Психологическая коррекция депривированного материнства. Дисс. канд. психол. наук. М., 1998
21. Вульф Ф.Р., Предко Н.Г. Психосугестивная программа для плода и беременной (предварительное сообщение) // Вестник гипнол. и психотерапии, 1992, № 2, с. 64 – 65.
22. Гарбузов В.И. Неврозы детского возраста и их профилактика. Л.: Знание, 1982.
23. Гормональная регуляция размножения млекопитающих. / К. Остин, Р. Шорт, М.: Мир, 1987.
24. Гроф С., Гроф К. Сияющие города и адские муки // Жизнь после смерти. М.: Прогресс, 1991.
25. Добряков И.В., Лазарева И.П. Здоровые роды — счастливый малыш.
26. Дьюсбери Д. Поведение животных: сравнительные аспекты. М.: Мир, 1981.
27. Завялова Ж.В. Психологическая готовность к родам и метод ее формирования. Дисс. канд. психол. наук, М., 2000
28. Захаров А.И. Как предупредить отклонения в поведении ребенка. М.: Просвещение, 1986.
29. Захаров А.И. Ребенок до рождения. СПб.: Союз, 1998.
30. Изард К. Эмоции человека. М.: МГУ, 1980.

31. Ильина И.Ю. Аффективное поведение и его коррекция в младшем дошкольном возрасте. Дисс. канд. психол. наук., М., 1996.
32. Кедрова Н.Б. «Здесь и теперь» в контакте матери с ребенком. //Московский психотерапевтический журнал, 1994, № 3, с. 187 – 193.
33. Кляйн М. и др. Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001.
34. Коваленко Н.П. Психологические особенности и коррекция эмоционального состояния женщины в период беременности и родов. Дисс. канд. психол. Наук. СПб., 1998.
35. Колоскова М.В. Психическое развитие младенцев с повышенным риском заболевания шизофренией. Дисс. канд. психол. наук, МГУ, 1989.
36. Кошелева А.Д., Алексеева А.С. Диагностика и коррекция материнского отношения. М.: НИИ Семьи, 1997
37. Кушнир Н.Я. Стадиально-возрастная динамика интонационной структуры плача ребенка в первые месяцы жизни. Дисс. канд. психол. наук. М., 1990
38. Лебойе Ф. За рождение без насилия. Пер. с фр. Репрод. изд. М., 1988.
39. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2-х томах. Т. 2, М.: Педагогика, 1983.
40. Марконе М. Девятимесячный сон. М., 1993.
41. Мать, ребенок, семья: современные проблемы. Мат. конф. «Мама — мой мир», СПб., 2000
42. Мещерякова-Замогильная С.Ю. Психологический анализ «комплекса оживления» у младенцев. Дисс. канд. психол. наук., М., 1979.
43. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству. // Вопросы психологии, 2000, № 5, с. 18 – 27.
44. Мухамедрахимов Р.Ж. Формы взаимодействия матери с младенцем. //Вопросы психологии, 1994, № 6, с. 16 – 25.
45. Перегуда В.И. Особенности самоконтроля у гиперактивных детей старшего дошкольного возраста. Дисс. канд. психол. наук. М., 1994.
46. Перинатальная психология в родовспоможении. Сб. мат. конф. СПб., 1997.
47. Перинатальная психология и медицина. Мат. Межд. конф., Иваново, 2001
48. Перинатальная психология и нервно-психическое развитие детей. Сб. мат. конф. СПб., 1990.
49. Перинатальная психология и нервно-психическое развитие детей. Сб. мат., Конф. СПб., 2000.
50. Погцова, Е.В. Качества матери, необходимые для психического развития ребенка раннего возраста. Дисс. канд. психол. наук. М., 1995.
51. Психодого-педагогические аспекты совершенствования дошкольного образования. Межвуз. сб. науч. тр. 4.1, Пермь, 1996.
52. Психотерапия и клиническая психология: методы, обучение, организация. Мат. конф. СПб.-Иваново, 2000.
53. Психотерапия: от теории к практике. Сб мат. конф. М., 1997.
54. Психотерапия сегодня. Сб. мат. конф. М., 1999.
55. Радионова М.С. Динамика переживания женщиной кризиса отказа от ребенка. Дисс. канд. психол. наук, М., 1997.
56. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собрано М. Забылицынымъ. М.: Изд. М. Березина, 1880.
57. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.
58. Рыжков В.Д. Психопрофилактика и психотерапия функциональных расстройств нервной системы у беременных женщин// Мед.помощь, 1996,№ 3. с. 33 – 36.
59. Свердлова Г.А. Роль взаимоотношений матери и ребенка в коррекции сниженной познавательной мотивации ребенка. Дисс. канд. психол. наук. М., 1995.
60. Сексуальное развитие и половое воспитание детей. Спецкурс для вузов. М.: АПО, 1994.
61. Сергиенко Е.А. и др. Развитие близнецов и особенности их воспитания. М., Ин-т психологии РАН, 1996.
62. Скобло Г.В., Дубовик О.Ю. Система «мать — дитя» в раннем возрасте как объект психопрофилактики // Социальная и клиническая психиатрия, 1992, № 2, с. 75 – 78.
63. Службы психического здоровья в раннем развитии ребенка. Тез. докл. регион, междун. междисц. конф. 30 мая — 2 июня 1995, М., 1995.
64. Смирнова Е.О. Становление межличностных отношений в раннем онтогенезе // Вопр. психол., 1994, № 6, с. 5 — 15.

65. Смирнова Е.О. Теория привязанности: концепция и эксперимент// Вопросы психологии, 1995, № 3, с. 139 — 151.
66. Современные направления психотерапии и их клиническое применение. Мат. 1 Всеросс. конф. по психотерапии. М., 1996.
67. Солод К.В. Психическое развитие младенцев в условиях материнской депривации Дисс. канд. психол. наук. М., 1998.
68. Сорокина А.И. Развитие эмоций в общении со взрослыми у детей первого года жизни. Дисс. канд. психол. наук. М., 1987.
69. Спиваковская А.С. Психопрофилактика детских неврозов. Комплексная психологическая коррекция. М., МГУ, 1988.
70. Стерн Д.Н. Дневник младенца. М.: Генезис, 2001.
71. Фанти С. Микropsихоанализ. М.: «ЦПП», 1997.
72. Филиппова Г.Г. Образ мира и мотивационные основы материнства.//Проблемы изучения и развития личности дошкольника. Пермь, 1995,с.31 – 36.
73. Филиппова Г.Г. Развитие материнского поведения в онтогенезе // Психология сегодня. Ежегодник Рос. психол. об-ва. Т. 2, вып. 3. М.,1996, с. 133.
74. Филиппова Г.Г. Психологические особенности ранней беременности и их влияние на развитие репродуктивного поведения // Социальная дезадаптация: нарушения поведения у детей и подростков. Мат. Росс. науч. практ. конф., 26 — 28 нояб. 1996.
75. Филиппова Г.Г. Материнство: сравнительно-психологический подход. // Психологический журнал, 1998, № 5, с.81 – 88,
76. Филиппова Г.Г. Психология материнства и ранний онтогенез. М.: Жизнь и мысль, 1999.
77. Филиппова Г.Г. Психология материнства (сравнительно-психологический анализ). Дисс. докт. психол. наук. М., 2000.
78. Филиппова Г.Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии // Вопросы психологии, 2001, № 2, с. 22 – 37.
79. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. М.: Педагогика, 1986.
80. Хьелл Л., Зигнер Д. Теории личности (основные положения, исследования и применение). СПб., Питер-пресс, 1987.
81. Чудинова Е.В. Возникновение знаковой функции на первом году жизни (сравнительный анализ улыбки и плача). Дисс. канд. психол. наук. М., 1986.
82. Шмуклер А.Б. Психозы беременности//Проблемы репродукции, 1995,№ 2, с. 19 – 22.
83. Шмурак Ю.И. Пренатальная общность// Человек, 1993, № 6, с. 24 — 37.
84. Экология земли — экология лона — экология земли. Мат. конф. Иваново, 1998
85. The Development of attachment and affiliative systems. Ed. by R.N. Emde at all, N.Y., L., Plenum press, cop., 1982 – XX.
86. The Different Faces of Motherhood. B. Berns, F. Hay eds. N.J., L., Plenum Press Cop., 1988.
87. Louis G.Ph.D., Margolis E. The motherhood report: how women feel about being mothers. N.J., McGraw-Hill Publ.Comp.,1987.
88. van Mens — Verhulst J. et all eds. Daughtering and mothering: Famale subjectivity reanalysed. Routledge, L.,Engl.,xv.,1993.
89. Phoenix A., Woollett A., Lloyd E. eds. Motherhood: meanings, prectices and ideologies. Gender and psychology. L.,1991.
90. Psychological aspects of a first pregnancy and early postnatal adoption. P.M. Shereshefsky and L.J. Yarrow adds. NJ., Raven Press Publ. 1973.
91. Verny T. eds. Pre-and Perinatal Psychology: an Introduction. N.J., Hum. Scien. Press.,1987.

Г. Г. Филиппова
ПСИХОЛОГИЯ МАТЕРИНСТВА
Учебное пособие

Директор издательства М. Г. Бурняшев
 Редактор И. В. Тепикина

Компьютерная верстка и техническое редактирование О. Ю. Протасова
 Художник А. П. Куцин Корректор М. В. Зыкова

Сдано в набор 10.09.2001. Подписано в печать 15.11.2001.

Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ. л. 15. Тираж 5000 экз.
Заказ № 1691.
Лицензия ЛР № 065485 от 31.10.97 г.
ЗАО «ИНСТИТУТ ПСИХОТЕРАПИИ»
123336, Москва, ул. Таежная, 1.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.
Тел. 3-01-60; 3-46-20; 3-46-05.